

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ ВЪ ПОЛЬШѢ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

□ □ □ СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ □ □ □

Н. Н. ПОЛЯНСКАГО.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
69-290 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-83

МОСКВА.
1915.

ПОРЪВА

Редакція просить лицъ, интересующихся разработанными въ настоящемъ сборникѣ вопросами, присылать по адресу главн. склада свои замѣчанія, отзывы и всякаго рода рецензіи.

ПОПРАВКА.

Въ строкѣ 5 на стр. IV предисловія послѣ слова «взаимное» пропущены слова: «довѣріе и» Слѣдуетъ читать: «взаимное довѣріе и уваженіе; кто знаетъ, не понадобятся ли эти — также только идеальныя — цѣнности».

Замѣченныя опечатки.

	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
Стр. 8.	„гартируютъ“	„гарантируютъ“
”	” „предпріимчивость“	” „предпріимчивость“
” 14.	„Объясняется“	„Объясняется“
” 23.	„Речи“	„Рѣчи“
” 80.	„собственными“	„собственнымп“
” 84.	„Oliepow“	„Cleinow“
” 110.	„устанвленъ“	„установленъ“

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ ВЪ ПОЛЬШѢ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

□ □ СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ □ □

Н. Н. ПОЛЯНСКАГО.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
W B I B L I O T E K A
99-390 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

Москва 1915 г.

22.680

Типографія „Московское Печатное Пр-во“ Вл. Венгерова, Мясницкая, 20.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Польско-еврейскія отношенія не въ первый разъ, конечно, привлекають къ себѣ вниманіе русскихъ читателей. Совмѣстное сожительство въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на небольшомъ пространствѣ земли двухъ національностей, такъ мало похожихъ другъ на друга, какъ поляки и евреи, не могло не породить чрезвычайно интересныхъ явленій социальнаго порядка. Однако, никогда интересъ къ польско-еврейскимъ отношеніямъ не былъ столь значительнымъ и столь распространеннымъ, какъ теперь.

Есть два для этого основанія. Во-первыхъ, манифестъ Верховнаго Главнокомандующаго, обѣщавъ полякамъ «свободу въ своей вѣрѣ, языкѣ, самоуправленіи» и одновременно напомнивъ имъ о необходимости уваженія къ правамъ тѣхъ національностей, съ которыми связала ихъ исторія, заставилъ думать, что вопросъ о правовомъ урегулированіи взаимоотношеній поляковъ и евреевъ въ Польшѣ получить непосредственно послѣ войны значеніе практической проблемы. Во-вторыхъ, новая злостная форма антисемитизма части польскаго общества (обвиненіе евреевъ въ недостаткѣ преданности своему отечеству) вызвала тревогу въ прогрессивныхъ кругахъ русскаго общества. Человѣконенавистничество заразительно; міазмы клеветы обладаютъ способностью быстро распространяться. Казалось необходимымъ какъ можно скорѣе обнаружить клевету, раскрыть ея происхожденіе и ея цѣли.

Конечно, немедленно раздались предостерегающіе голоса: не подымайте вопроса, вы развяжете языки нашимъ собственнымъ антисемитамъ истинно-русской закваски; на каждое ваше слово въ пользу евреевъ они отвѣтятъ потокомъ обвиненій, которыя они усердно копятъ, а такъ какъ у нихъ есть сильные союзники, то противъ этихъ обвиненій вамъ трудно будетъ бороться.

Какъ будто можно было на минуту предположить, что наши отечественные ненавистники евреевъ не используютъ въ удобный для нихъ моментъ пущенной въ оборотъ и оставшейся безъ возраженій инсинуаціи. Какъ будто робкое молчаніе ихъ противниковъ само по себѣ не дало бы имъ въ руки сильнаго довода: вы молчали, потому что вамъ нечего было возразить.

Теперь не время для національныхъ разногласій,—говорили другіе,—теперь нужно напрячь всѣ свои силы на одну цѣль—сломить врага; внутреннія распри ослабляютъ народную силу. Пусть евреямъ плохо *пока*; о нихъ вспомнить, когда кончится война.

Близорукое соображеніе! Распри между національностями ослабляютъ народную силу,—а травля одной національности со стороны другой ея не ослабляетъ? За евреями признается право на вниманіе къ ихъ интересамъ въ будущемъ, а теперь находятъ цѣлесообразнымъ предоставить ихъ преслѣдователямъ злорадно ткать основу, на которой со временемъ будетъ расшитъ яркій узоръ аргументаціи противъ притязаній евреевъ на равноправіе. Провозглашаютъ одною изъ цѣлей войны освобожденіе угнетенныхъ національностей, и одновременно мирятся съ угнетеніемъ національности, не меньше, чѣмъ другія, доказавшей свою любовь къ родной странѣ и готовность жертвовать для нея жизнью своихъ представителей и своимъ достояніемъ. Какія неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія и какое тяжелое испытаніе для тѣхъ, кто, какъ участники настоящаго сборника, хотятъ вѣрить, что война будетъ тѣмъ пла-

менемъ, въ которомъ Россія очистится отъ «всякія скверны».

Не дразните польскаго общества вашимъ вмѣшательствомъ,—предостерегали третьи,—вы окажете еврейскому населенію плохую услугу; раздраженные вожаки польскаго антисемитизма только усилятъ свою пропаганду. Прошло немного времени, и обстоятельства показали, кто былъ правъ,—тѣ ли, кто примкнулъ къ «заговору молчанія», или тѣ, кто считалъ нужнымъ поднять голосъ въ защиту евреевъ. Польское общество,—по крайней мѣрѣ, въ своей передовой части,—оказалось лучшимъ, чѣмъ тѣ, кто изъ любезности къ полякамъ предпочиталъ замалчивать повѣйшее изобрѣтеніе польскаго антисемитизма: въ отвѣтъ на русскіе протесты въ польской печати стали раздаваться голоса, осуждающіе грубыя проявленія вражды къ евреямъ, а лучшіе представители польскаго общества взяли на себя даже миссію путемъ бесѣдъ въ кружкахъ русской интеллигенціи выяснить происхожденіе польскаго антисемитизма и показать, что его историческія причины лежатъ внѣ Польши. Это было злоупотребленіемъ поговоркою: «понять—простить», но это вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовало объ извѣстномъ моральномъ смущеніи передъ упреками, раздавшимися изъ среды русскихъ демократическихъ круговъ.

Но если бы даже и не было этихъ,—разумѣется, очень скромныхъ,—результатовъ русскихъ протестовъ, то и тогда тѣ, съ чьей стороны они раздавались, не имѣли бы повода сожалѣть о своемъ поведеніи. Громко сказать: «мы не съ тѣми, кто равнодушенъ къ новымъ тяжкимъ испытаніямъ евреевъ, мы не вѣримъ новому направленному противъ нихъ навѣту»—этого требовалъ отъ нихъ внутренній императивъ; этимъ они освобождали себя отъ подозрѣнія въ солидарности съ тѣми, кто умывалъ руки при видѣ ударовъ, наносимыхъ истязателями народу-жертвѣ, и давали хоть нѣкоторое нравственное удовлетвореніе оскорбленной и возмущенной еврейской національности.

Конечно, нравственное удовлетвореніе—всего только идеальная цѣнность, но кто учесть, какой активъ составляютъ такія цѣнности въ общемъ бюджетѣ соціальной экономіи? Нравственное удовлетвореніе, данное однимъ другому, порождаетъ взаимное уваженіе;—кто знаетъ, не понадобятся ли эти—также идеальныя—цѣнности въ будущей совмѣстной работѣ надъ установленіемъ новыхъ, лучшихъ и уже вполне реальныхъ условій общественнаго существованія.

Много было копей сломано за истекшіе мѣсяцы въ спорахъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. Противники пользовались преимущественно оружіемъ, которое они брали изъ арсенала общихъ сужденій и соображеній нравственнаго и политическаго характера. Когда этотъ арсеналь оказался исчерпаннымъ, стало яснымъ, что необходимо болѣе глубокое и всестороннее изученіе вопроса. Попытку такого изученія и представляетъ собою настоящій сборникъ.

Современная война ведется подъ знаменемъ защиты права противъ грубаго поруганія его; сотрудники настоящаго сборника, которымъ не пришлось стать непосредственными участниками войны, ищутъ для себя удовлетвореніе въ томъ, что, выпуская въ свѣтъ свой коллективный трудъ, они борются подъ тѣмъ же знаменемъ.

И. Полянскій.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПОЛЬШѢ НАКАНУНѢ ЕЯ ПАДЕНІЯ.

Вглядываясь въ прошлое еврейскаго вопроса въ Польшѣ, невольно приходишь къ убѣжденію, что онъ принадлежитъ къ числу одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи чело-вѣческихъ нравовъ.

Прошло не менѣе семисотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ евреи плотными массами осѣли въ этой странѣ. Неразрывной составной частью вошли они въ ея государственный и хозяйственный организмъ. Они отражали на себѣ всякое біеніе ея пульса, всякій подъемъ и заминку въ общемъ ходѣ ея жизненныхъ отправленій. Эпоха расцвѣта Польши одновременно была періодомъ расцвѣта еврейскихъ общинъ, упадокъ Польши повлекъ за собой ихъ разложеніе. Но эта одинаковость внѣшнихъ судебъ не сблизила оба народа. Духовная отчужденность большей части польскаго общества отъ евреевъ прогрессивно, можно сказать, возрастала, пока не достигла той почти стихійной ненависти къ нимъ, грозящей затопить всѣ челоуѣческія чувства, печальными свидѣтелями которой намъ суждено быть ¹⁾.

Гонимые съ запада волной религиозныхъ преслѣдованій, евреи въ XIII—XV вѣкахъ массами хлынули въ Польшу, гдѣ нашли радушный пріемъ со стороны королей. Мы далеки отъ идеализаціи этого факта. Для Польши того времени приростъ населенія былъ насущной потребностью. Короли XIII и XIV вѣковъ—Болеславъ Стыдливый, Болеславъ Благочестивый, Казиміръ Великій—организуютъ цѣлую систему вызова нѣмецкихъ поселенцевъ на льготныхъ юридическихъ и податныхъ условіяхъ. Евреи сыграли лишь роль частицы въ этой переселенческой волнѣ, притомъ частицы очень важной и цѣнной, такъ

¹⁾ Противорѣчащую этой общей тенденціи струю вносилъ въ послѣднія десятилѣтія идеологія рабочаго класса, понятна лишь въ тѣ моменты, когда она имѣла возможность проявиться.

какъ въ силу своего экономическаго прошлаго располагали всѣми данными для образованія почти отсутствовавшаго въ Польшѣ городского класса. Эта ранняя эпоха ихъ пребыванія въ Польшѣ, вплоть до XVI столѣтія — золотой вѣкъ еврейства. Расширяясь извнѣ, государство изнутри управляется въ это время довольно сильной королевской властью, которая удерживаетъ отдѣльныя сословія въ состояніи относительнаго равновѣсія, евреямъ же, въ частности, покровительствуетъ.

Жалованныя грамоты Болеслава Благочестиваго (1263 г.) и Казимира Великаго (1334, 1364, 1367 г.г.) ставятъ еврейскія общины въ непосредственную судебную зависимость отъ королевскаго воеводы, минуя другія инстанціи, гарантируютъ имъ свободное занятіе торговлей и ссудными операціями и кладутъ основу еврейскому самоуправленію. Образуя въ главной своей массѣ классъ купцовъ и заимодавцевъ, евреи въ этотъ періодъ выполняютъ въ общественной жизни всѣ тѣ функціи, гдѣ требуется капиталъ и предприимчивость. Мы встрѣчаемъ ихъ въ роли откупщиковъ государственныхъ налоговъ и банкировъ, ссужающихъ королей и высшее дворянство. Постепенно социальная картина Польши мѣняется. Шляхта сбрасываетъ съ себя военную повинность, освобождается отъ податной тяжести и, сильно урѣзавъ королевскую власть, становится господствующимъ и правящимъ сословіемъ. Остальные классы общества порабощены и близоруко эксплуатируются ею. Утвердившаяся со временъ прекращенія династіи Ятеллоновъ избирательность престола содѣйствуетъ укрѣпленію такого порядка вещей, давая возможность избирающей шляхтѣ вымотать у королей все новыя привилегіи. Этотъ процессъ превращенія монархическаго государства въ дворянскую республику, съ безсильнымъ государемъ во главѣ, начавшись въ концѣ XIV вѣка (съ Кошицкой привилегіи 1374 г.), къ началу XVII вѣка является совершенно законченнымъ.

Какъ отразилось это внутреннее измѣненіе общественныхъ формъ на интересахъ еврейства?

На развитіе городовъ оно оказало губительное вліяніе. Городская промышленность и торговля, и безъ того сильно подорванныя происшедшимъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка

перемѣщеніемъ торговыхъ путей¹⁾, еще больше пошатнулись подѣ влияніемъ дворянскихъ привилегій, особенно права шляхты беспошлинно ввозить товары изъ-за границы и права ея устанавливать таксы на продаваемые внутри страны предметы (воеводскія таксы). Упадокъ торговли естественно обозначалъ собой экономическій упадокъ торговаго класса, какимъ являлись евреи.

Помимо этого косвенно-отрицательнаго вліянія на благосостояніе еврейскихъ массъ, шляхта и непосредственно задѣла ихъ, значительно сузивъ кругъ доступныхъ имъ занятій: конституція 1423 г. запрещаетъ евреямъ отдавать деньги взаймы подѣ письменныя обязательства, конституція 1496 года — пріобрѣтать земельную собственность внѣ городовъ, конституція 1538 г. — брать въ откупъ государственные доходы.

Для польскаго еврейства началась эра тяжелой борьбы за существованіе. Наихудшаго врага оно встрѣтило въ лицѣ ближайшаго своего сосѣда, мѣщанина. Одна и та же сила поддрѣзала жизненные корни еврейскаго и мѣщанскаго сословія. Но стоящее въ водоворотѣ событій мѣщанство не отдавало себѣ отчета въ сдѣплени причинъ, ведущихъ его къ гибели. Видя, какъ ускользаютъ основные его жизненные источники, стѣсняемое шляхтой въ правѣ ухода на землю, оскорбляемое на каждомъ шагу въ чувствѣ человѣческаго достоинства²⁾, польское мѣщанство излило весь ядъ накопившейся въ немъ ненависти на ближайшаго конкурента — еврея. Самые крупныя польскіе города — Краковъ, Львовъ, Познань, Люблинъ — выступаютъ противъ еврейской торговли. Завязывается ожесточенная борьба, формальными побѣдителями изъ которой выходятъ мѣщане. Часть городовъ добываетъ себѣ прамоты о недопущеніи евреевъ, въ другихъ городахъ евреи вынуждены заключать стѣсняющіе ихъ торговую дѣятельность договоры. Обычно они покоятся на

1) Завоеваніе турками Византии и открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію погубили транзитную торговлю, шедшую съ юга на сѣверъ Европы черезъ Польшу.

2) Мѣщане фигурировали въ жпапи и законодательствѣ, какъ низшее сословіе. Эта тенденція достигла высшаго развитія въ XVII-мъ вѣкѣ, когда имъ запретили носить дорогую одежду и мѣха, а шляхтичъ, занявшійся торговлей, сталъ лишаться дворянскаго званія.

слѣдующихъ принципахъ: евреи лишаются права торговать опредѣленнаго рода товарами, за ними оставляется лишь оптовая торговля, и то только въ извѣстное время въ году (ярмарки). Въ неменѣе тяжелыя условія попадаетъ еврей-ремесленникъ. Не принимая его въ свою среду, христіанскіе цехи въ то же время ведутъ противъ него борьбу, какъ противъ внѣ-цеховсго. Его вынуждаютъ или совершенно отказаться отъ ремесла, или, по крайней мѣрѣ, признать супрематію соотвѣтствующаго христіанскаго цеха, выражающуюся въ уплатѣ ему ежегоднаго взноса, взаменъ чего евреямъ разрѣшаютъ имѣть очень ограниченное число ремесленниковъ.

Въ этой борьбѣ за кусокъ хлѣба законодательство становится на сторону христіанина. Характерна конституція 1638 г., по которой купцу-поляку разрѣшается брать 7% прибыли съ продаваемаго товара, иностранцу—5%, а еврею—только 3% ¹⁾.

Казалось бы, еврейская торговля и ремесло должны были погибнуть. Дѣйствительность не оправдала этого, чисто теоретическаго, ожиданія. Подъ давленіемъ неблагоприятныхъ условій, христіанскій мѣщанинъ бросаетъ торговлю и ремесло и перемѣщается въ другія сословія ²⁾. Но еврей, для котораго всѣ возможности урѣзаны, упорно остается на своемъ мѣстѣ. Онъ сжимается, сокращаетъ свои потребности, дешевле другихъ работаетъ и продаетъ товары, лишь бы удержаться на поверхности. Еврейское ремесло расширяется даже. Не говоря о мясникахъ и портныхъ, трудъ которыхъ развивается въ силу ритуальныхъ предписаній о пицѣ и одеждѣ, мы встрѣчаемъ въ еврейской средѣ и представителей многихъ другихъ ремеселъ: переплетчиковъ, шапочниковъ, стекольщиковъ, даже цирюльниковъ. Въ концѣ XVI, началѣ XVII вв. возникаютъ отдѣльные еврейскіе цехи, по своей внутренней организаціи и задачамъ аналогичные христіанскимъ и вступающіе въ борьбу съ этими послѣдними.

Но еврейское населеніе Польши растетъ. Въ концѣ 16-го в.

¹⁾ Ср. статьи Вишницера въ 1-мъ т. Исторіи евреевъ въ Россіи. Пред. Т-во Миръ, стат. Балабана въ Еврейск. Стар. за 1909 — 11 гг. и цитированную тамъ литературу.

²⁾ Ср. Антоновича. Пред. къ 1-му т. ч. 5-ой Арх. Юго-Зап. Россіи.

оно образуетъ уже почти полумилліонную массу ¹⁾. Какъ ни понизила она уровень своихъ потребностей, оскудѣвшій городъ не въ состояніи больше прокормить ее. Внутри самихъ еврейскихъ общинъ развивается отчаянная борьба за существованіе ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ все тяжелѣе надвигается вопросъ: куда идти? какъ жить? Какъ разъ къ этому времени для евреевъ открывается новая экономическая возможность, связанная съ отливомъ изъ города въ деревню. Польскій шляхтичъ, забросившій обязанности рыцаря и зашавшійся земледѣлемъ и вывозомъ хлѣба за границу, нуждается въ посредникахъ, съ помощью которыхъ могъ бы обращать въ свою пользу крестьянскій трудъ и достояніе. Еврей, котораго тотъ же шляхтичъ вытѣснилъ изъ ряда доходныхъ и независимыхъ занятій, беретъ на себя эту неблагодарную функцію, становясь сельскимъ арендаторомъ и горчмаремъ. Такъ весь ходъ польской исторіи и законодательства засталъ еврея въ тотъ тупой закоулокъ, гдѣ ему предстояло навлечь на себя столько ненависти со стороны народныхъ массъ.

Одновременно съ преслѣдованіемъ еврея, какъ конкурента, городскими кругами, усиливается клерикально-антисемитская агитація. Въ данномъ случаѣ толчкомъ послужило религиозно-реформаціонное движеніе, въ круговоротъ идей котораго была вовлечена и Польша и которое вызвало, вслѣдствіе этого, повышенную активнсть со стороны католическаго духовенства. Противъ евреевъ одно за другимъ выдвигаются обвиненія въ убійствахъ съ ритуальной цѣлью, въ оскверненіи гостіи, въ соращеніи въ іудейство. Церковные соборы требуютъ полнаго удаленія евреевъ отъ общенія съ христіанами, запрещенія имъ нанимать христіанскую прислугу, одежды, отличной отъ христіанской. Эти требованія, частью воплощенные въ

¹⁾ Ср. ст. Шиппера. Разселеніе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Исторія евреевъ въ Россіи. Т. 1. Изд. Тов. Мирь.

²⁾ См. протоколы литовскаго Ваада, изданные въ видѣ прилож. къ Евр. Стар. Т. 1. С.-Петербургъ, 1909 г., особ. п.п. 40, 43, 70, 77 (начало 17 в.), гдѣ дѣлается попытка ввести уравнительность въ пользованіе арендами и выдвигается съ цѣлью смягченія конкуренціи интересный институтъ хазаки, заключающійся въ томъ, что тотъ, кто владѣлъ арендой въ теченіе трехъ лѣтъ, имѣетъ право пожизненнаго пользованія ею.

жизнь въ видѣ гетто и особой еврейской одежды, провели между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ города внѣшнюю, рѣзко разграничительную линію и тѣмъ завершили полное ихъ обособленіе другъ отъ друга.

Но, рѣзко отдѣляясь отъ внѣшняго міра, еврейство въ то же время тѣмъ тѣснѣе спланивалось изнутри. Именно къ XVI в. относится выработка той стройной системы самоуправленія, которая стала одной изъ характернѣйшихъ особенностей еврейскаго быта въ Польшѣ ¹⁾. Порожденное внутренней потребностью еврейскаго общества въ объединеніи, это самоуправленіе активно поддерживалось польскимъ правительствомъ, возложившимъ на него отвѣтственность за правильную доставку поголовной еврейской подати. Въ основу этой организаціи легла отдѣльная еврейская община (кагаль), выборные старшины которой сосредоточивали въ своихъ рукахъ не только завѣдываніе дѣлами благоустройства и благотворительности въ широкомъ смыслѣ слова, но и раскладку и взиманіе податей и государственно-судебныя функціи по столкновеніямъ между евреями (дѣла, превышавшія компетенцію кагала, подлежали суду воеводы). Надъ этой основной ячейкой возвышалась вторая ступень — съѣзды делегатовъ отъ отдѣльныхъ общинъ по округамъ и, наконецъ, все зданіе увѣнчивалось сеймами, или такъ называемыми ваадами представителей отъ округовъ и главнѣйшихъ городовъ. Такихъ общихъ съѣздовъ было два: коронный и литовскій. Сохранившіеся за большую часть 17-го и 18-го вѣка протоколы литовскаго ваада ²⁾, дающіе возможность заглянуть во внутренній механизмъ этого своеобразнаго учрежденія, раскрываютъ передъ нами картину необыкновенно широкой и интенсивной дѣятельности. Законы, регулирующіе торговлю, ремесло и аренды, постановленія относительно сиротъ и бѣдныхъ невѣсть, законы противъ фроскоши и чисто-гигиеническія предписанія причудливо переплетаются между собою, охватывая тѣснымъ кольцомъ всѣ жизненныя проявленія еврейскихъ обществъ. Эта организація въ эпоху своего расцвѣта сыграла очень большую и положительную роль въ исторіи польскаго еврейства, послуживъ ему крѣпкимъ оплотомъ въ борьбѣ

¹⁾ Она подробно описана въ работѣ Шорра — Восходъ 1900, 1901 г.

²⁾ См. цит. выше изд. „Еврейской Старины“.

съ враждебными силами. Позднѣе — во второй половинѣ 17-го и въ 18-мъ вѣкѣ, подъ влияніемъ классовой дифференціаціи еврейства, она все больше утрачиваетъ это положительное значеніе, становясь въ рукахъ кагалъной аристократіи орудіемъ угнетенія массы.

Весь этотъ своеобразный бытъ можетъ считаться окончательно сложившимся къ началу XVII в. Въ теченіе ближайшихъ полутора вѣковъ, еврейская жизнь, не развиваясь дальше, подвергалась лишь, подобно всей польской общественности, процессу возрастающаго разложенія. Въ этотъ періодъ, власть дворянства окончательно приняла формы узаконенной анархіи. Утвердился обычай вооруженнаго возстанія противъ королевской власти (рокоши) и право срыванія сеймовъ голосомъ одного шляхтича (*liberum veto*). Въ внѣшнемъ отношеніи XVII в. былъ эпохой стихійныхъ несчастій. Неудачныя войны съ Швеціей и Россіей, во время которыхъ страна занята была непріателемъ, и казацкіе бунты, разпорѣвшіеся въ громадное возстаніе Богдана Хмѣльницкаго, тяжело отразились на народномъ благосостояніи. Еврейская масса особенно сильно пострадала. И не только отъ крайне озлобленныхъ противъ нея казаковъ и непріятельскихъ войскъ, но и отъ самой польской арміи, выдвинувшей противъ евреевъ обвиненіе въ содѣйствіи шведамъ (генераль Чарнецкій). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ современниками, за одно только десятилѣтіе 1648—1658 г. погибли сотни тысячъ еврейскихъ жизней и снесены были почти все общины Украйны, Волыни, Подолія. Результатомъ этихъ событій было прогрессивное обѣдненіе еврейства. Необходимость защищаться отъ ритуальныхъ навітовъ и помочь разореннымъ, регулярные налоги и военные контрибуціи вынуждаютъ еврейскія общины дѣлать заемъ за займомъ у богатыхъ вельможъ, монастырей и духовныхъ орденовъ. Такъ какъ для покрытія этихъ долговъ, обезпеченныхъ кагалнымъ имуществомъ, общины располагаютъ лишь ничтожными средствами, то къ серединѣ XVIII вѣка бывшіе кредиторы оказываются неоплатными должниками. Долги однихъ литовскихъ общинъ превышали въ 1766 г. полтора милл. польскихъ злотыхъ ¹⁾). Кагалныя долги Перемышльской

¹⁾ Вершадскій. Литовскіе евреи. С. П. 1889 г., стр., 8 и слѣд.

общины, все население которой достигало въ 1765 г. лишь 2418 человекъ, составляли въ 1773 г. — 141,750 золотыхъ.

Въ такомъ состояніи безвыходной задолженности подходить еврейство къ раздѣламъ Польши.

Этотъ моментъ представляетъ двойной интересъ, какъ съ публицистической, такъ и съ чисто исторической точки зрѣнія. Съ одной стороны, какъ конечный итогъ формировки еврейскаго быта и польско-еврейскихъ отношеній въ независимой Польшѣ. Съ другой — какъ основа для дальнѣйшаго ихъ развитія въ русской Польшѣ.

Переходимъ къ характеристикѣ этой полюсы, что является непосредственной задачей нашего очерка.

Извѣстный историкъ Корзонъ принимаетъ цифру еврейскаго населенія Польши между первымъ и вторымъ раздѣломъ въ 900,000 человекъ, т. е. почти въ одну десятую часть всего населенія страны (по его даннымъ это послѣднее простиралось въ 1791 году до 8.800,000 человекъ) ¹⁾.

По мѣсту жительства эта масса распадалась на три неравныя части: 1) населеніе мелкихъ мѣстечекъ, построенныхъ на частновладѣльческой землѣ, 2) населеніе королевскихъ городовъ и 3) сельскихъ евреевъ, или, что то же самое, сельскихъ арендаторовъ. Мы послѣдовательно постараемся освѣтить социальное положеніе каждой изъ этихъ группъ, насколько это позволяютъ сдѣлать предварительныя монографическія и статистическія изслѣдованія.

Первая категорія была самая многочисленная. По даннымъ того же Корзона, она достигала почти половины всего еврейскаго населенія, т. е. 450,000 чел. Объясняется это тѣмъ, что владѣльцы мѣстечекъ, изъ чисто денежныхъ соображеній, охотно разрѣшали евреямъ селиться у себя. Чѣмъ занимались эти «частновладѣльческіе» евреи? Они образовывали классъ торговцевъ, ремесленниковъ, ростовщиковъ, факторовъ. Всѣ эти ряды составляли въ полномъ смыслѣ слова социальную мелкоту, какъ въ смыслѣ предпринимательскихъ оборотовъ, такъ и со стороны тѣхъ круговъ, которые обращались къ ихъ услугамъ, доставляя имъ пропитаніе. Такъ какъ богатая шляхта,

1) Wewnetrzne dzieje Polski za Stanislaw'a Augusta T. I.

пользуясь правомъ безпошлиннаго дровоза товаровъ, выписывала большую часть нужныхъ ей предметовъ изъ-за границы, то покупатели еврейскихъ лавочекъ вербовались преимущественно изъ среды мелкой шляхты и крестьянъ. Ремесленники въ значительной части работали на своихъ. Еврей же ростовщикъ сталъ типичнымъ займодавцемъ польскаго крестьянина — болѣе зажиточные слои не обращались къ нему. Но законъ запрещалъ крестьянину брать деньги взаймы подъ залогъ недвижимости и инвентаря. Отсюда особый характеръ еврейскихъ заемныхъ операцій: желая обезпечить себя на случай весьма возможной потери капитала еврей сильно повышаетъ проценты.

Перебиваясь кое-какъ со дня на день въ экономическомъ смыслѣ, «частновладѣльческіе» евреи въ правовомъ отношеніи занимаютъ очень шаткое положеніе. Первоначально королевскія привиллеги, обезпечивавшія евреямъ подсудность воеводѣ, простирались на все еврейское населеніе. Постепенно утвердился принципъ, въ силу котораго онѣ ограничились жителями королевскихъ городовъ, «частновладѣльческіе» же евреи подчинялись патримоніальной юрисдикціи. Такимъ образомъ готовность шляхты допускать въ свои мѣстечки евреевъ имѣла и обратную, весьма непріятную сторону. Въ какія конкретныя формы могла выливаться зависимость евреевъ отъ землевладѣльца, видно изъ примѣра гор. Ржешова, составлявшаго собственность князей Любомірскихъ ¹⁾. Всякій еврей, желавшій поселиться въ Ржешовѣ, обязанъ былъ просить пана о принятіи его въ «подданство» и внести опредѣленные налоги. Дома и земли онъ могъ приобрѣтать лишь съ разрѣшенія помѣщика; въ случаѣ недоимокъ, владѣлецъ имѣлъ право конфисковать его недвижимость. Еврей сильно стѣсненъ былъ въ свободѣ передвиженія. Чтобы отлучиться на разстояніе дальше 6-ти миль отъ города, нужно было получить соответствующее разрѣшеніе отъ помѣщика. Разрѣшеніе же это давалось лишь въ томъ случаѣ, если заинтересованное лицо могло съ помощью четырехъ свидѣтелей доказать, что ѣдетъ по торговымъ дѣламъ. Но вождельнія по-

¹⁾ Ср. ст. Я. Шацкина о Ржешовѣ въ Еврейской Старинѣ, 1914.

мѣщика шли гораздо дальше его фактической власти. Это ясно видно изъ характернаго предложенія, внесеннаго панами на сеймъ 1740 года. Оно сводилось къ слѣдующему: обратить евреевъ вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ въ наслѣдственную собственность помѣщиковъ, во владѣнiяхъ которыхъ они жили и прикрѣпить ихъ къ землѣ, такъ, чтобы бѣлаго еврея можно было искать точно такъ же, какъ бѣлаго крестьянина ¹⁾.

Понятно, что, если еврей шелъ на тягостныя и унижительныя условія, въ которыя ставилъ его владѣтельный шляхтичъ, то побуждала его къ этому необходимость. Королевскіе города, пришедшіе въ состояніе полнаго упадка, ведутъ въ XVIII вѣкѣ еще болѣе ожесточенную борьбу противъ евреевъ, чѣмъ франше ²⁾. Старые запреты и ограниченія, касающіеся торговли, настойчиво повторяются. Но, такъ какъ евреи, опираясь на покровительство воеводы, не менѣе настойчиво нарушаютъ ихъ, то между ними и мѣщанами происходятъ бурныя столкновенія. Евреевъ удаляютъ изъ города, конфискуютъ ихъ товары. Вожделѣнной цѣлью христіанскаго мѣщанства является полное избавленіе отъ еврейской конкуренціи. Объ этомъ недвусмысленно говорятъ докладныя записки, поданныя многими магистратами Четырехлѣтнему сейму и предлагающія обратить евреевъ отъ торговли къ земледѣлію. Сеймовая конституція 1764 года даетъ городамъ законную возможность осуществить это завѣтное стремленіе. Вотъ ея текстъ: «Поелику евреи чинятъ городамъ кривду и отнимаютъ средства пропитанія... постановляемъ, чтобы евреи во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ они не имѣютъ особыхъ, одобренныхъ конституціею, привиллегій, вели себя согласно договорамъ, не присваивая себѣ большихъ правъ». На этомъ основаніи пятая часть всѣхъ польскихъ городовъ совершенно избавилась отъ евреевъ. Крупные города съ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, насчитываются въ Польшѣ единицами ³⁾. Среди нихъ наибольшимъ значеніемъ пользуется Варшава. Королевскій дворъ и огромные **сѣзды**

¹⁾ Смоленскій. Stan i sprawa żydów w Polsce. Pisma historyczne, t. II. Krakow 1904.

²⁾ Е. Геккеръ. Евреи въ польскихъ городахъ во второй половинѣ XVIII в. Евр. Ст. 1913 г. II, III.

³⁾ Корзонъ, тамъ же, томъ II.

шляхты во время вальныхъ сеймовъ поддерживаютъ въ этомъ городѣ усиленный спросъ на разнообразныя предметы будничнаго обихода и особенно роскоши. Благодаря этому обстоятельству, Варшава становится въ эту эпоху общаго экономическаго заупустѣнія, едва ли не единственнымъ центромъ, гдѣ ключемъ бьетъ торговля и промышленная жизнь. Стародавнія конституціи обезпечивали этому городу привиллегію *de non tolerandis Iudaeis*, и варшавское мѣщанство ревниво охраняло это свое преимущество. Однако съ теченіемъ времени утвердился обычай, въ силу котораго евреи допускались въ Варшаву на время сеймовъ, причемъ за двѣ недѣли до окончанія сейма обязаны были покидать городъ. Но уѣзжавшіе, пользуясь подкупностью администраціи, обычно возвращались въ Варшаву. Постепенно тамъ накопилось значительное количество евреевъ-торговцевъ и особенно ремесленниковъ. Маршалекъ, князь Любомірскій, чтобы заставить евреевъ уйти изъ Варшавы, задумалъ обложить ихъ особой податью, размѣромъ въ серебряный грошъ, уплачиваемой за каждые пять дней пребыванія въ городѣ. Это средство, казавшееся ему неотразимымъ, не достигло цѣли. Зато оно обогатило казну Маршалка ежегоднымъ доходомъ въ двѣсти тысячъ золотыхъ. Одно время за чертою города образовался даже подъ покровительствомъ нѣсколькихъ видныхъ магнатовъ на земляхъ, принадлежавшихъ этимъ послѣднимъ, особый еврейскій посадъ, подъ названіемъ «Новый Іерусалимъ». Но онъ просуществовалъ недолго. Уступая настояніямъ христіанскихъ мѣщанъ, администрація выселила отсюда евреевъ. Положеніе существенно измѣнилось во время Четырехлѣтняго сейма. Евреи на законномъ основаніи нахлынули въ Варшаву и, пользуясь продолжительностью льготнаго срока, довольно прочно обосновались въ ней. Это вызвало со стороны христіанскихъ цеховъ Варшавы рядъ волненій, закончившихся взаимнымъ побоищемъ и еврейскимъ погромомъ. Я позволю себѣ нѣсколько остановиться на этихъ событіяхъ, раскрывающихъ передъ нами всю шаткость почвы, на которой утверждался городской еврей. Въ началѣ 1790 г. цехи портныхъ и мѣховщиковъ, наиболѣе пострадавшіе отъ еврейской конкуренціи, собрались передъ городской ратушей и громко стали требовать удаленія евреевъ, угрожая въ противномъ случаѣ перерѣзать

ихъ. Сеймъ, въ лицѣ высланныхъ делегатовъ, обѣщала исполнить ихъ просьбу. Но она оказалась невыполнимой. Слѣдствіемъ этого были дальнѣйшіе беспорядки. Началось съ того, что портной-христіанинъ, нѣкій Фоксъ, встрѣтивъ портного-еврея, несшаго къ себѣ работу, сталъ вырывать ее у него. Еврей убѣжалъ къ своимъ, но Фоксъ догналъ его. За еврея заступились его единовѣрцы, упрятавшие Фокса въ какой-то чуланъ. Разнесся слухъ, что еврей убили его. Тогда громадная толпа христіанъ ремесленниковъ и мѣщанъ, послѣ безопадной шопытки прорваться на Гломацкую улицу, бросилась на незащищенный Поцѣвскій дворъ, частью разграбила еврейское имущество, частью побросала его въ погреба. Толпа была такъ разъярена, что не поколебалась вступить въ свалку съ маршалковской стражей. Только подоспѣвшему регулярному войску удалось усмирить волненіе ¹⁾.

Обратимся къ типу сельскаго арендатора. Численность этого слоя сильно колеблется въ зависимости отъ мѣстности. Наивысшаго процента она достигла въ юго-восточныхъ воеводствахъ Польши, особенно на Украинѣ (39 проц. всего еврейскаго населенія) ²⁾, гдѣ понятія еврей и арендаторъ стали почти равнозначущими. Арендаторъ — крупная фигура въ деревнѣ. Землевладѣлецъ, если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уступаетъ ему, за условленную огульную плату, не только всѣ права по части взиманія крестьянскихъ взносовъ, но и чисто судебныя прерогативы. Въ любопытныхъ арендныхъ контрактахъ, опубликованныхъ С. Дубновымъ ³⁾, еврею-арендатору принадлежало право суда надъ зависимымъ населеніемъ и право поимки бѣглыхъ крестьянъ. Послѣдніе обязаны ежегодно покупать у него опредѣленное количество соли (не дороже, чѣмъ на одинъ злотый сверхъ нормальной цѣны, предусмотрительно оговариваетъ контрактъ). Арендаторъ — единственный купецъ въ деревнѣ. Въ его рукахъ корчма. Такъ какъ пропинація

¹⁾ Крашевскій. Polska w czasie trzech rozbiorów, Warszawa, 1902, т. II, гл. 6.

²⁾ М. Випницеръ. Экономическій бытъ евреевъ. Исторія евреевъ въ Россіи, т. I. Изд. тов. «Міръ». Каманинъ. Статистическія данныя о евр. въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка. Архивъ юго-западной Россіи, часть V, т. II, выпускъ I.

³⁾ Евр. Стар.. 1909, III.

является исключительнымъ правомъ шляхетскаго сословія, доставляющимъ ему крупный доходъ, то нерѣдко помѣщикъ, въ цѣляхъ поддержанія этого источника, обязываетъ шинкаря принуждать крестьянъ къ покупкѣ водки. Особенно часто пользуются для этого обычными въ крестьянскомъ быту случаями семейныхъ торжествъ — крестинъ, свадебъ и т. д. Такъ, каждый разъ, когда крестьянинъ теряетъ часть своего кровнымъ путемъ добытаго достоянія въ пользу помѣщика, онъ прежде всего сталкивается съ орудіемъ этого послѣдняго, евреемъ-арендаторомъ. Невольно у него складывается убѣжденіе, что его грабятъ еврей. Становится понятна та безогчетная ненависть крестьянскихъ массъ къ евреямъ, которая лавиной разлилась во время казачьихъ возстаній и гайдамачины. Но не одинъ только крестьянинъ винить еврея въ народной нищетѣ и бѣдствіяхъ. Эта же точка зрѣнія, чрезвычайно удобная для дворянства, раздѣляется и усиленно пропагандируется шляхетскими кругами. Наконецъ, ее перенимаютъ и довольно просвѣщенные люди своего вѣка, дѣйствующіе подъ вліяніемъ недомыслия или сословнаго ослѣпленія. Результатомъ этого укоренившагося взгляда на вредную социальную роль евреевъ-арендаторовъ является широкая агитація за устраненіе ихъ отъ аренды и шинкарства ¹⁾. Даже тѣ немногіе общественные дѣятели, какъ Чацкій и Бутримовичъ, которые въ полной мѣрѣ сознавали тяжелую вину польскаго законодательства передъ евреями и, не скрывая, заявляли объ этомъ, тѣмъ не менѣе тоже присоединились къ этому требованію. Эта агитація увѣнчалась частичнымъ успѣхомъ. Шляхетскій сеймикъ сѣрадскаго воеводства постановилъ въ 1786 г. не допускать евреевъ къ арендамъ. Хотя этотъ примѣръ законодательной регулировки вопроса и не нашелъ подражанія въ другихъ воеводствахъ, тѣмъ не менѣе фактически арендный промыселъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ все больше ускользаетъ изъ еврейскихъ рукъ.

Присмотримся однако къ другой сторонѣ медали. Что представлялъ собою въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія еврей-арендаторъ, этотъ безжалостный угнетатель народныхъ

¹⁾ См. литературу, цитируемую у Коробкова—Экономич. роль евр. въ XVIII-мъ в., Евр. Стар. 1910 г., и у Мякотина—Крестьянск. вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ.

массъ, обогащающійся на ихъ счетъ? Къ сожалѣнію, недостаточность обработанныхъ статистическихъ данныхъ не даетъ мнѣ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ въ формѣ точныхъ цифръ. Зато мы располагаемъ интереснымъ бытовымъ матеріаломъ въ видѣ разсказовъ современниковъ о жизни этого слоя. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ особенно цѣнно для насъ. Оно исходитъ отъ совершенно зауряднаго въ смыслѣ политическихъ убѣжденій шляхтича, раздѣляющаго всѣ предразсудки своего класса и идеализирующаго всѣ его недостатки, отъ котораго поэтому совершенно невозможно ожидать какого-либо извращенія сообщаемыхъ фактовъ въ угоду еврейскимъ доброжелателямъ. Я имѣю въ виду разсказы о польской старинѣ Яна Охотскаго ¹⁾. Говоря о гайдамацкихъ возстаніяхъ, этотъ живой, но неглубокій наблюдатель объясняетъ ихъ исключительно угнетеніями арендаторовъ. Но это, такъ сказать, пассивно отраженный взглядъ цѣлаго класса. Перелистаемъ нѣсколько страницъ. Передъ нами отрывокъ изъ дневника стараго Охотскаго, отъ автора:5 января 1774 г. «Арендарь Гершко не уплатилъ мнѣ еще съ прошлаго года 91 талеръ. Я принужденъ былъ прибѣгнуть къ взысканію; по статьѣ контракта, въ случаѣ неуплаты, я имѣю право держать его въ тюрьмѣ сколько мнѣ угодно, пока онъ не уплатитъ долга.

Вчера я приказалъ его заковать и запереть въ хлѣву со свиньями, но жену и бахуровъ оставилъ въ корчмѣ, только младшаго сына Лейзя взялъ на мызу и приказалъ учить его катехизису и молитвамъ. Очень способный мальчикъ. Я намѣренъ окрестить его и уже написалъ объ этомъ къ епископу.... Лейзя не хотѣлъ сначала дѣлать крестнаго знаменія и повторять нашихъ молитвъ, но Стрѣлищкій его высѣкъ, и сегодня онъ ѣлъ уже свинину. Ксендзъ Бонифацій... нашъ капелланъ... до поту трудится надъ его обращеніемъ»...

Арендаторъ просидѣлъ въ свиномъ хлѣву слишкомъ три недѣли. Онъ былъ выпущенъ лишь благодаря стараніямъ пріѣхавшихъ изъ Бердичева евреевъ (дѣло происходило на Украинѣ), которые уплатили за него долгъ и сверхъ того поднесли Охотскому голову сахару и десять фунтовъ кофе. Усту-

¹⁾ С.-Петербургъ, 1874 г. Собраны и издааны Юсифомъ Крашевскимъ.

ная ихъ настояніямъ, помѣщикъ выпустилъ и Лейзю, хотя и сдѣлалъ это крайне неохотно, ибо мальчикъ вступалъ уже въ лоно католической церкви. «Впрочемъ,—утѣшаетъ онъ себя,—я вполне увѣренъ, что еврей опять не уплатитъ въ срокъ, и Лейзя попадетъ-таки въ мои руки и сдѣлается христіаниномъ. Нужно подождать до 24-го марта». Очевидно у него было основаніе для такой увѣренности ¹⁾. А вотъ страничка изъ автобіографіи Соломона Маймона, гдѣ онъ изображаетъ жизнь арендатора, у котораго служилъ учителемъ: «Бѣдность, невѣжество и грубость образа жизни были неимовѣрны. Самъ арендаторъ былъ человекъ лѣтъ 50-ти, все лицо котораго покрыто было волосами и оканчивалось грязной, толстой и черной, какъ смоль, бородой. Онъ говорилъ языкомъ, похожимъ на ворчаніе и понятнымъ лишь крестьянамъ, въ кругу которыхъ онъ ежедневно вращался. Онъ не только не зналъ ни слова по-еврейски, даже не умѣлъ говорить ни слова на обыкновенномъ жаргонѣ и зналъ лишь тотъ русскій языкъ, на которомъ говорили мѣстные крестьяне. Такого же закала были его жена и дѣти. Жили они въ дымной избѣ, совершенно почернѣвшей какъ изнутри, такъ и извнѣ, не имѣвшей трубы, а вмѣсто нея было только отверстіе въ крышѣ, которое послѣ топки тщательно закрывалось, чтобы не выходилъ жаръ. Вмѣсто оконъ служили накрестъ лежащія лучинки, обтянутыя бумагой. Изба состояла изъ одной комнаты, которая служила шинкомъ, столовой, спальней и учебной. Дымъ при топкѣ, вслѣдствіе вѣтра и сырости, наполнялъ комнату до удушенія... Въ этомъ великолѣпномъ помѣщеніи крестьяне сидѣли на голой землѣ — выше нельзя было сидѣть, если не хотѣли быть удушенными отъ дыма, пьянствовали и шумѣли; я же со своими грязными полунагими учениками сидѣлъ за печкой и переводилъ имъ изъ разорванной библии на русско-еврейскій жаргонъ» ²⁾.

Но среди арендаторовъ были и люди, жившіе въ другихъ условіяхъ. Тотъ же Соломонъ Маймонъ указываетъ на существованіе двухъ типовъ арендаторовъ — державцевъ, или гене-

¹⁾ Томъ 1, стр. 54. 55.

²⁾ Еврейская Библ. томъ 1, второе изд. С.-Петербургъ 1881 годъ Стр. 246, и слѣд. Соломонъ Маймонъ — вышедшій изъ народа еврейско-нѣмецкій писатель и философъ XVIII в.

ральныхъ, и второстепенныхъ. Первые, раздавая аренды отъ себя, сплошь и рядомъ сами угнетали свою меньшую братію.

Врядъ ли мы, однако, ошибемся, признавъ въ фигурахъ Гершки и Маймонова работодателя типичный образъ еврея—арендатора средней руки, какихъ было большинство. Очень близкая къ крестьянскому быту по внѣшнимъ чертамъ, жизнь такого юрчмаря-арендатора опредѣлялась тѣми же плетущими силами, что и существованіе опеиваемаго имъ хлопа: тяжелой нуждой и помѣщичьимъ произволомъ.

Такимъ образомъ, громадное большинство еврейскаго населенія Польши находилось въ непосредственной зависимости отъ дворянскаго сословія. Одни, какъ населяющіе владѣльческіе мѣстечки, другіе—какъ сельскіе арендаторы. При всемъ этомъ очень значительный процентъ евреевъ совершенно не находилъ примѣненія своему труду. По даннымъ, собраннымъ Скарбовой комиссіей о бытѣ евреевъ ¹⁾, одна двѣнадцатая часть ихъ состояла изъ людей, не имѣющихъ занятія, и одна шестидесятая—изъ нищихъ. Это крупныя и показательныя цифры. На содержаніе—продолжаетъ отчетъ комиссіи—еврей тратитъ вдвое меньше, чѣмъ христіанинъ; среди евреевъ болѣе часты банкротства, такъ что рѣдко состояніе удерживается въ одной семьѣ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Въ полномъ согласіи съ этой характеристикой, находятся данныя о еврейскомъ населеніи города Житомира во второй половинѣ XVIII вѣка. У евреевъ было вдвое больше бѣдныхъ домовъ, чѣмъ у христіанъ, и жили они гораздо скученнѣе послѣднихъ ²⁾. Бѣдность еврейской массы составляетъ фактъ настолько общепризнанный, что о ней твердятъ не только лица, сочувственно относящіяся къ евреямъ (Бутримовичъ), но и сами ихъ конкурренты, усматривающіе въ нихъ причину своего собственнаго обнищанія: «Не удивительно, говорятъ горожане въ одномъ изъ дошедшихъ отъ той поры документовъ, что они разорили мѣщанъ; они при этомъ разорились и сами, ибо пельзя отрицать, что евреи бѣд-

¹⁾ Скарбовая комиссія — одинъ изъ органовъ Четырехлѣтняго сейма. Евреи во многихъ отношеніяхъ были ей подчинены.

²⁾ Каманинъ. Стат. данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка. Архивъ юго-западной Россіи, томъ V, часть вторая, вып. I.

ны, не смотря на свои торговые обороты. Это объясняется тѣмъ, что евреи, желая по злости своей разорить мѣщанъ, разоряются сами, продавая товары за безцѣнокъ».....¹⁾.

Не слѣдуетъ, правда, забывать, что социальное разслоеніе успѣло пробить себѣ широкую дорогу въ замкнутомъ еврейскомъ кругу. Евреи играли видную роль во внѣшней торговлѣ Польши²⁾ На Лейпцигской ярмаркѣ они составляли наиболѣе активный элементъ, покупая тамъ въ послѣдніе годы Речи Посполитой товаровъ на сумму до полумилліона марокъ. Отдѣльные лица богатѣли на этихъ операціяхъ, на факторствѣ у крупныхъ магнатовъ, на поставкахъ. Наживъ состояніе, они вступали затѣмъ въ ряды кагальной олигархіи и внутреннимъ утѣсненіемъ еврейскихъ массъ, довершали внѣшній гнетъ. Наличие этого слоя не нарушаетъ, конечно, правильности сказаннаго нами объ убожествѣ массы. Однако польское правительство умудрялось выжимать изъ обнищавшей еврейской націи наканунѣ перваго раздѣла въ видѣ *одной лишь поголовной подати* отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{5}$ всего дохода королевской казны³⁾. Помимо того евреи участвовали въ несеніи всѣхъ общегородскихъ повинностей и уплачивали особые поборы въ пользу кагала.

Читатель, однако, вправѣ задать вопросъ: но развѣ другія сословія меньше были угнетены односторонне-шляхетскимъ режимомъ?—Развѣ лучше была участь польскаго крестьянина, надъ которымъ помѣщикъ имѣлъ *jus vitae et necis* и разнообразныя повинности котораго въ пользу барскаго двора, до того поглощали все его время, что въ переводѣ на рабочіе дни, давали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣроятную цифру 231 день въ году⁴⁾? Мы на это отвѣтимъ. И въ правовомъ, и въ экономическомъ отношеніи крестьянину жилось еще хуже, чѣмъ еврею.

Но въ положеніи польскаго еврея была сторона несравненно болѣе тяжелая, чѣмъ матеріальная нужда и законода-

¹⁾ Wiadomosc o pierwiastkowej miast zasadzie, 1788 г. Цит. у Е. Геккеръ въ Евр. Стар. 1913 г.

²⁾ См. Коробковъ, участіе Евр. во внѣшн. торг. Польши. Евр. Стар. 1911 г.

³⁾ Шипперъ. Подат. облож. Евр. I томъ Ист. Евр. въ Россіи. Изд. Тов. Міръ. Какъ разъ въ это время произведена была реформа поголовн. подати, значит. увеличившая ея размѣры.

⁴⁾ Каманингъ. Цит. соч.

тельные ограниченія. Я имѣю въ виду моральное отношеніе къ нему польскаго общества. Въ крестьянствѣ, приравненномъ къ вьючному животному, это общество игнорировало человѣка. Ддиссидента оно ненавидѣло, стѣсняя его въ свободѣ вѣры и выборѣ занятій. По отношенію къ еврею, презрѣніе и ненависть смѣшивались съ возведеннымъ въ систему издѣвательствомъ.

Въ цѣнной работѣ писателя XVIII вѣка, Китовича — *Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III-go* — мы находимъ неподдражаемое по своей простотѣ описаніе того, какъ глумились надъ евреемъ школьная молодежь и просто-народіе. «Они (студенты) такъ привыкли трепать евреевъ, что послѣдніе обычно прятались въ тѣ часы, когда молодежь отправлялась въ школу, или возвращалась домой. Если студенты, во время перемѣнъ случайно замѣчали какого-нибудь еврейчика, то ему приходилось какъ зайцу, окруженному сво-рой борзыхъ и гончихъ. Они бросали другія развлеченія и принимались трепать и дергать его». Среда на первой недѣлѣ великаго поста, извѣстная у поляковъ подъ именемъ «*Porzeczka*», еще въ началѣ правленія Августа III-го сопровождалась характернымъ церковнымъ обрядомъ: ксендзъ посылалъ пепломъ главы колѣнопреклоненныхъ у алтаря вѣрующихъ въ напоминаніе о томъ, что они превратятся въ прахъ. Постепенно этотъ обрядъ вышелъ изъ употребленія, превратившись въ свѣтскій обычай-шутку посыпать въ этотъ день другъ друга золой. Но такъ какъ это влекло за собою недоразумѣнія и споры, то этотъ обычай перенесенъ былъ съ католиковъ исключительно на евреевъ, «которыхъ безнаказанно можно было не только спи-бать съ ногъ ударомъ горшка съ золой, но и избивать палкой, особенно въ Варшавѣ, гдѣ евреи не имѣли права жительства и должны были поэтому покорно переносить всякія мелкія обиды и оскорбленія»²⁾. Эта милая шутка прекратилась лишь съ введеніемъ билетнаго налога въ Варшавѣ. Въ страстную среду мальчишки устраивали изъ старыхъ тряпокъ чучело, изобра-жавшее собою Іуду, сбрасывали его съ костельной башни внизъ и, схвативъ за постромокъ, привязанный къ шеѣ, волокли по землѣ, нещадно колотя палками, пока оно не разлеталось въ

¹⁾ Изд. III. Львовъ 1883 г. Т. I., стр. 37 и т. II, стр. 185.

ключья. Но, если имъ случалось встрѣтить еврея, то они бросали чучело, и живому іудею приходилось испытывать судьбу воображаемаго Іуды ¹⁾. Обиды со стороны школьниковъ были настолько обычнымъ явленіемъ, что породили особый еврейскій налогъ, такъ называемый, «козубалець». Каждый еврей, проѣзжавшій мимо какого-либо учебнаго заведенія, уплачивалъ его въ пользу ректора, который взамѣнъ этого взноса бралъ на себя обязательство укротить учащихся ²⁾. А вотъ образцы пресловуто «терпимаго» отношенія старой Польши къ іудейскому вѣроисповѣданію. Въ каждомъ городѣ могла быть лишь одна синагога, и то въ приличномъ разстояніи отъ костела, чтобы молитвы невѣрныхъ не мѣшали мольбамъ католиковъ. Во время церковныхъ ходовъ евреямъ запрещено было показываться на улицахъ. Когда ксендзь шель со святыми дарами къ умирающему, они обязаны были не только прятаться, но и плотно закрывать окна и двери своихъ домовъ. Въ силу постановленій церковныхъ соборовъ, еврейскія похороны должны были происходить тайкомъ и ночью. Боясь поруганія покойниковъ, евреи въ точности исполняли этотъ приказъ ³⁾.

Въ этой возмущающей душу исторіи издѣвательствъ надъ человѣческой личностью есть одна особенно мрачная и жестокая страница. Страница кроваваго навѣта. Обвиненіе евреевъ въ убійствѣ съ ритуальной цѣлью, не только особенно участилось въ XVIII вѣкѣ, но и получило художественное воплощеніе и quasi научное образование. Въ 1711 году иѣкій ксендзь Жуковскій пишетъ поэму, посвященную изображенію ритуальнаго процесса, происходившаго въ 1698 году. Въ 1760 году ксендзь Пикульскій издаетъ толстую книгу, уснащенную цитатами изъ Талмуда, гдѣ онъ доказываетъ безнравственность еврейской этики и съ отталкивающими физическими подробностями описываетъ обрядъ ритуальнаго убійства ⁴⁾. Въ концѣ книги онъ ставитъ вопросъ: зачѣмъ нужна евреямъ христіанская кровь? И даетъ на него расчлененный,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Шпперъ. Податное обложеніе евреевъ въ Россіи. Т. I. Над. тов. Міръ. См. Смоленскій Stan i Sprawa.

³⁾ Smolenski. Stan i sprawa Żydów w Polsce.

⁴⁾ Ср. Е. Геккеръ. Юдофобія въ Польшѣ XVII в. Евр. Стар. 1913. 4.

подробно мотивированный отвѣтъ. Оказывается, не для одной только мацы. Она приноситъ удачу въ торговлѣ, въ бракѣ, содѣйствуетъ установленію хорошихъ отношеній съ христіанами, необходима при обрядѣ напутствія умирающихъ, словомъ, находитъ примѣненіе въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Способы употребленія ея различны. Ее вкушаютъ въ мацѣ, мажутъ ею глаза и двери. Откуда же берутъ евреи такую массу крови? — Они покупаютъ съ этой цѣлью въ Стамбулѣ малолѣтнихъ невольниковъ - христіанъ. Самыя чудовищныя небылицы объ отталкивающихъ свойствахъ евреевъ находятъ себѣ отраженіе въ этой литературѣ. Такъ, одинъ авторъ излагаетъ, какое покаяніе несетъ каждое племя Израиля за совершенный іудеями грѣхъ распятія Иисуса Христа. Плоды, которыхъ коснулся «Рувимъ», засыхаютъ, посѣянное имъ зерно не выпускаетъ ростковъ. У потомковъ «Симеона» въ страстную пятницу течетъ кровь изъ конечностей, у потомковъ «Іосифа» весь ротъ набитъ червячками, которыми они плюютъ, и т. д. ¹⁾

Легко представить себѣ, какъ вліяла этого рода литература на суевѣрную толпу, всколыхнутую бѣдствіями конца Речи Посполитой, беспомощно мятущуюся въ поискахъ лучшаго будущаго. Одинъ за другимъ возникаютъ ритуальные процессы: въ Познани ²⁾ (1736 г.), Заславѣ (1747 г.), Житомирѣ (1753 г.), Ямполѣ (1756 г.). Забыты королевскія привиллеги, дающія евреямъ опредѣленныя гарантіи на случай подобныхъ обвиненій. Оговоренныхъ подвергаютъ мучительнымъ пыткамъ, при полной недоказанности преступленія многихъ предають казни, особо измышляемой для каждаго такого случая.

Справедливость требуетъ, однако, признанія того, что за исключеніемъ Голландіи, гдѣ евреи пользовались относительно равнoprавіемъ и полной свободой вѣроисповѣданія, и въ остальныхъ европейскихъ государствахъ XVIII в. ихъ участь была далеко не завидна. Въ Австріи и Германіи число евреевъ было строго ограничено. Чтобы воспрепятствовать росту еврей-

¹⁾ Смоленскій, цит. раб. въ Pisma historyczne, томъ II, стр. 243, примѣчаніе.

²⁾ См. статью Балабана, написанную на основаніи архивныхъ документовъ. Евр. Стар. 1913. IV.

скаго населенія, принимались героическія мѣры, въ родѣ законодательнаго ограниченія количества браковъ и выселенія излишковъ. Загнанные въ гетто, евреи всюду ограничены были въ своей экономической дѣятельности въ пользу христіанскаго населенія и всюду становились объектомъ безчисленныхъ особыхъ налоговъ, порою комичныхъ, почти всегда унижительныхъ. Фридрихъ II Великій заставлялъ, напримѣръ, каждаго еврея, желавшаго вступить въ бракъ, или приобрести недвижимость, покупать на королевской фабрикѣ, опредѣленное количество фарфора, съ цѣлью поощренія отечественной промышленности; въ Страсбургѣ съ каждаго еврея взимался при вѣздѣ такой же налогъ, какъ съ головы ввозимаго скота. Во Франціи различались двѣ категоріи евреевъ: сравнительно привилегированная кучка, жившая въ южныхъ приморскихъ городахъ, и совершенно безправное, тяжело угнетенное населеніе Эльзаса. Еще тяжелѣе, чѣмъ въ Польшѣ, сложилась жизнь евреевъ въ римскомъ гетто. Помимо крайняго экономического утѣсненія, здѣсь усиленно практиковались принудительная проповѣдь христіанства, строгая цензура еврейскихъ книгъ, разнообразныя налоги въ пользу католической церкви и цѣлый рядъ еще болѣе позорныхъ и жестокихъ обычаевъ, чѣмъ въ Польшѣ ¹⁾).

Все это творилось въ эпоху громаднаго просвѣтительнаго движенія, предшествовавшаго великой французской революціи. Слабые отзвуки его долетали и до Польши. Наряду съ повышеннымъ интересомъ къ естественнымъ наукамъ въ избранныхъ кружкахъ пошли толки о необходимости измѣнить схоластическую систему воспитанія, о равныхъ правахъ для всѣхъ, о свободѣ вѣроисповѣданія и деизмѣ. Въ правленіе послѣдняго польскаго короля Станислава Августа эта занесенная извнѣ струя слилась съ шедшей изнутри преобразовательной волной, создавъ вмѣстѣ съ нею одно изъ любопытнѣйшихъ движеній въ исторіи польской общественной мысли.

Въ это время Польша не принадлежала больше себѣ самой. Еще въ первой четверти XVIII вѣка польскій король Августъ II, изъ чисто корыстныхъ побужденій, сдѣлалъ неудачную по-

¹⁾ С. М. Дубновъ Всеобщая исторія евреевъ, т. III, стр. 178 и слѣд.

пытку произвести раздѣлъ страны. Но тогда это было лишь отдаленная возможность. Теперь обстоятельства существенно измѣнились. Все растущее государственное разложеніе Польши и соотношеніе сосѣднихъ державъ превратили эту мысль въ непосредственно-грозящую опасность. Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Станислава Августа и первыя десять лѣтъ его правленія, способны были убѣдить въ этомъ всякаго, кто имѣлъ глаза, чтобы видѣть. Получивъ королевское званіе, благодаря вмѣшательству вооруженной русской силы, Станиславъ Августъ сохранялъ лишь видимость самостоятельной власти. Россія и Пруссія сторожили каждый шагъ Польши, направляли въ свою пользу каждое рѣшеніе сейма. Тогда въ жизни страны произошло то же самое, что происходитъ въ моменты острыхъ кризисовъ въ жизни отдѣльной личности. Смертельная опасность заставила сознательные и активные элементы польскаго общества сплотиться и напрячь всѣ силы, чтобы уничтожить то, что губило страну, и возродить ее на новыхъ жизнеспособныхъ началахъ. Еще до Станислава-Августа раздавались отдѣльные голоса, требовавшіе государственныхъ реформъ: отмѣны права конфедерации и *liberum veto*, установленія наследственности престола, увеличенія постоянного войска и т. д. (Лещинскій, Конарскій, Понятовскій). Углубленные и развитые, эти единичные лозунги слились теперь въ одну обширную программу реформъ, охватывавшую различными концами всѣ большія стороны польской общественности: государственный строй, городскую жизнь, крестьянскій и еврейскій вопросы. Руководимое представителями нѣсколькихъ видныхъ шляхетскихъ родовъ (Адамъ Чарторыйскій, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе), это движеніе породило богатую и талантливую литературу и одинъ мигъ, казалось, было близко къ осуществленію своихъ идеаловъ. Этотъ моментъ совпалъ съ полосой Четырехлѣтняго сейма. Россія занята была тогда войной съ Турціей, а Пруссія, изъ недоброжелательства къ Россіи, поддерживала стремленія польскихъ патріотовъ. Но выработанной Четырехлѣтнимъ сеймомъ конституціи 3-го мая, не суждено было воплотиться въ жизнь. Этому помѣшала восторжествовавшая послѣ 92-го года реакція и окончательные раздѣлы Польши.

Въ этомъ оригинальномъ зрѣлищѣ возрожденія, связаннаго съ предсмертною агоніей, насъ сейчасъ интересуетъ постановка еврейскаго вопроса. Впервые затронутый во время Четырехлѣтняго сейма пинскимъ депутатомъ Бутримовичемъ, онъ сталъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ различныхъ общественныхъ кругахъ и печати. Цѣлый дождь проектовъ по устройству еврейскаго быта посыпался на сеймъ. Не касаясь тѣхъ изъ нихъ, которые отражаютъ извѣстную намъ точку зрѣнія еврейскихъ конкурентовъ, мы остановимся лишь на общей характеристикѣ теченія, вынесеннаго искреннимъ желаніемъ перестроить отношеніе евреевъ къ государству на болѣе справедливыхъ и цѣлесообразныхъ началахъ ¹⁾. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе проекты Тадеуша Чацкаго ²⁾, и брошюра анонимнаго автора—*Sposób uformowania Łydów w pożytecznych Krajowi obywatelów*,—впервые появившаяся въ 1782 году, переизданная въ 1785 году, и изданная, наконецъ, въ третій разъ въ 1789 г. Бутримовичемъ, который снабдилъ ее своими примѣчаніями и почти цѣликомъ присоединился къ выраженной въ ней точкѣ зрѣнія.

Основная мысль обѣихъ этихъ работъ, съ особенной отчетливостью, яркостью и силой высказанная Безымяннымъ, сводится къ тому, что если общественная роль евреевъ въ чемъ либо вредна, то произошло это исключительно по винѣ польскаго законодательства, а не въ силу какихъ-либо специфическихъ недостатковъ, присущихъ еврейской народности или религіи. Отнимая у евреевъ промыселъ за промысломъ, правительство само толкало ихъ на путь неправого добыванія себѣ куска хлѣба ³⁾. Разрѣшивъ имъ судиться и управляться по своимъ особымъ законамъ, оно само содѣйствовало выработкѣ ихъ обособленности. Сверхъ того, нравственный обликъ еврея

1) Подробное изложеніе проектовъ по еврейскому вопросу и исторію его во время Четырехлѣтняго сейма съ хронологическимъ расчлененіемъ отдѣльныхъ моментовъ читатель найдетъ въ статьѣ Е. Геккеръ, Проекты реф. еврейскаго быта въ XVIII в. Евр. Стар. 1914 г., т. IV.

2) Изложенъ въ его работѣ „Rozprawa o Żydach i Karaitach“, цит. по изд. Иосифа Туровскаго, Краковъ 1860 г.

3) „Wyrywa żyd ostatni kawał chleba zgłodnialemu chłopu, ani go można za to winować, bo ten mu tylko zostawiliśmy sposób do życia.

спредѣлился еще особой системой воспитанія. Въ чемъ же выходитъ? Гдѣ та сила, которая способна улучшить еврейскій бытъ и направить эту почти миллионную массу къ благу государственности? Отвѣтъ подсказывается самой постановкой вопроса. Въ радикальномъ измѣненіи самыхъ основъ законодательства и воспитанія. Необходимо подчинить евреевъ тѣмъ же законамъ и власти, что и поляковъ, принадлежащихъ къ тому же сословію, отмѣнить спеціальныя еврейскія подати, обязать ихъ носить одинаковую со всеми одежду, принять мѣры, чтобы они употребляли польскій языкъ, сократить автономію кагала, словомъ, вести ихъ, въ конечномъ счетѣ, къ сліянію съ коренной польской народностію. Очень подробную программу реформъ въ этомъ же духѣ развиваетъ Чацкій¹⁾. Въ этомъ проектѣ особенно цѣнна общая, такъ сказать, декларация правъ евреевъ, выраженная въ первомъ отдѣлѣ: законъ признаетъ евреевъ свободными людьми, способными владѣть имуществомъ и отстаивать въ судѣ свои правовыя претензіи, они пользуются активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ въ общинныхъ управленіяхъ, среди членовъ городскихъ магистратовъ непременно должно быть опредѣленное число представителей отъ мѣстныхъ евреевъ, соотвѣтственно ихъ пропорціональному отношенію къ общей численности христіанскаго населенія. Евреямъ доступны всѣ должности и отличія, присвоенныя тому классу, къ которому они принадлежатъ. На нихъ распространяется общее гражданское, уголовное, полицейское и налоговое законодательство. Рядъ предписаній обезпечиваетъ евреямъ полную свободу вѣроисповѣданія. Вся эта декларация не обозначаетъ однако полного уравненія въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ. Для евреевъ удерживаются два очень существенныхъ, *хотя и временныхъ*, ограниченія: запрещеніе арендовать шинки и заниматься пропинаціей и запрещеніе пріобрѣтать имѣнія (исключеніе дѣлается для евреевъ земледѣльцевъ). Переходя отъ общихъ нормъ къ регулировкѣ отдѣльныхъ сторонъ еврейскаго быта, Чацкій выдвигаетъ дѣленіе евреевъ на три класса: земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ. Занятіе земледѣліемъ поощряется

¹⁾ Rozprawa. Str. 121—134.

податными льготами и помощью по первоначальному обзаведению. Евреи, не принадлежащие ни къ одному изъ этихъ классовъ, зачисляются въ разрядъ праздношатающихся и лишаются покровительства законовъ. Большой натискъ кладется на просвѣщеніе. Всѣ общія и спеціальныя учебныя заведенія—приходскія, уѣздныя, главныя школы, ремесленныя и земледѣльческія училища—объявляются открытыми для евреевъ. Помимо этого, каждой еврейской общинѣ разрѣшается открывать свои учебныя заведенія, но лишь при условіи соблюденія общаго учебнаго плана и окончанія преподавателями учительскихъ семинарій. Чацкій не провозглашаетъ принципа обязательности первоначальнаго обученія. Зато онъ рекомендуетъ рядъ косвенныхъ побужденій къ посѣщенію школъ.

Древнееврейскій языкъ сохраняетъ лишь значеніе языка іудейскаго богословія. И въ частной, и въ общественной жизни признается лишь польскій. Интересенъ пунктъ, опредѣляющій брачный возрастъ: мужчина можетъ вступить въ бракъ лишь на двадцатомъ году, женщина — на восемнадцатомъ. Еврейскія духовныя власти сохраняютъ значеніе лишь въ сферѣ религіозно-нравственныхъ вопросовъ. Всякія отличія въ одеждѣ должны исчезнуть не позже, чѣмъ черезъ 6 лѣтъ.

Что сказать объ этихъ проектахъ, представляющихъ собою крайнее выраженіе польской прогрессивной мысли XVIII вѣка по отношенію къ еврейскому вопросу? Каковы бы ни были ихъ недостатки, они отмѣчены несомнѣнной печатью демократическаго духа. Чѣмъ, какъ не духомъ равенства, продиктована мысль Бутримовича о первоначальной одинаковости человѣческой природы, которая лишь съ теченіемъ времени становится доброй или злой, въ зависимости отъ жизненныхъ обстоятельствъ, заботы Чацкого о просвѣщеніи евреевъ, ихъ обоюдное желаніе видѣрить этихъ послѣднихъ въ общій правовой организмъ страны, освободивъ ихъ отъ позорныхъ изытаній?—Вспомнимъ охарактеризованную выше отчужденность евреевъ отъ польскаго общества, ихъ роль духовнаго парія, надъ которымъ сами обойденные безнаказанно могли глумиться, и мы поймемъ, какое благодарное и жизненное сѣмя для будущности всего еврейства скрывали въ себѣ оба эти проекта. Но, выдвигая необходимость уравнительнаго законодательства по отношенію

къ еврействѣ, Бутримовичъ и Чацкій далеки были отъ того, чтобы всецѣло и спокойно положиться на его творческую силу. Еще въ большей степени, чѣмъ въ яніе французской революціи, ихъ проекты отразили на себѣ вліяніе другой духовной формациі — просвѣщеннаго абсолютизма. Каждый будущій шагъ еврейства обставленъ утомительно-мелочной регламентацией, въ значеніе и силу которой сами составители непоколебимо вѣрятъ. Запретите ранніе браки, освободите евреевъ земледѣльцевъ на пять лѣтъ отъ податей, введите въ школу науку о нравственности, и вы увидите, какъ изготовленная по этому рецепту нація превзойдетъ всѣ ожиданія моралистовъ и эстетовъ! Такимъ образомъ живая активная еврейская масса превращается въ безвольный матеріалъ для всякаго рода экспериментовъ. Восемнадцатому вѣку чужда была мысль объ естественной эволюціи еврейскаго общества, какъ неизбѣжномъ результатѣ уравнианія его въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ. Въмѣсто этого здѣсь выдвигается другое понятіе — о насильственномъ перевоспитаніи цѣлой націи. Это накладываетъ на разсматриваемые проекты отпечатокъ нескладной утопичности. Но въ этомъ смыслѣ польскіе дѣятели ничѣмъ не отличались отъ еврейскихъ просвѣтителей, желавшихъ приобщить свой народъ къ европейской культурѣ ¹⁾. Въ обоихъ проектахъ еврей фигурируютъ лишь какъ вѣроисповѣдная группа. Ихъ вѣками создававшійся внутренній укладъ жизни и національныя потребности совершенно игнорируются. Еврейскій языкъ — лишь необходимое зло. Нужно запретить печатаніе еврейскихъ книгъ и ввозъ ихъ изъ-за границы, и онъ постепенно выйдетъ изъ употребленія. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи наши реформаторы лишь вѣрные сыны своего вѣка. Даже великая ихъ первоучительница, Французская Революція — провозгласила лишь эмансипацію еврея, какъ человѣка, не какъ члена особой націи.

Еще болѣе отрицательное значеніе придаемъ мы другой чертѣ. Обѣ преслѣдуемые реформой цѣли — Благо евреевъ и Благо Польши — не слиты въ одно синтетическое цѣлое. Не-

¹⁾ Ср. проектъ реформы еврейскаго быта корслевскаго фактора Абрама Гиршовича, извлеченъ В. Смоленскимъ изъ архива г. Росп и напечатанъ имъ въ видѣ приложенія къ книгѣ „Ostatni rok Sejmu Wielkiego“.

вольно беретъ перевѣсъ вторая. Эта государственно—утилитарная точка зрѣнія, въ связи съ предлагаемыми мѣрами принудительнаго воздѣйствія, даетъ результаты, приводящіе къ отрицанію исходной демократической точки зрѣнія. Такъ, широко-терпимый въ религіозномъ смыслѣ Бутримовичъ предлагаетъ запретить евреямъ ввозъ изъ-за границы райскаго яблока ¹⁾. такъ какъ де, благодаря этому, изъ Польши уплываютъ деньги, и сократить число еврейскихъ праздниковъ, какъ крайне неудобныхъ для польскихъ путешественниковъ, которые не могутъ въ эти дни достать лошадей. Чацкій же проектируетъ ²⁾: «всѣ долги шинкарямъ, устраненнымъ отъ пропинаціи, объявляются недѣйствительными». Какъ это гуманный дѣятель не сообразилъ, что эта мѣра разоритъ сотни тысячъ людей, объ устройствѣ которыхъ онъ печется!

Какъ отнеслось само польское еврейство къ попыткамъ измѣнить его стародавній строй? —Раздираемое внутренней борьбой между кагалъной бѣднотой и олигархіей, все болѣе захватываемое въ сѣти мистическихъ бредней, оно тѣмъ не менѣе не осталось совершенно безучастнымъ къ этимъ голосамъ извнѣ. Отдѣльные евреи, коснувшіеся европейскаго просвѣщенія, присоединились къ желанію прогрессивной реформы ³⁾. Масса ортодоксовъ рѣзко высказалась противъ всякихъ новшествъ ⁴⁾. Есть основаніе думать, что въ выработкѣ одного изъ прогрессивныхъ проектовъ, который приписывается Гумпловичемъ Станиславу-Августу, участвовали представители отъ евреевъ ⁵⁾. Этотъ проектъ выгодно отличается отъ другихъ большимъ вниманіемъ къ внутреннимъ нуждамъ еврейства, но зато оставляетъ въ силѣ особые еврейскіе налоги.

Но Чацкіе и Бутримовичи насчитывались единицами. При всѣхъ своихъ изъяснахъ данная ими постановка еврейскаго вопроса стояла неизмѣримо выше не только средняго уровня дво-

1) Обрядовая богослужебная подробность во время праздника Кушей.

2) Пунктъ 9-й 1-го отдѣла.

3) См. цит. выше Абрама Гиршовича.

4) Въ лицѣ холмскаго раввина Гершко Юзефича. Ср. С. М. Дубнова. Евр. Ст. 1911 г. Стр. 445.

5) Смоленскій, *Ostatni rok Sejmu Wielkiego*. Kraków. 1897, стр. 329 и слѣд. Гумпловичъ. *Stanisława Augusta projekt reformy Żydostwa polskiego*.

рянскихъ взглядовъ, но и политическихъ убѣжденій самой прогрессивной партіи. Очень и очень многіе польскіе прогрессисты тайно и явно раздѣляли худшіе предразсудки противъ евреевъ ¹⁾. Одна изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ фигуръ патріотическаго движенія эпохи раздѣловъ, Станиславъ Сташиць, мѣщанинъ по происхожденію, заявилъ себя убѣжденнымъ антисемитомъ въ своемъ политическомъ credo.

Работы сеймовой комиссіи по 'еврейскому вопросу (назначенной послѣ еврейскаго погрома 1790 г.) не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Выработанный ею проектъ, несмотря на большую умѣренность, не былъ даже предложенъ на разсмотрѣніе сейма ²⁾. Вся эта полоса патріотическаго увлеченія, включая сюда и конституцію третьяго мая, протекла для евреевъ совершенно бесплодно. Между тѣмъ враждебно настроенному къ нимъ мѣщанскому сословію она дала гражданскія и частью политическія права. Понятно, что при такихъ условіяхъ будущее въ рамкахъ Речи Посполитой не предвѣщало евреямъ ничего хорошаго. Понятно и безучастное отношеніе ихъ къ тому заключительному моменту трагедіи Польши, какимъ явилось возстаніе Костюшки ³⁾.

Нищая, целѣис исковерканная въ своей социальной структурѣ и безправная стояла еврейская масса на порогѣ раскрывающейся передъ ней новой жизни.

В. Стоклицкая-Терешковичъ.

¹⁾ См. Смоленскій. Stan i sprawa.

²⁾ См. этотъ проектъ у Смоленскаго. Ost. rok, первое приложение.

³⁾ Участіе въ возстаніи отдѣльныхъ евреевъ-идеалистовъ, всецѣло проникшихся идеологіей польскаго патріотизма, какъ Берка Юселевича не мѣняетъ этого факта.

ЕВРЕИ ВЪ ПОЛЬСКИХЪ ВОЗСТАНИЯХЪ.

Промежутокъ времени, обнимающій около трехъ четвертей вѣка—отъ 1793 г. до 1863 г.—былъ для Польши періодомъ непрерывныхъ потрясеній. Освободительное движеніе, родившееся во Франціи въ громахъ и буряхъ 1789 г. и въ теченіе цѣлаго столѣтія потрясавшее въ рядѣ вспышекъ всю Европу, нашло себѣ почву и въ Польшѣ; но здѣсь оно приобрѣло въ силу историческихъ условій своеобразный характеръ. Въ то время, какъ въ Европѣ, въ особенности центральной, революціи носили характеръ политико-соціальный, энергія освободительныхъ устремленій Польши сосредоточивалась преимущественно на завоеваніи національной независимости. Это обстоятельство опредѣлило форму народныхъ движеній въ Польшѣ: Европа XVIII и XIX вѣковъ знала революціи; Польша знала лишь возстанія.

Раздѣлъ 1795 г. разбилъ Рѣчь Посполитую на три части, и одну изъ этихъ частей—нынѣшнее царство Польское—оставилъ въ зависимость отъ русскаго скипетра. Тогда разразилось первое возстаніе, связанное съ именемъ Костюшки и жестоко подавленное войсками Суворова. Послѣ кратковременнаго существованія созданнаго Наполеономъ герцогства Варшавскаго, конгрессъ монарховъ въ 1815 г. утвердилъ результаты предыдущаго раздѣла. Идеи освобожденія страны стали жить въ кружкахъ эмигрантовъ; въ странѣ тлухое броженіе проявлялось лишь въ легальной сеймовой оппозиціи и подпольной агитаціи учащихся (виленскіе «филареты» временъ Мицкевича) и военныхъ («Народное патріотическое общество», организованное Лукасинскимъ). Жестокія преслѣдованія этихъ тайныхъ кружковъ въ 1824 и 1827 г.г. только способствовали росту оппозиціоннаго настроенія, которое вылилось потомъ въ возстаніи

1831 года, организованномъ «военнымъ союзомъ» (związek wojskowy).

Возстаніе это, изъ заговора вылившееся въ открытую войну, закончилось кровавымъ разгромомъ и выбросило въ Европу новую волну эмигрантовъ, которые образовали въ Парижѣ вліятельное «Демократическое общество». Попытки отдѣльныхъ личностей организовать новое возстаніе не удались; и лишь въ 1860 г. вновь поднялись высоко волны народнаго движенія. Броженіе началось съ публичныхъ демонстрацій и закончилось открытымъ мятежемъ въ январѣ 1863 г.

Главной осью, вокругъ которой клокотала неумолчно эта революціонная энергія, являлся вопросъ о независимости Польши. Соціальныя реформы занимали второстепенное мѣсто въ первомъ возстаніи, совершенно ступшеывались во второмъ и лишь въ третьемъ, организовадномъ болѣе демократическими элементами, провозглашены были съ полной ясностью. Независимо отъ характера возстанія, въ центрѣ страны — Варшавѣ, движеніе всегда принимало демократическій характеръ. Здѣсь въ потокъ событій вовлекались и наиболѣе безправные граждане страны — евреи.

Въ эпоху перваго возстанія многочисленное еврейское населеніе представляло собой совершенно обособленную экономически группу. Въ земледѣльческой Польшѣ евреи играли преимущественно роль посредниковъ, въ качествѣ арендаторовъ, факторовъ, мелкихъ торговцевъ. На почвѣ экономической обособленности создалась обособленность социальная: пользуясь широкой автономіей во внутреннихъ дѣлахъ, евреи были лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и чужды культурѣ окружающаго населенія. Въ концѣ XVIII вѣка въ китайской стѣнѣ, отдѣлявшей евреевъ отъ остальнаго населенія страны, была пробита первая брешь, но къ европейскому просвѣщенію приобщились лишь немногіе. Каждое возстаніе втягивало въ освободительное движеніе новые слои населенія, приобщившагося къ европейской культурѣ. Наряду съ этимъ, каждое возстаніе вновь выдвигало острый вопросъ о гражданскомъ равноправіи евреевъ. Если оппозиціонно настроеннымъ полякамъ приходилось вести двойную борьбу — за независимость и за болѣе демократическій строй, то у евреевъ къ этимъ двумъ задачамъ при-

соединялась еще третья—достиженіе гражданскаго равноправія. Переплетеніе этихъ трехъ задачъ сообщало своеобразный характеръ политическимъ выступленіемъ евреевъ.

Въ эпоху, предшествовавшую возстанію 1794 года, Польша переживала глубокой политической кризисъ; духовно родственная возрождавшемуся Западу, но прикрѣпленная къ русскому государству, она изнемогала въ борьбѣ съ неурядицами вѣшними и внутренними. Реформамъ, которыя подготовлялись четырехлѣтнимъ сеймомъ, не суждено было осуществиться; отложена была и реформа еврейскаго быта, имѣвшая цѣлью сближеніе евреевъ съ окружающимъ населеніемъ.

Конституція 3-го мая, явившаяся плодомъ трудовъ передоваго дворянства, оставила въ силѣ закрѣпощеніе крестьянъ и безправіе евреевъ. Тѣмъ не менѣе, евреи выразили сочувствіе этой либеральной конституціи. Еврейскіе портные въ Вильнѣ взялись бесплатно изготовить двѣсти мундировъ для арміи свободы; сохачевская и пулавская общины приняли участіе въ патріотическихъ пожертвоваціяхъ. Практически безплодные выступленія либеральныхъ депутатовъ сейма, впервые заявившихъ о гражданскихъ правахъ евреевъ, произвели сильное впечатлѣніе на ту группу, которая подъ вліяніемъ западныхъ освободительныхъ теченій стала отдѣляться отъ цѣльной дотолѣ массы ортодоксальнаго еврейства. Когда разразилось возстаніе, эти люди, еще не получившіе права называться гражданами, исполнили свой гражданскій долгъ.

Возстаніе 1794 г. явилось протестомъ противъ второго раздѣла Рѣчи Посполитой. Во главѣ повстанцевъ сталъ Тадеушъ Костюшко, человекъ, убѣжденія котораго сложились въ атмосферѣ двухъ революцій—американской и французской. Истинный представитель революціоннаго третьяго сословія, Костюшко признавалъ необходимымъ въ ряду прочихъ реформъ дарованіе евреямъ гражданскаго равноправія. Выдвигая на первый планъ борьбу за независимость Польши, онъ въ то же время не забывалъ и о социальныхъ перспективахъ возстанія. Эти социальные перспективы опьяняли умы обездоленныхъ. Переворотъ въ психикѣ еврейскаго населенія совершился съ быстротой, свойственной только революціоннымъ эпохамъ. Когда на-

чалась осада Варшавы, евреи ринулись на защиту столицы. «Заодно съ ремесленниками, мѣщанами и панами,—разсказываетъ новѣйшій историкъ ¹⁾),—спѣшили они длинными веревками сыпать шанцы, распѣвая вмѣстѣ со всѣми любимую пѣснь, народную марсельезу: «Wy uczeni, co dla spoty cierpicie nie mato...». На окопахъ работали они въ полномъ единеніи съ монахами и шляхтой, съ величайшимъ напряженіемъ силъ. Затѣмъ собирались вооруженные въ сборныхъ пунктахъ каждый разъ, когда сигнальная пушка била тревогу, призывая дать отпоръ осаждающимъ. Стоя подъ огнемъ картечи, теряя сотни раненыхъ и убитыхъ, они не утрачивали присутствія духа, но кидались на врата и даже отбили у него нѣсколько пушекъ».

Австрійскій чиновникъ Баумъ доноситъ военному министерству, что евреи составляютъ корпусъ пограничной стражи, вооруженный саблями и пистолетами, и въ донесеніи своемъ удивляется ихъ мужеству.

Эта еврейская масса, принявшая участіе въ возстаніи не столько въ силу сознательнаго рѣшенія, сколько по стихійному порыву, нашла себѣ талантливаго вождя въ лицѣ Берка Йоселевича, бывшаго кретингенскаго фактора. Прошлое этого своеобразнаго героя мало благопріятствовало развитію въ немъ военныхъ талантовъ. Уроженецъ небольшого жмудскаго городка Кретингена, Берекъ (род. около 1765 г.) получилъ традиціонное образованіе въ начальной религіозной школѣ (хедерѣ), а потомъ сталъ факторомъ у вліятельнаго вельможи—виленскаго епископа Масальскаго. Служба у Масальскаго дала Берку возможность побывать въ Парижѣ и окунуться въ кипучую атмосферу предреволюціоннаго броженія. Въ этой атмосферѣ измѣнилось міросозерцаніе кретингенскаго фактора. Вольныя идеи, носившіяся въ воздухѣ, дали дѣятельной натурѣ Берка рядъ боевыхъ императивовъ, которымъ суждено было вскорѣ осуществиться на дѣлѣ. Когда разразилось возстаніе, Берекъ, жившій съ семьей въ предмѣстьи Варшавы—Прагѣ, становится въ первые ряды повстанцевъ и не покидаетъ оружія до дня смерти.

¹⁾ *Ernest Lunnski, Berek joselowicz i jego syn. Zarys historyczny Warszawa 1909.*

17-го сентября 1794 года, Gazeta Rzadowa опубликовала сообщеніе о формирующемся еврейскомъ полкѣ. Сообщеніе это явилось отвѣтомъ на просьбу, подавную двумя евреями—Беркомъ Йоселевичемъ и Иосифомъ Ароновичемъ, о разрѣшеніи составить изъ евреевъ особый полкъ легкой кавалеріи. Оно содержало отвѣтъ главы возстанія на ходатайство Йоселевича. Газета предпослала этому отвѣту разсужденіе, выражавшее взгляды революціоннаго правительства и ставившее себѣ цѣлью обѣлнить евреевъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій въ трусости. Заявленіе главы возстанія гласило: «Нѣтъ ни одного жителя на землѣ Польской, который, усматривая въ народномъ возстаніи путь къ свободѣ и счастью, всѣми силами не стремился бы оному помогать. Проникнутые этими побужденіями, евреи Барекъ Йоселевичъ и Иосифъ Ароновичъ, памятуя о землѣ, на которой родились, памятуя о томъ, что изъ освобожденія ея черпать будутъ эти выгоды наравнѣ съ другими, изъявили передо мною желаніе и охоту образовать еврейскій полкъ легкой кавалеріи. Хваля таковое ихъ усердіе, даю имъ разрѣшеніе вербовать участниковъ указаннаго корпуса, снабдить его оружіемъ и всѣмъ потребнымъ, дабы какъ можно скорѣе могли они явиться на службу Рѣчи Посполитой и какъ можно лучше боролись съ врагомъ».

Спустя короткое время, въ Gazecie Rządowej появилось воззваніе Берка Йоселевича: «Слушайте, сыны племени Израильскаго! Всѣ, въ чьемъ сердцѣ запечатлѣнъ образъ Вѣчнаго и Всемогущаго Бога, всѣ, кто хочетъ помочь бороться за отчизну,—а это долгъ всѣхъ насъ,—знайте—нынѣ пришелъ часъ отдать дѣлу сему силы наши... Нынѣ дается это намъ легко, когда покровитель нашъ, начальникъ Тадеушъ Костюшко, истинный посланецъ Вѣчнаго и Всемогущаго, прилагаетъ всяческія старанія къ тому, чтобы составить еврейскій полкъ. Это, милые братья, да послужить намъ примѣромъ: онъ, мужъ столь великій, и столько другихъ великихъ мужей, поистинѣ пользующихся уже большой свободой, жаждутъ свободы еще большей и отвоеванія отчизны. Почему же намъ, гонимымъ, не взяться за оружіе, когда мы утнетены больше, чѣмъ всѣ люди на свѣтѣ? Почему не должны мы своимъ трудомъ добыть свободу, обѣщанную намъ такъ же

твердо и искренно, какъ и другимъ людямъ на свѣтѣ? Но надо напередъ заслужить ее. Думаете ли вы, что я хочу собственный народъ свой повести на гибель? Нѣтъ, милые братья, уповая на Вѣчную и Всемогущаго, не сомнѣваюсь, что нынѣ настала счастливая часъ усмиренія врага. Вѣчный въ небѣ хочетъ этого—уже есть знаменія сего. Одно лишь намъ нужно—быть въ согласіи и мужественныя, геройскія имѣть сердца. Богъ Всемогущій съ вами, и я—вождь вашъ. Гдѣ будетъ наибольшая опасность, туда пойду я, а вы лишь вслѣдъ за мною. Вотъ, милые братья, мнѣ выпало счастье по повелѣнію высшаго начальства стать полковникомъ; пробудитесь же, помогите освободить угнетаемую доселѣ Польшу. Вѣрные братья, будемъ бороться за отчизну, пока останется въ насъ хоть капля крови. Если бы мы и не дождались этого (освобожденія), то хоть дѣти наши будутъ жить безопасно и свободно, не скитаясь, какъ дикіе звѣри. Пробудитесь, какъ львы и леопарды».

Воззваніе это, наивное, но дышащее энтузіазмомъ, произвело сильное впечатлѣніе. 5-го октября, Беркъ получилъ 3000 гульденовъ изъ главной народной кассы на первоначальные расходы и приступилъ къ организаціи отряда. Въ теченіе мѣсяца чѣмъ трехъ недѣль набралось около пятисотъ человекъ. Отрядъ Берка, вслѣдствіе скудости матеріальныхъ средствъ былъ плохо обмундированъ и терпѣлъ лишенія, но поражалъ строгой выдержкой. Волонтеры, входившіе въ составъ этого отряда, ни на минуту не покидали окоповъ. 4-го ноября, на разсвѣтѣ, начался бѣшеный штурмъ Варшавы. Цѣлый день длилась канонада. Масса народу погибла въ волнахъ Вислы и на улицахъ Праги, заселенной преимущественно еврейскою бѣдною. Богачъ Шмуль Якубовичъ выкупилъ тѣла павшихъ и похоронилъ ихъ. Суворовъ въ официальном сообщеніи опредѣлилъ число убитыхъ въ 12.000 человекъ, а утонувшихъ въ Вислѣ—въ 2.000. Въ этотъ день погибъ почти весь полкъ Берка.

Возстаніе было разгромлено. Сподвижникъ Костюшки, генералъ Зайончекъ, бѣжалъ въ Австрію, гдѣ былъ заключенъ въ крѣпость въ Ольмюцѣ; его участь дѣлилъ Берекъ, котораго

австрійскій чиновникъ Баумъ называетъ въ своемъ донесеніи главаремъ мятежа и распространителемъ вредныхъ идей.

Военная карьера вождя еврейскихъ повстанцевъ, однако, на этомъ не кончилась. Берекъ вскорѣ бѣжалъ изъ австрійской крѣпости и попалъ въ Парижъ, въ среду польскихъ эмигрантовъ. Здѣсь ему предстояло стать участникомъ великой Наполеоновской эпопеи. Подъ командой Домбровскаго онъ сражался противъ Суворова при Тосканѣ и Требии, затѣмъ получилъ на французской службѣ чинъ капитана драгунскаго полка и рядъ отличій и, наконецъ, погибъ въ 1809 году шодъ австрійскимъ городкомъ Коцкомъ, командуя двумя эскадронами арміи Понятовскаго.

Берекъ былъ не единственнымъ офицеромъ регулярной польской арміи, возникшей послѣ образованія герцогства Варшавскаго; извѣстны еще имена: майора улановъ Каспера Юнгофа, капитана стрѣлковаго полка Мордки Розенфельда, военнаго врача Филиппа Любельскаго и другихъ ¹⁾.

Въ возникшемъ, по мановенію Наполеонова жезла, герцогствѣ Варшавскомъ, евреи, вопреки либеральной конституціи, не получили равноправія. Декретъ 17-го марта 1808 г., приостановилъ на десять лѣтъ почти во всей французской имперіи дѣйствіе закона о равноправіи евреевъ. Между тѣмъ убѣжденіе въ необходимости равноправія все крѣпло въ средѣ передового еврейства. Убѣжденіе это выразилось въ той запискѣ, которую 17-го марта 1809 г. представили сенату герцогства пять представителей еврейской общины. Въ запискѣ между прочимъ говорилось: «Тысячи людей польскаго народа старозаконнаго исповѣданія, которымъ многовѣковая осѣдлость въ этой странѣ даетъ право считать ее своей отчизной наравнѣ съ другими жителями, до сихъ поръ безъ вины, съ вредомъ для общества и обидою для человѣчества, невѣдомо за что обречены на униженіе и стонуть подъ тяжестью ежедневныхъ притѣсненій» ²⁾. Сенатъ отвѣтилъ на эту просьбу отказомъ.

Варшавское герцогство существовало недолго. Въ 1815 г. вѣнскій конгрессъ установилъ границы Царства Польскаго

¹⁾ Jutrzenka, 1861, № 10. *Nussbaum*, *Historya Żydów*, т. V, стр. 365.

²⁾ С. М. *Дубновъ*, *Новѣйшая исторія еврейскаго народа (1789 — 1881)*, С.-Петербургъ, 1914, стр. 196.

(Конгресувка). Въ числѣ другихъ польскихъ гражданъ, въ составъ російской имперіи вошло около полумилліона евреевъ. Большинство этого населенія занималось посредничествомъ всякаго рода и торговлей, торгуя преимущественно спиртными напитками, краснымъ товаромъ, ветошью и колониальными продуктами; второе мѣсто послѣ торговцевъ занималъ классъ ремесленниковъ. Въ ту эпоху, когда въ странѣ начала подъ покровительствомъ министра финансовъ Любецкаго развиваться промышленность, евреи сыграли крупную роль въ процессѣ превращенія Польши въ промышленную страну. Они явились посредниками между мелкимъ производителемъ и рынкомъ (въ особенности, поскольку польскіе товары находили сбытъ на русскомъ рынкѣ). Нерѣдко юни соединяли въ одномъ лицѣ функціи предпринимателя и торговца, скупая у ткача или сукнодѣла продуктъ его труда и отпуская ему въ кредитъ сырье. Это нерѣдко сопровождалось злоупотребленіями и вызывало враждебныя чувства въ окружающей польской средѣ. Разорявшіеся мелкіе производители и земледѣльцы видѣли въ евреяхъ представителей надвигавшагося капитализма; фабриканты-христіане опасались конкуренціи ловкихъ еврейскихъ дѣльцовъ. Антисемитизмъ нашелъ себѣ новую печку во вновь создававшихся экономическихъ отношеніяхъ и породилъ довольно обширную литературу памфлетовъ (брошюра «Sposób na żydów» и др.).

Новое правительство въ отношеніи къ евреямъ неуклонно держалось политики ограниченій. Косная хасидская масса относилась къ этимъ ограниченіямъ довольно равнодушно, втайнѣ страшась гражданскаго равноправія; но одна мѣра правительства вызвала и въ ней глухое броженіе: это былъ указъ о рекрутскомъ наборѣ 1827 г., вырвавшій изъ среды польскаго еврейства тысячи дѣтей и загнавшій ихъ въ отдаленнѣйшіе углы російской имперіи.

Разладъ между консервативными и передовыми элементами еврейства, о которомъ мы упоминали выше, принялъ наканунѣ второго возстанія рѣзкія формы. Евреи не представляли уже собою обособленной экономической группы, а были втянуты въ общій процессъ развитія страны. Это повлекло за собой рядъ слѣдствій соціально-культурнаго характера. Старыя формы

замкнутого еврейскаго самоуправленія нашли себѣ ярыхъ враговъ въ лицѣ представителей передоваго еврейства. Авторъ анонимной брошюры, появившейся въ 1820 г., съ негодованіемъ обличаетъ поведеніе кагалныхъ заправиль, нерѣдко вступающихъ въ союзъ съ агентами русской власти, для эксплуатаціи бѣднѣйшей части населенія ¹⁾. Вскорѣ, въ 1821 г., старые кагалы были уничтожены и замѣнены, такъ наз., «божничными дозорами». Нарождающаяся еврейская буржуазія, представители которой именовали себя «старозаконными» или «поляками Моисеева исповѣданія», пріобрѣтаетъ въ крупныхъ центрахъ, вродѣ Варшавы, вліяніе на общинныя дѣла и предпринимаетъ рядъ мѣръ къ культурному сближенію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ. Въ 1815 г., усиліями энергичнаго дѣятеля Тугендхольда, открыто было нѣсколько общеобразовательныхъ школъ для евреевъ, а въ 1826 г., въ Варшавѣ открылась Раввинская школа. Нѣкоторые евреи обучались уже въ ту пору и въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ средѣ оппозиціонно настроеннаго польскаго общества также раздавались времена толоса въ пользу эмансипаціи евреевъ и сближенія съ ними. Особенно яримъ поборникомъ этой идеи былъ одинъ изъ предтечъ возстанія, Валеріанъ Лукасинскій, кончившій дни свои въ Шлиссельбургскомъ казематѣ. Полемика, возгорѣвшаяся между нимъ и генераломъ Винцентіемъ Красинскимъ, породила цѣлую литературу, въ которой голоса реакціоннаго польскаго мѣщанства звучали въ унисонъ съ голосами страшившейся реформъ ортодоксальной еврейской массы.

Таково было общее настроеніе, когда разразилась медленно подготовлявшаяся гроза новаго возстанія.

Наиболѣе яркой особенностью этого возстанія явилась доминирующая роль дворянства, оскорбленнаго въ своихъ національныхъ чувствахъ гнетомъ чуждой власти. Официальными главарями возстанія были представители крупной помѣстной аристократіи. Спускаясь немного ниже по лѣстницѣ дворянства, идеи возстанія принимали нѣсколько болѣе демократи-

¹⁾ Полное названіе брошюры: „Prośba czyli usprawiedliwienie się ludu wyznania Starego Testamentu, w Królestwie Polskim zamieszkanego.

ческий отбнокъ («калитская оппозиція»), но общая концепція возстанія и у мелкопомѣстныхъ шляхтичей отличалась тѣмъ же отсутствіемъ соціальной окраски. Нарождавшееся среднее сословіе было слишкомъ слабо, чтобы наложить отпечатокъ на событія; мѣстнаго рабочаго класса почти не существовало, такъ какъ на заводахъ и фабрикахъ работали иностранцы. Поэтому демократическая группа, представителемъ которой былъ Лелевель, не имѣла вліянія на ходъ дѣлъ. Узкосословный характеръ движенія предрѣшилъ его судьбу: огромныя массы крестьянства остались равнодушны къ усиліямъ повстанцевъ, и возстаніе было разгромлено.

Возстаніе 1831 г. носило характеръ *національно-политическій*; цѣлью его являлось болѣе или менѣе полное освобожденіе страны отъ чуждой власти. При данномъ соціально-экономическомъ укладѣ русской Польши и наличности сильной власти, дѣйствующей черезъ явныхъ и тайныхъ агентовъ, оно естественно въ первой своей стадіи вылилось въ форму заговора. Въ этой первой стадіи, евреи не могли принимать участія, такъ какъ не составляли органической части польскаго общества и не пользовались въ дворянскихъ кругахъ довѣріемъ, необходимымъ для конспиративныхъ сношеній; наконецъ, въ офицерскую среду, гдѣ созрѣвалъ заговоръ, они вообще не имѣли доступа. Но въ позднѣйшій періодъ возстаніе переросло форму заговора и принесло съ собой общее вѣяніе свободы, которое не могло не взволновать умы передового еврейства; и тамъ, гдѣ движеніе принимало массовый характеръ, часть еврейскаго населенія вовлекалась въ потокъ событій, слѣдуя тому глубоко-правдивому инстинкту, который ставитъ освободительное устремленіе выше цѣлей этого устремленія.

Въ 1830 г. ноябрьскій заговоръ молодыхъ офицеровъ отдалъ Варшаву въ руки повстанцевъ. Но когда возстаніе разгорѣлось, передъ временнымъ правительствомъ всталъ призракъ народныхъ клубовъ и террора демократіи. Страхъ террора парализовалъ дѣйствія вождей возстанія и заставилъ ихъ вести двойственную политику. Двойственность эта отразилась и въ отношеніи къ евреямъ, выказавшимъ готовность принять участіе въ возстаніи. Первыми примкнули къ возстанію еврей-учащіяся, въ особенности ученики Раввинской школы;

одиннадцать молодыхъ евреевъ вошли въ составъ почетной академической гвардіи. Воскресла мысль о созданіи по примѣру 1794 г. особаго еврейскаго полка повстанцевъ, и 10-го ноября Станиславъ Гернишъ обратился отъ имени группы въ 20—30 человекъ съ прошеніемъ къ диктатору Хлопицкому, въ которомъ сообщилъ, что они, видя въ настоящихъ событіяхъ удобный моментъ для проявленія сочувствія къ народному дѣлу, рѣшили организовать полкъ, который долженъ быть отданъ въ распоряженіе диктатора. Гернишъ заявлялъ, что онъ «началь съ молодежи, принадлежащей къ самымъ извѣстнымъ семьямъ, дабы она могла дать примѣръ низшимъ классамъ народа».

Но еврейскимъ волонтерамъ предстояло на первыхъ же порахъ встрѣтить препятствіе: представитель дворянской партіи, диктаторъ Хлопицкій объявилъ 11-го декабря, что евреи, какъ не имѣющіе гражданскихъ правъ, не могутъ лично участвовать въ оборонѣ Варшавы, а должны взамѣнъ воинской повинности ушлавивать особый сборъ. Военный министръ Моравскій мотивировалъ это заявленіе тѣмъ, что нельзя позволить, чтобы еврейская кровь смѣшивалась съ благородной кровью поляковъ.

Поведеніе правительства не обезкуражило, однако, еврейскихъ энтузіастовъ, глубоко вѣрившихъ въ правоту своихъ требованій. 21-го ноября появилось горячее воззваніе, призывавшее евреевъ къ участію въ возстаніи. Авторомъ его былъ Юзефъ Берковичъ, сынъ героя 1794 г. Хлопицкій, увлекаемый потокомъ событій, долженъ былъ пойти на уступки духу времени и постановленіемъ отъ 26-го декабря разрѣшилъ евреямъ вступать на военную службу. Въ отвѣтъ на прошеніе Юзефа Берковича народное правительство поручило военной комиссіи вступить съ нимъ въ переговоры, принявъ за руководство указанія диктатора. Евреи, согласно этимъ указаніямъ, должны были образовать кавалерійскій полкъ и содержать его на свой счетъ; въ качествѣ инструкторовъ приглашались офицера изъ регулярной арміи. Добровольцы приобрѣтали всѣ гражданскія права, распространявшіяся также и на ихъ потомство. Это была первая уступка эмансипаціоннымъ настроеніямъ демократіи. Около того же времени, демократически настроенному члену временнаго правительства Лелевелю удалось добиться отмѣны

унизительно еврейскаго сбора, ушлачиваемаго при въѣздѣ въ Варшаву.

Эти вольности окрылили надеждами варшавскихъ евреевъ. 20-го декабря группа вліятельныхъ и просвѣщенныхъ евреевъ (директоръ раввинской школы Эйзенбаумъ и др.) обратилась съ петиціей къ временному правительству, требуя равноправія и ссылаясь на конституцію герцогства Варшавскаго. Вскорѣ потокомъ событій захвачена была и варшавская еврейская община. 5-го января состоялось экстренное засѣданіе «божничнаго дозора», созванное по поводу проекта особаго еврейскаго полка. На собраніи выяснилось, что представители общины, еще до того, какъ къ нимъ обратились, организовали особый комитетъ для оказанія помощи евреямъ, вступающимъ въ армію. Проектъ организаціи особаго еврейскаго отряда былъ, однако, общиной отклоненъ. Члены «дозора» мотивировали свое рѣшеніе тѣмъ, что образованіе особаго полка является актомъ національнаго сепаратизма; помимо того, содержаніе такого полка не подѣ силу общинѣ, разоренной различными спеціальными налогами. Божничный дозоръ рѣшилъ выпустить воззваніе, приглашающее евреевъ вступать въ общую армію и назначилъ по 150 зл. п. на обмундированіе каждаго добровольца. Съ цѣлью увеличенія притока денегъ, дозоръ постановилъ, чтобы украшенія съ брачныхъ одеждъ и молитвенныхъ облаченій (талесовъ) жертвовались на нужды возстанія.

Резолюція божничнаго дозора была отголоскомъ настроенія еврейскаго общества: пожертвованія массами притекали въ кассу временнаго правительства; въ газетахъ то и дѣло появлялись воззванія, написанныя библейскимъ стилемъ и въ трогательныхъ выраженіяхъ призывавшія къ борьбѣ за общую родину. Тяготѣніе къ объединенію въ борьбѣ за свободу было такъ сильно, что попытка создать особый еврейскій полкъ потерпѣла неудачу. Еврейскіе волонтеры разсѣялись по отрядамъ польской арміи; въ одинъ изъ такихъ отрядовъ вступилъ и Юзефъ Берковичъ. Особенно охотно шли евреи въ національную гвардію, начальникомъ которой въ Варшавѣ назначенъ былъ въ январѣ 1831 г. Антоній Островскій—человѣкъ, проникнутый духомъ французскаго демократизма и чуждый шляхетскихъ предрасудковъ. Островскій видѣлъ многіе недостатки

дворянской политики; онъ рано понялъ, что революція, кромѣ непосредственной своей задачи—достиженія независимости, должна поставить себѣ и рядъ задачъ соціального характера. Одной изъ первыхъ такихъ задачъ считалъ онъ приобщеніе евреевъ къ общей гражданственности («zobywatelenie starozakonnych»). Онъ добился того, что Rada Narodowa разрѣшила евреямъ вступить въ національную гвардію. Сначала всѣмъ вступившимъ ставилось требованіе, чтобы они не носили бороды; но вскорѣ Островскій образовалъ изъ «бородачей» особый отрядъ «еврейской городской гвардіи», насчитывавшій около 850 человекъ.

Евреи охотно шли въ ряды гвардіи. Ободренный успѣхомъ своихъ начинаній, Островскій 24-го января встрѣтилъ торжественной рѣчью новыхъ гвардейцевъ, привѣтствуя ихъ готовность «защищать тѣ же права и вольности, что и другіе жители страны, . . . боротся . . . за независимость и свободу общей родины». Рѣчь кончалась мощнымъ аккордомъ: «Пусть Богъ Маккавеевъ, Богъ воинствъ, Богъ, мстящій за обиды людскія, пробудитъ васъ отъ оцѣпенѣнія, которое явилось плодомъ печальнаго положенія народа израильскаго».

Рѣчь начальника гвардіи произвела сильное впечатлѣніе. Спустя нѣкоторое время, Островскому врученъ былъ адресъ отъ національныхъ гвардейцевъ Моисеева исповѣданія. Составители адреса указывали, между прочимъ, на то, что нынѣ «всѣ патріоты, свободные отъ- предразсудковъ . . . высказываются въ пользу народа, который вопреки системѣ, свойственной конституціоннымъ государствамъ, находится доннынѣ въ положеніи раба» и привѣтствуютъ Островскаго, который «передъ лицомъ всего міра протянулъ отцовскую руку народу, дотолѣ унижаемому», способствуя тѣмъ развитію гражданскаго духа въ средѣ еврейства.

Служба въ гвардіи становилась все болѣе тягостной, по мѣрѣ того какъ русскія войска стягивались къ Варшавѣ. Тѣмъ не менѣе евреи все приливали въ гвардію, отказываясь отъ денежнаго выкупа. Островскій, повидимому, не строго придерживался имущественнаго ценза при допущеніи волонтеровъ въ гвардію: кромѣ купцовъ и домовладѣльцевъ, въ ряды гвардейцевъ попадали и люди изъ болѣе демократическихъ слоевъ на-

селенія Варшавы. Островскій констатирует¹⁾, что въ то время, какъ нѣкоторые гвардейцы изъ буржуазіи не скрывали своей вражды къ евреямъ и высказывали неудовольствіе по поводу того, что служба въ гвардіи можетъ дать имъ гражданскія права, болѣе демократическіе элементы относились къ евреямъ дружелюбно; большинство явно выразило свое отношеніе къ еврейскимъ товарищамъ, избравъ свыше десяти человекъ изъ ихъ среды офицерами гвардіи.

Національная гвардія, состоявшая преимущественно изъ представителей зажиточнаго купечества и мѣщанства, исполняла сравнительно легкія организаторскія функціи въ дѣлѣ охраненія порядка и безопасности въ городѣ; наиболѣе тяжелая и опасная работа выпала на долю той сѣрой варшавской массы, которая муравьинымъ роємъ кишѣла на валахъ, занималась транспортомъ, сносила съ войсками, стоявшими внѣ черты города, исполняла множество мелкихъ, незамѣтныхъ, но опасныхъ порученій. Въ эту среду, такъ наз. *strazy bezpieczeŃstwa* вступали и евреи; бѣдный еврейскій ремесленникъ работалъ здѣсь бокъ о бокъ съ товарищемъ христіаниномъ. Грустное зрѣлище представляла собою эта еврейская бѣднота. «Когда взглядъ падалъ,—говоритъ Островскій²⁾,—на эту группу людей, истощенныхъ, полунагихъ, волнующихся, словно вѣчно преслѣдуемыхъ... рокомъ; . . . совѣсть повелѣвала какъ можно раньше заняться устройствомъ этой во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе обездоленной части населенія нашей страны».

Еврейское населеніе Варшавы, начиная съ крупной буржуазіи и кончая низами, было захвачено общимъ патріотическимъ порывомъ. Иное настроеніе наблюдалось въ польской провинціи, гдѣ возстаніе не имѣло массоваго характера и гдѣ обособленность евреевъ отъ окружающаго населенія носила еще чистосредневѣковая формы. Объ этой эпохѣ рассказываетъ эмигрантъ Янъ Чинскій въ своей книгѣ «*Ysrael en Pologne*»: «Городъ Люблинъ раздѣленъ на двѣ части. Христіане отдѣлены отъ евреевъ. Эти послѣдніе живутъ какъ бы въ гетто, за предѣлы котораго имъ нельзя выходить по ночамъ». Трудно было, конечно, ждать отъ этого замкнутаго въ гетто населенія активной

¹⁾ Pomysty o potrzebie reformy towarzyskiej, стр. 69.

²⁾ Pomysty, стр. 74.

помощи польскимъ инсurreкціоннымъ отрядамъ. Индифференцизмъ обособленной еврейской массы усиливался исконнымъ отвращеніемъ евреевъ къ войнѣ. Когда, напр., въ Грубешовѣ получился приказъ сформировать повстанческіе полки добровольцевъ безъ различія исповѣданія, къ начальнику отряда улановъ графу Рошетану явились представители общины, предлагая замѣнить военную службу крупнымъ денежнымъ выкупомъ и ссылаясь на то, что религія запрещаетъ имъ проливать человеческую кровь. Впрочемъ, тамъ, гдѣ руководители инсurreкціи не ограничивались сухими приказами, а обращались непосредственно къ чувству еврейскаго населенія, имъ удавалось побѣдить индифференцизмъ еврейской массы. Характеренъ въ этомъ смыслѣ эпизодъ, героемъ котораго явился упомянутый уже нами Янъ Чинскій, посланный въ Люблинъ въ качествѣ представителя революціоннаго правительства. Когда въ Люблинѣ объявленъ былъ наборъ, среди населенія стали распространяться слухи о равнодушномъ, а подчасъ и враждебномъ отношеніи евреевъ къ возстанію. Чтобы опровергнуть эти слухи, Чинскій рѣшилъ устроить торжественное собраніе въ синагогѣ, находящейся въ центрѣ еврейскаго квартала и явился туда въ сопровожденіи двухъ штабныхъ офицеровъ. Здѣсь онъ произнесъ горячую рѣчь, напомнивъ переполнившей синагогу толпѣ обо всѣхъ несправедливостяхъ, жертвами которыхъ явились евреи. Онъ увѣрялъ, что освобожденная Польша не станетъ притѣснять дѣтей своихъ и требовалъ отъ еврейской молодежи повинности крови, чтобы реабилитировать себя и завоевать для своихъ единовѣрцевъ уваженіе и свободу. Слова эти были встрѣчены взрывомъ энтузіазма. «Молодые люди,—разсказываетъ Чинскій ¹⁾,—наперерывъ предлагали свои силы и жизнь свою на служеніе общей отчизнѣ. Слезы блистали на глазахъ у всѣхъ. Я вернулся въ штабъ въ сопровожденіи группы молодыхъ волонтеровъ, при радостныхъ кликахъ населенія».

Чинскій былъ однимъ изъ немногихъ демократически настроенныхъ вождей возстанія. Большинство руководителей арміи не дѣлало попытокъ привлечь еврейское населеніе къ дѣлу свободы и не скрывало враждебнаго отношенія къ евреямъ.

¹⁾ Leon Hollenderski, Les Israélites de Pologne, Paris 1846, стр. 134.

Индифферентизмъ евреевъ нерѣдко истолковывался какъ сочувствіе непріятелю: множество евреевъ погибло въ это время по обвиненію въ шпіонствѣ. Особенно варварскимъ обращеніемъ съ евреями отличился отрядъ Пушета и Шона: въ августовскомъ воеводствѣ эти командиры безъ суда вѣшали мирныхъ обывателей, а заступавшимся за нихъ офицерамъ грозили наказаніемъ. Только позднѣйшей эмиграціонной литературѣ удалось освободить евреевъ отъ тяжкаго навѣта. Въ довершеніе трагическаго положенія евреевъ, обвиненіе въ шпіонствѣ падало на нихъ не только со стороны польскихъ повстанцевъ. Русскіе также—и съ большимъ правомъ—считали евреевъ тайными пособниками революціи. Нѣкоторые города захватывались попеременно то русскими, то польскими войсками. «Каждый разъ,—говоритъ современникъ ¹⁾),—когда новый отрядъ вступалъ въ городъ, на площади производились избиенія: поляки подвергали тѣлесному наказанію тѣхъ евреевъ, которые подозрѣвались въ оказываніи услугъ Россіи, а русскіе избивали евреевъ кнутомъ, полагая, что они помогаютъ польскому возстанію».

Въ разгаръ революціи, въ маѣ 1831 г., созванъ былъ сеймъ, окончательно выявившій неспособность польскаго дворянства стоять во главѣ общенароднаго дѣла. Сеймъ этотъ, между прочимъ, устранилъ евреевъ отъ военной службы въ теченіе 1831 г., обязавъ ихъ взамѣнъ службы платить налоги вчетверо большій, чѣмъ тотъ, который платили они въ предыдущіе годы. Лѣто 1831 г. было періодомъ заката движенія. Кровавые сентябрьскіе дни, положившіе конецъ возстанію, напомнили населенію Варшавы трагическій ноябрь 1794 г.

Революціонный очагъ снова перенесенъ былъ въ Парижъ, гдѣ образовался подъ предсѣдательствомъ Лелевеля Народный Комитетъ (Komitet Narodowy), объединившій демократическіе элементы страны. Послѣ пораженія возстанія демократія приобрѣла огромную моральную силу. Начался періодъ мучительнаго пересмотра. Съ болью указывали такіе люди, какъ Островскій, на коренную ошибку возстанія—сосредоточеніе всѣхъ силъ на борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Пересмотру подвергнутъ былъ

1) Голлендерскій, стр. 94.

и еврейскій вопросъ. На одномъ изъ собраній, въ отелѣ, на улицѣ Кордье, гдѣ засѣдалъ цвѣтъ эмиграціи, выступилъ въ защиту евреевъ молодой офицеръ Беніовскій, человекъ съ фантастической судьбой, бывшій казакъ, въ пылу Остроленской битвы покинувшій русскіе ряды и заявившій польскимъ командирамъ, что онъ хочетъ вмѣстѣ съ ними сражаться за свободу.

Беніовскій заявилъ, что эмигранты должны искупить грѣхъ дворянства и передъ всѣмъ міромъ манифестировать свое отношеніе къ евреямъ, какъ къ еще болѣе угнетеннымъ братьямъ. Вскорѣ официальный представитель польской демократіи—Лелевель обнародовалъ «Манифестъ къ народу израильскому» (1832), призывая евреевъ забыть обиды, чинимыя имъ нынѣшней Польшей, ради свѣтлыхъ воспоминаній былой Рѣчи Посполитой и надеждъ будущей свободной страны.

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

Для наиболѣе вліятельной группы эмигрантовъ, къ которой помимо Лелевеля принадлежали Беніовскій, Янъ Чинскій, Симонъ Кочарскій, Маурицій Мохнацкій и многіе другіе, вопросъ эмансипаціи евреевъ являлся проблемой преимущественно политической, однимъ изъ основныхъ постулатовъ идеи демократизма; для другихъ, какъ, напр., Мицкевича и Товян-

скаго, освобожденіе евреевъ принимало характеръ міровой проблемы и окрашивалось фантастическимъ мистицизмомъ. Въ 1845 г. Мицкевичъ явился въ день 9-го аба (годовщина разрушенія Іерусалима) въ одну изъ парижскихъ синагогъ и произнесъ тамъ горячую рѣчь, убѣждая евреевъ присоединиться къ движенію Товянскаго. При этомъ онъ патетически восклицалъ: «Я говорю отъ имени синагогъ нашей страны, раздирающіе вопли которыхъ мы слышали; я говорю отъ имени синагогъ востока и цѣлой вселенной». Парижское еврейское общество осталось равнодушно къ призывамъ пылкаго польскаго поэта, но это не охладило симпатій Мицкевича къ евреямъ. Въ манифестѣ польскаго легіона, образованнаго Мицкевичемъ, въ 10-мъ пунктѣ говорится: «Старшему брату Израилю—почтеніе, братство, помощь на пути къ вѣчному и временному благу, равноправность политическая и гражданская». Когда возгорѣлась крымская война, Мицкевичъ увлекся фантастическимъ планомъ созданія особаго еврейскаго легіона, но этой предсмертной мечтѣ пророка польскаго освобожденія не суждено было сбыться.

Послѣ смерти Мицкевича и Товянскаго мистическое теченіе въ эмиграціи заглохло. Въ литературѣ эмигрантовъ стала все замѣтнѣе обозначаться поворотъ отъ прежнихъ романтическихъ мечтаній и гуманистическихъ палліативовъ къ убѣжденію, что эмансипація евреевъ является одною изъ первыхъ задачъ всемірной демократіи. Проповѣдь гражданского равноправія евреевъ, раздававшаяся въ наиболѣе вліятельныхъ эмигрантскихъ органахъ, находила откликъ въ странѣ, въ кругахъ развивающейся буржуазіи и городской демократіи, которая пріобрѣтала большую силу по мѣрѣ экономическаго роста страны.

Развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ создавало прочный фундаментъ для идей, которыя ковались въ революціонной лабораторіи Европы. По свидѣтельству одного изъ современниковъ возстанія, еврейскій вопросъ выступилъ въ это время «если не какъ цѣлая программа дѣятельности, то какъ очень важная часть этой программы»¹⁾. Достаточно было какой-

¹⁾ *Historya dwóch lat (1861—1863 r.), przez Z. L. S. Krakow, 1892 r., t. 1, str. 288.*

нибудь случайной статьи въ газетѣ, чтобы возгорѣлась полемика, захватывавшая широкіе общественные крути. Характерна въ этомъ смыслѣ полемика, вызванная въ 1859 г. статьей въ органѣ «Gazeta Warszawska», въ которой евреи назывались чужаками и врагами Польши. Въ атмосферѣ, уже насыщенной предчувствіями близкой революціи, статья эта произвела цѣлую бурю. Посыпались возраженія въ статьяхъ и анонимныхъ письмахъ въ редакцію. Одно изъ такихъ писемъ закончилось словами: «... и да отсохнетъ рука у тебя, прежде чѣмъ ты вымолвишь слово вражды противъ евреевъ, которымъ предстоитъ воскресить славу Польши» ²⁾

Протесты исходили какъ отъ оппозиціонно настроенныхъ поляковъ, такъ и отъ евреевъ. Въ январѣ 1859 г. группа еврейской молодежи, принадлежащей къ верхамъ буржуазіи (Натансоны, Бергсоны, Кроненберги и т. д.) составила протестъ противъ газеты, требуя, чтобы редакторъ Лешновскій помѣстилъ опроверженіе высказанныхъ въ газетѣ мнѣній. Лешновскій отказался и донесъ полиціи на выступавшихъ противъ него евреевъ. Инцидентъ этотъ сильно взволновалъ эмиграціонные крути. «Dziennik Poznanski» утверждалъ, что «Gazeta» обнаружила недостатокъ политическаго разума, разжигая расовую ненависть; «Wiadomosci Polskie» указывали на стремленіе евреевъ къ ассимиляціи и на то, что въ тяжелыя минуты евреи всегда готовы были жертвовать жизнью для отчизны. Въ общемъ хорѣ голосовъ раздался и мощный голосъ маститаго Лелевеля, который сурово порицалъ газету за то, что она сѣетъ рознь между сынами единой отчизны и предсказывалъ, что близокъ часъ, когда «всякій сынъ страны, какую бы вѣру онъ ни исповѣдывалъ, собственною волею впишетъ свое имя въ списокъ гражданъ». Юдофобская выходка сотрудника «Gazety» встрѣтила отповѣдь не только въ польской прессѣ: ее, между прочимъ, заклемили и Герценъ въ «Колоколѣ». Характерно, что въ то время, когда вся демократія встрѣтила единодушнымъ негодованіемъ эту выходку, особенно неумѣстную въ періодъ общей борьбы за свободу, «Земледѣльческое Общество» (Towarzystwo

²⁾ Historya dwóch lat, стр. 246, примѣч.

Rolnicze), представлявшее собой органъ умѣренной дворянской оппозиціи, стало на сторону «Gazet'ы» и отказалось подъ вліяніемъ этого инцидента принять въ свою среду нѣсколькихъ представителей варшавской еврейской буржуазіи. Участъ евреевъ раздѣлилъ и популярный польскій писатель Крашевскій, ставшій по приглашенію Кроненберга во главѣ оппозиціоннаго органа «Gazeta Codzienna», выражавшаго настроеніе передовой буржуазіи: онъ былъ забаллотированъ въ 1860 году при выборѣ членовъ въ земледѣльческое общество.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ оппозиціонное настроеніе въ польской буржуазіи и демократическихъ слояхъ достигло особенно сильнаго напряженія.

Недовольство это раздѣляла и еврейская буржуазія, ставшая въ эту эпоху вліятельной, особенно въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Толкаемая экономическими условіями къ слічанію съ буржуазіей польской и связанная въ правовомъ отношеніи по рукамъ и ногамъ, эта группа начертала на своемъ знамени два лозунга: ассимиляція и гражданское равноправіе.

Эпоха пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ была эпохой расцвѣта ассимиляціи. Если въ 1831 году принципы ассимиляціи раздѣлялись лишь небольшою группою, теперь ассимиляція становится идеологіей цѣлаго класса. Правда, лишь въ кругахъ зажиточной еврейской буржуазіи (Кроненбергъ, Матиасъ Розень, Эпштейны) ассимиляція принимала форму планомѣрной программы; въ народныхъ массахъ, типичнымъ представителемъ которыхъ былъ раввинъ Майвельсъ, господствовало стремленіе не къ національному обезличенію, а къ національному освобожденію. Стремленіе это, гармонически сливаясь съ стремленіемъ поляковъ къ освобожденію страны, создавало ту исключительную атмосферу единенія и братства, подъ знакомъ которыхъ прошли бурные годы 1861—1863.

Новое возстаніе организовано было, въ противоположность предыдущему, демократическими элементами страны. Это опредѣлило форму его, создавъ неслыханное въ Варшавѣ массовое движеніе, и придало ему социальную окраску. Умѣренно-оппозиціонное дворянство, органомъ котораго являлось Земледѣльческое общество, ступевалось передъ настойчивымъ напоромъ передовой буржуазіи и городской демократіи. Разнохарактерность элементовъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, придавала ему нѣсколько хаотическій характеръ; значительная роль религіозно-настроенной мелкой буржуазіи сообщала народнымъ выступленіямъ своеобразный клерикально-національный отбѣнокъ. Особенно ярко выступили эти черты революціоннаго движенія въ первой его стадіи—стадіи манифестацій и массовыхъ петицій.

Первая манифестація устроена была въ іюнѣ 1860 г. За нею слѣдоваль рядъ другихъ, приуроченныхъ къ различнымъ политическимъ годовщинамъ. Во всѣхъ этихъ выступленіяхъ принимало горячее участіе и еврейское населеніе Варшавы. Въ то время, когда народныя толпы шумно манифестировали на улицахъ Варшавы, группа передовой интеллигенціи (Халубицкій, Шленкеръ, Крашевскій) занимались выработкой петиціи Государю; въ петиціи въ числѣ прочихъ реформъ упоминалось и равноправіе евреевъ. Мирная работа прервана была гуломъ уличныхъ событій: 27 февраля пали во время людной манифе-

стаціи первыя жертвы возстанія; среди нихъ было нѣсколько человѣкъ евреевъ¹⁾. Негодованіе, охватившее городъ, дало сильный толчокъ возстанію. Въ депутацію, отправившуюся къ начальнику Горчакову съ жалобой на поведеніе войскъ, вошло также нѣсколько евреевъ — въ томъ числѣ и представитель еврейскаго духовенства, раввинъ Майзельсъ. Этотъ своеобразный человѣкъ соединялъ въ своемъ лицѣ горячій польскій патриотизмъ съ ортодоксальностью раввина. Въ 1848 году онъ былъ избранъ въ австрійскій парламентъ и стоялъ въ рядахъ польскихъ патріотовъ Галиціи, а въ 1856 году занялъ постъ раввина въ Варшавѣ. Когда началось освободительное движеніе, Майзельсъ сразу примкнулъ къ нему и сталъ участникомъ всѣхъ манифестацій. Синагогальныя проповѣди его проникнуты были горячей любовью къ родинѣ. Тѣмъ же настроеніемъ, впрочемъ, проникнуты были и рѣчи прочихъ проповѣдниковъ — Ястрова, Крамштитика и др.

2-го марта должны были состояться похороны убитыхъ. Наканунѣ этого дня, комитетъ по устройству похоронъ опубликовалъ во всѣхъ газетахъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ населеніе Варшавы принять участіе въ торжественной процессіи и сообщалъ порядокъ шествія: предполагалось, что впереди будутъ идти учащіеся различныхъ школъ, далѣе христіанское духовенство, затѣмъ тѣла умершихъ, «а за ними будутъ выступать духовныя лица Моисеева исповѣданія въ традиціонныхъ одеждахъ и согласно своему закону съ покрытыми головами». Похороны, состоявшіяся на слѣдующій день, отличались большою торжественностью. Стотысячная толпа сопровождала на кладбище останки павшихъ. Въ качествѣ представителей еврейской общины въ процессіи приняли участіе Майзельсъ и Ястровъ. Обрядъ у могилъ совершали духовныя лица всѣхъ исповѣданій. Внушительная демонстрація эта усиленно комментировалась въ газетахъ. Крашевскій, отмѣчая въ «Gazecie Codziennej» присутствіе еврейскаго духовенства на похоронахъ, писалъ, что находитъ это вполне естественнымъ, тѣмъ болѣе, что «евреи вкупѣ съ поляками принесли жертву на единый алтарь отчизны». Даже «Gazeta Warszawska», еще недавно

¹⁾ Historia dwóch lat (1861 — 1863) przez Z. L. S. Krakow, 1892 г., II, стр. 52.

столь рѣзко нападавшая на евреевъ, писала 5-го марта, что каждая подробность дня похоронъ имѣла глубокое значеніе, свидѣтельствуя о единеніи всѣхъ группъ и народностей страны; могила павшихъ должна быть и впредь залогомъ такого единенія.

2-го марта, вліятельные члены варшавской еврейской общины опубликовали воззваніе, обращенное ко всѣмъ евреямъ Царства Польскаго. Въ воззваніи излагалась прежде всего исторія гоненій на евреевъ за послѣднія тридцать лѣтъ: за это время издано было около ста правительственныхъ распоряженій, касающихся евреевъ, и всѣ они носили ограничительный характеръ. : : : : : : :

Воззваніе заканчивалось словами: «Хотите узнать истинный духъ народа (польскаго)? Вотъ смотрите — онъ едва вздохнулъ посвободнѣе, — а его священнослужители уже во всѣхъ костелахъ заговорили о насъ языкомъ любви и братства, признавая насъ дѣтьми страны, въ которой мы живемъ уже восемь вѣковъ. Братья евреи! Отвага и мужество! Примемъ радостно протянутую намъ братскую руку. Мы видѣли, какъ лучшіе люди страны шествовали рядомъ съ нашимъ духовенствомъ, провожая къ мѣсту вѣчнаго упокоенія пять жертвъ . . . ; вслѣдъ за ними шла стотысячная толпа людей всякихъ исповѣданій, шла дружно, проникнутая духомъ братства и единенія. А когда пришлось выбирать людей, облеченныхъ довѣріемъ (ludzi zaufania), въ славный совѣтъ избранъ былъ также нашъ раввинъ и другіе евреи. Кто бы могъ мечтать объ этомъ еще недавно? Въ мнимыхъ врагахъ обрѣли мы друзей; «совершилось сіе не силой, не принужденіемъ, но духомъ моимъ», рекъ Господь... Нынѣ умоляемъ васъ, братья, соединившись воедино, . . . поддерживайте ихъ (поляковъ) въ ихъ благородныхъ

стремленіяхъ, ибо ихъ благо, есть и наше благо. Опѣшите под-писываться подъ петиціей Государю. Монархъ хочетъ узнать желанія жителей нашей страны; пусть и нашъ голосъ раздается вмѣстѣ съ голосами нашихъ соотичей. Мы вѣримъ, что вы послѣдуете нашему совѣту и искренно объединитесь съ ними для работы на общее благо; это единственный вѣрный способъ улучшить наше положеніе».

Воззваніе это разошлось въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. «Оно, — рассказываетъ современникъ¹⁾, — распространялось повсюду; вездѣ шла агитація въ пользу новыхъ идей, поляки братались съ евреями, и все чаще и въ обиходной рѣчи и въ литературѣ называли ихъ поляками Моисеева исповѣданія».

Единеніе это выражалось въ цѣломъ рядѣ демонстрацій, которыя отвѣчали общему, приподнятому настроенію. Поляки послали въ даръ синагогѣ великолѣпный семисвѣчникъ (*Gazeta Codzienna*, за 1861 г., № 78). Евреи въ свою очередь преподнесли бернардинскому костелу новый крестъ, вмѣсто стараго, сломаннаго во время манифестаціи. На крестѣ была надпись: «братья—братьямъ»²⁾.

Въ первыхъ числахъ марта въ костелахъ Варшавы совершенно былъ рядъ заукокойныхъ богослуженій. Такія же богослуженія совершались и въ синагогахъ; на одномъ изъ нихъ, въ синагогѣ на Налевкахъ, выступилъ проповѣдникъ Исаакъ Крамштыкъ съ проповѣдью на библейскій текстъ: «искали мы братьевъ нашихъ и не нашли, а нынѣ вотъ они». Крамштыкъ былъ первый проповѣдникъ, говорившій въ синагогахъ польски. Во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ онъ призывалъ къ единенію и ассимиляціи, доказывая, что благо и свобода евреевъ неразрывно связаны съ благомъ и свободой страны. Впослѣдствіи Крамштыкъ былъ сосланъ въ Бобруйскъ, а затѣмъ въ Саратовскую губернію.

Въ мартовскіе дни волна революціоннаго подъема достигла небывалой высоты. Вся Варшава охвачена была пожаромъ манифестацій. Народныя волны переливались съ предмѣстій на

¹⁾ *Hist. dwóch lat*, стр. 115—116.

²⁾ *Берегъ*, Зап. о польскихъ возстаніяхъ, т. I, гл. II, стр. 31 (польское изданіе, Краковъ, 1890 г.).

гулкія плошчади, заплнялі тихія кладбища и храмы, подь звуки гимна „*Boże coś Polskę*“, распѣвавшася съ одинаковымъ энтузіазмомъ въ костелахъ и синагогахъ. Въ центрѣ этого движенія стояло купеческое собраніе (*gęrsur*) и ратуша, въ которой засѣдала Делегация, ставшая временнымъ правительствомъ Варшавы. Въ «Собраніи» сходились представители интеллигенціи, передового купечества и ремесленного сословія; здѣсь обсуждались вопросы реорганизаціи строя, и нерѣдко затрагивался и еврейскій вопросъ. Волны народнаго движенія, бывшія о стѣны скромнаго зданія «Собранія» подымали духъ въ ней собравшихся, придавали страстность дебатамъ. Въ день 17-го марта въ засѣданіе явилась группа радикальной молодежи, во главѣ съ недавно вышедшимъ изъ тюрьмы Карломъ Новаковскимъ. Группа эта требовала, чтобы делегация немедленно освободила изъ тюремъ политическихъ узниковъ. Одинъ изъ членовъ Делегации, бывший сибирскій изгнанникъ Рупрехтъ, заявилъ, что Делегация вскорѣ освободитъ горсть узниковъ, но пока она работаетъ надъ проектомъ освобожденія огромной массы рабовъ, дотолѣ не пользовавшихся никакими правами. Представители Делегации заняты были въ это время разработкой вопроса о гражданскомъ равноправіи евреевъ, въ связи съ вопросомъ о городскомъ самоуправленіи. На слѣдующій день, 18-го марта, Ксаверій Шленкеръ сообщилъ Делегации, что купеческое собраніе постановило соединить въ одинъ оба списка купцовъ—еврейскій и христіанскій, существовавшіе отъ 1817 года, «дабы явно и открыто проявить вѣротерпимость къ лицамъ Моисеева исповѣданія, которыя проявили живое сочувствіе къ общему дѣлу во время послѣднихъ событій въ странѣ». Шленкеръ требовалъ, чтобы делегация позаботилась о помѣщеніи протокола этого засѣданія въ газетахъ, дабы дать примѣръ другимъ сословіямъ въ странѣ. Протоколъ былъ напечатанъ и вызвалъ всеобщее одобреніе. «*Gazeta Warszawska*» въ наивномъ энтузіазмѣ восклицала: «То, надъ чѣмъ работало столько лучшихъ людей со временъ Чапскаго, Коллонтая, Нѣмцевича, въ одинъ день подвинулось больше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ въ пятьдесятъ лѣтъ!» Примѣру купеческаго сословія послѣдовали ремесленные цехи. 20-го марта, въ зданіи «*Resursy*» собрались купцы, фабриканты и ремесленни-

ки и постановили открыть евреямъ свободный доступъ въ цехи и товарищества.

Такое же движеніе происходило и въ провинціи. Въ Люблинѣ политическимъ центромъ было городское собраніе (*resursa miejska*), въ составъ котораго входили высшіе административные чиновники, помѣщики, богатые кушцы, домовладѣльцы. Въ мартовскіе дни составъ «Собранія» демократизируется: здѣсь появляются ремесленники, мастеравые и представители еврейскаго населенія. Подражая Варшавѣ, и это Собрание избрало изъ своей среды Делегацию, состоящую изъ 32-хъ членовъ; въ составъ ея вошло также нѣсколько евреевъ.

Еврейское населеніе провинціальной Польши, въ 1831 году индифферентно относившееся къ возстанію, теперь захвачено было общимъ порывомъ къ свободѣ и единенію. Въ Калишѣ еврейское духовенство приняло участіе въ манифестаціи, состоявшейся 8-го марта. Въ Люблинѣ, на богослуженіе, происходившее 9-го марта, явился еврейскій раввинъ со всѣмъ кагаломъ, въ сопровожденіи огромной толпы евреевъ. Вся его группа расположилась на церковной паперти и выслушала литургію до конца. Такія же сцены происходили и въ другихъ городахъ. Присутствіе евреевъ въ костелахъ изумляло непривычный глазъ. «Къ великому изумленію простонародья,—разсказываетъ современникъ,—въ костелахъ стали появляться евреи, часто оборванные, грязные, принадлежащіе къ низшимъ слоямъ населенія, въ шапкахъ, сами нѣсколько испуганные и не совсѣмъ понимающіе, зачѣмъ сюда пришли».

Крестьянство смутно волновалось, предчувствуя близость бури. Проповѣдь единенія съ евреями находила и здѣсь глухіе отголоски. Около 26-го марта по деревнямъ стало распространяться воззваніе, озаглавленное «Обращеніе одного прозрѣвшаго крестьянина ко всѣмъ крестьянамъ». Авторъ этого воззванія, крестьянинъ деревни Суховоли Янъ Длугошекъ, пытался внушить своимъ собратьямъ, что въ настоящій моментъ всѣ классы и народности въ Польшѣ должны объединиться для общаго дѣла; крестьяне должны прекратить исконную распрю со шляхтой, ибо во всей странѣ господствуетъ духъ единенія, «и мѣщане заодно съ ними (дворянами), и евреи пристали къ католикамъ, потому что паны сказали, что всѣ мы, родившіеся на

польской землѣ — братья, и что надо подать руку евреямъ, потому что коли братство — такъ ужъ братство!» ¹⁾).

Въ то время, какъ вся страна волновалась, охваченная небывалымъ еще порывомъ къ освобожденію, въ Варшавѣ принимались мѣры къ успокоенію умовъ. 23-го марта, по распоряженію Горчакова закрылась Делегация, избравъ изъ своей среды восемь человѣкъ, составившихъ, такъ наз., «Временный Обывательскій Комитетъ»; въ составъ этого комитета входилъ, между прочимъ, и Майзельсъ. Въ высшихъ административныхъ сферахъ Варшавы нашелся въ это время человѣкъ, взявшій на себя благодарную роль посредника между русскимъ правительствомъ и польскимъ обществомъ: это былъ маркизъ Велепольскій, слищдетворявшій собой цѣлую политическую систему. Онъ занялъ мѣсто ненавистнаго всѣмъ Муханова, покинувшего Варшаву послѣ февральскаго взрыва. Въ мартѣ Велепольскій принялъ цѣлый рядъ депутацій, въ томъ числѣ и отъ еврейскаго населенія; этой депутаціи онъ заявилъ, что считаетъ необходимымъ отмѣну ограниченій для евреевъ, такъ какъ евреи призваны создать въ странѣ третье сословіе и способствовать расцвѣту польской промышленности. Обѣщая реформы, въ разныхъ областяхъ политической жизни, Велепольскій въ то же время необдуманно раздражалъ польское общество рядомъ рѣзкихъ выходокъ; особенное недовольство вызвало неожиданное закрытіе Земледѣльческаго Общества. Общество это держалось вдали отъ манифестацій и строго блюло политику пассивной оппозиціи правительству, но закрытіе его принято было какъ вызовъ оппозиціонно настроеннымъ крутамъ и вызвало крупныя манифестаціи въ дни 7-го и 8-го апрѣля. 8-го апрѣля должны были состояться похороны Ксаверія Стобницкаго, сибирскаго изгнанника, недавно вернувшатося изъ ссылки. Послѣ совершенія обряда, огромная толпа съ католическаго кладбища (Повсязки) отпавилась на еврейское. Къ процессіи присоединилось множество евреевъ, и вся толпа двинулась къ могилѣ бывшаго директора раввинской школы Эйзенбаума, яраго поборника ассимиляціи. «Общее лѣніе, — рассказываетъ участ-

¹⁾ Historia dwóch lat, стр. 229.

никъ возстанія ¹⁾), рѣчи, объятія надъ его могилой, были новымъ свидѣтельствомъ истиннаго объединенія, котораго такъ горячо желалъ Эйзенбаумъ». Въ то время, какъ на кладбищѣ происходила манифестація, въ городѣ войска открыли стрѣльбу по собравшейся у замка толпѣ; убитыхъ и раненыхъ оказалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Во время рѣзни палъ капуцинъ, благословлявшій толпу крестомъ; крестъ подхватилъ Карлъ Новаковский и передалъ его какому-то молодому еврею изъ толпы, который, держа крестъ высоко надъ головою, палъ, пронзенный пулею. Въ этотъ день погибло много евреевъ; войска генерала Хрулева выпустили нѣсколько зарядовъ въ толпу евреевъ, собравшихся на Маріенштадской улицѣ. Въ прокламаціи, изданной по поводу этихъ кровавыхъ событій Агатономъ Гиллеромъ, впоследствии членомъ Народнаго правительства, указывается, что евреи проявили въ эти дни полную солидарность съ поляками и выказали себя истинными гражданами страны.

Манифестаціи повторились 8-го іюня, когда въ костелахъ и въ главной синагогѣ отслужена была панихида по недавно скончавшемуся Лелевелѣ. На богослуженіи въ синагогѣ присутствовало много христіанъ. Проповѣдникъ Ястровъ произнесъ патріотическую рѣчь. Опустя нѣсколько дней отслужень былъ еще рядъ панихидъ въ другихъ синагогахъ. Въ день праздника «Рошъ-Гашана» евреи отслужили во всѣхъ синагогахъ торжественное молебствіе за успѣхъ польскаго дѣла, а въ главной синагогѣ пропѣтъ былъ по-польски національный гимнъ. Въ октябрѣ, когда католическое духовенство въ видѣ протеста противъ вторженія русскихъ солдатъ въ костелы, закрыло всѣ костелы въ Варшавѣ, равнины и общинные старосты распорядились закрыть синагоги. Новый намѣстникъ Лидерсъ арестовалъ за это Майзельса, Ястрова, Крамштыка и предсѣдателя «божничнаго дозора»; арестованные просидѣли три мѣсяца въ цитадели, а потомъ были освобождены.

Между тѣмъ маркизъ Велепольскій, равно непопулярный въ средѣ шляхетской оппозиціи («бѣлыхъ»), и въ средѣ демократіи («красныхъ»), подготавливалъ свои реформы. Назначенный

¹⁾ *Agaton Giller, Manifestacye Warszawy 1861 roku, Stanislawów 1908, стр. 13.*

въ 1862 году начальникомъ всего гражданскаго управления Польши, онъ добился отмѣны нѣкоторыхъ ограниченій для евреевъ въ области элементарныхъ правъ. На ту часть еврейскаго населенія Польши, которая сочувствовала возстанію, эта уступка не произвела никакого впечатлѣнія: въ программѣ «красныхъ» имѣлся пунктъ о полномъ уравненіи евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ.

Въ 1862 году массовыя манифестаціи на улицахъ становятся все рѣже. Выросшее движеніе требовало новыхъ, болѣе зрѣлыхъ формъ. Шляхетская оппозиція все больше ступшевывалась въ вихрѣ событий; на первый планъ выступали «красные», сорганизовавшіеся въ Народный Центральный Комитетъ. Этотъ комитетъ подготавливалъ возстаніе, начавшееся въ январѣ 1863 г.

Еврейское населеніе съ восторгомъ встрѣтило объявленіе возстанія. Во многихъ провинціальныхъ городахъ жители радостно привѣтствовали повстанческіе отряды. Въ городѣ Бѣлѣ разыгрался слѣдующій эпизодъ: когда въ городъ, покинутый русскими войсками, вступилъ отрядъ повстанцевъ подъ командой Рогинскаго, польскому духовенству предложено было совершить на слѣдующій день молебствіе. Еврейская община постановила устроить молебствіе въ тотъ же вечеръ. Рогинскаго тронуло такое рвеніе, и онъ самъ, со всѣмъ своимъ штабомъ отправился въ синагогу. Кагальныя старшины встрѣтили его въ сѣняхъ привѣтственными возгласами. Послѣ богослуженія прочитанъ былъ манифестъ Жонда о началѣ военныхъ дѣйствій ¹⁾. Такіе же эпизоды повторились и въ другихъ городахъ. «Манифестъ къ народу» диктатора Лянгевича, переведенный на древне-еврейскій языкъ, распространялся среди еврейскаго населенія и вызвалъ большой энтузіазмъ. Старики-евреи плакали при чтеніи этого манифеста ²⁾.

Въ повстанческихъ отрядахъ сражалось много молодыхъ евреевъ изъ Царства Польскаго, а также изъ Галиціи и Познани. Въ мемуарахъ, относящихся къ этой эпохѣ, упоминаются Ионасъ Леонъ, въ апрѣлѣ 1863 г., командовавшій отрядомъ

¹⁾ Бергъ, т. II, стр. 33, 34.

²⁾ Бергъ, т. II, 58.

повстанцевъ подъ Пыздрами, Коломъ, Игнацевомъ и убитый въ ноябрѣ, Михалъ Франкфуртеръ, ученикъ тарнопольской гимназіи, храбро сражавшійся во многихъ битвахъ, Ведеманъ, убитый подъ Старой Весью въ январѣ 1864 г., Михельсонъ, разстрѣлянный въ Радзинѣ въ августѣ 1864 г., Функенштейнъ, англійско-польскій еврей, состоявшій агентомъ Народнаго Жонда по покупкѣ оружія для возстанія и др. ¹⁾). Среди лицъ, сосланныхъ послѣ возстанія въ Сибирь и содержавшихся въ тюрьмахъ, было немало евреевъ. Въ Плоцкомъ округѣ, за участіе въ возстаніи пострадало 197 евреевъ: одни были сданы въ солдаты, другіе—сосланы на вѣчную каторгу, третьи подверглись тѣлесному наказанію и т. п. Большія услуги оказывали евреи возстанію въ качествѣ лазутчиковъ и развѣдчиковъ. «Почтенныя еврейчики,—пишетъ участникъ возстанія Бентковскій,—были для насъ якоремъ спасенія. Они предостерегали насъ отъ всякой опасности и охотно давали намъ совѣты». Развѣдчикомъ диктатора Лянгевича былъ тоже еврей. Другой еврей, о которомъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ полковникъ Струсь, перевезъ 40.000 снарядовъ для отрядовъ, сражавшихся въ Люблинской губерніи. Евреи оказывали услуги также въ дѣлѣ организаціи, такъ наз., «пантофельной почты». Они увѣдомляли населеніе о движеніи русскихъ войскъ и распространяли среди крестьянъ воззванія духовенства.

Евреи много жертвовали на дѣло возстанія. Въ 1862 году нѣкоторые члены еврейской общины (Жонъ, Мейеръ, Фаянсъ) собрали 10200 злот. польск. въ пользу безработныхъ; неоднократно собирались деньги во время синагогальныхъ богослуженій. Жондъ нерѣдко обращался къ богатымъ евреямъ за взносами.

Въ Литвѣ сочувствіе евреевъ возстанію выразилось въ менѣе опредѣленныхъ формахъ. Здѣсь идея ассимиляціи была чужда народнымъ массамъ, а буржуазія экономически связана была съ Россіей и тяготѣла къ русской культурѣ. Тѣмъ не менѣе, лозунги возстанія и здѣсь нашли сочувственный откликъ. По словамъ Муравьева, евреи явно выказывали радость по по-

¹⁾ Шацкинъ, Къ исторіи участія евреевъ въ польскомъ возстаніи 1863 г. Евр. старина, 1915, вып. I, стр. 33.

воду побѣдъ Россіи, но тайно помогали повстанцамъ. Въ мемуарахъ того времени упоминается рядъ фамилій литовскихъ евреевъ, оказавшихъ услуги возстанію ¹⁾. Въ тюрьмахъ также содержалось не мало евреевъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи (24 чел. въ Виленской тюрьмѣ, 4—въ Гродненской, 2—въ Минской) и т. д. Но по сравненію съ Царствомъ Польскимъ количество лицъ, пострадавшихъ отъ возстанія, было сравнительно невелико, и его ликвидація не принесла большаго вреда еврейскому населенію.

Въ апрѣлѣ 1864 г. возстаніе было окончательно разгромлено. Главари его были повѣшены; масса участниковъ возстанія загнаны были въ далекую Сибирь. Среди сосланныхъ было много евреевъ (Ротванды, Розенталь, Левенгерць, Котопъ и мн. др.).

Польша въ теченіе трехъ четвертей вѣка пережила три возстанія, отличавшихся другъ отъ друга по своимъ лозунгамъ и соціальной окраскѣ. Эти отличія, въ связи съ общими условіями жизни польскаго еврейства, опредѣлили и степень участія евреевъ въ инсurreкціяхъ. Первое возстаніе, явившееся непосредственнымъ протестомъ противъ подчиненія страны чуждой власти, привлекло къ себѣ горсть варшавскихъ евреевъ, которые, повинувшись стихійному порыву, кинулись защищать угрожаемую врагомъ столицу. Еврейская масса, представлявшая въ ту эпоху цѣльный организмъ, была слишкомъ косной и обособленной, чтобы сознательно и планомерно бороться рядомъ съ поляками за свободу страны и свои собственные права. Второе возстаніе совпало съ эпохой кризиса въ организмъ польскаго еврейства: нарождавшаяся буржуазія и интеллигентные круги, порвавшіе съ хасидской ортодоксіей и тяготѣвшіе къ европейскому просвѣщенію, стремились къ уничтоженію безправія. Эти элементы сознательно проявили готовность помогать возстанію, но энергія ихъ была парализована узко-сословнымъ характеромъ движенія. Наибольшій подъемъ въ еврейской средѣ вызвало возстаніе 1863 г. Разыгравшееся въ эпоху, когда экономическое развитіе страны заставило польское еврейство отказаться отъ прежней обособленности, возстаніе это,

¹⁾ См. Шацкинъ. Евр. Стар. 1915 г. Кв. 1.

выставившее въ числѣ другихъ лозунговъ гражданское равноправіе евреевъ, нашло горячихъ поборниковъ въ еврейскомъ населеніи Варшавы и провинціи. Здѣсь стихійный порывъ еврейской массы совпалъ съ сознательной политикой еврейской буржуазіи; настоятельная потребность въ равноправіи гармонически сочталась съ стремленіемъ къ политической свободѣ. Приученные исторіей къ вѣковому гражданскому безправію, евреи Польши проявили огромный гражданскій подъемъ въ борьбѣ за лелевелевскій лозунгъ «нашей и вашей свободы».

С. Мстиславская.

НАЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Въ Россіи принято теперь говорить, что Польша это — «*наша Бельгія*». Совершенно независимо отъ войны это сравненіе справедливо совсѣмъ съ другой точки зрѣнія — демографической. Царство Польское отличается своей замѣчательной, прямо бельгійской, густотой населенія: плотность его составляетъ 104,6 человекѣ на кв. версту, т. е. въ 4 раза больше, чѣмъ въ Европейской Россіи (Европ. Россія 26,8, Бельгія 272,9, Голландія 177,2, Англія 157,6, Германія 127,2, Франція 83,1), причемъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ она доходитъ до 164,9 на кв. версту въ Варшавской губ. и до 179,7 въ Петроковской губ. Эта норма густоты свидѣтельствуетъ отчасти объ индустріально-городской природѣ края. Дѣйствительно, въ городахъ Царства Польскаго живетъ цѣлыхъ 22,7% населенія, въ то время, какъ эта норма для всей Имперіи составляетъ 13,5%.

По національностямъ населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ (1911 г.):

Поляковъ	9.192,140, т.-е. 73,73%
Литовцевъ	416,408, т.-е. 3,34%
Русскихъ	135,894, т.-е. 1,09%
Украинцевъ	408,927, т.-е. 3,28%
Бѣлоруссовъ	36,155, т.-е. 0,29%
Нѣмцевъ	551,035, т.-е. 4,42%
Евреевъ	1.709,267, т.-е. 13,71%
Прочихъ	17,454, т.-е. 0,14%

Всего 12.467,300 жителей.

За послѣднія десятилѣтія Царство Польское сдѣлало значительные успѣхи въ области промышленнаго развитія со всѣми признаками этого развитія: ростомъ населенія и городовъ, увеличеніемъ числа фабрикъ и заводовъ, ростомъ торговыхъ оборотовъ, кредитныхъ отношеній, увеличеніемъ крестьянскаго землевладѣнія съ образованіемъ для сельскаго хозяйства внутренняго потребительскаго рынка.

Экономическому развитію Ц. Польскаго способствовали слѣдующіе факторы: 1) отміна крѣпостнаго права въ Россіи въ 1861 г. и въ Польшѣ въ 1864 г. и вызванное этимъ быстрое разложеніе натурального хозяйства; 2) постройка ряда желѣзнодорожныхъ линій между Россіей и Польшей; 3) протекціонная таможенная политика русскаго правительства; 4) снятіе таможенной границы между Россіей и Польшей въ 1851 году. Наиболѣе существенное значеніе, съ точки зрѣнія интересующихъ насъ національно-экономическихъ отношеній, имѣетъ послѣдній факторъ; въ то время, какъ первые три дѣйствовали автоматически, сплошнымъ образомъ, послѣдняя реформа, т.-е. включеніе Польши въ общерусскую таможенную территорію, открывъ для польской промышленности огромный рынокъ, должна была сопровождаться активной дѣятельностью хозяйствующихъ субъектовъ для использованія этихъ новыхъ возможностей.

По единогласному признанію изслѣдователей, доступъ на русскій рынокъ былъ основнымъ факторомъ экономическаго развитія Польши на протяженіи всей ея промышленной исторіи.

Значеніе русскаго рынка восходитъ еще до времени конституціоннаго Ц. Польскаго. Важнѣйшимъ актомъ изъ исторіи торговыхъ сношеній Ц. Польскаго и Россіи былъ еще указъ 1822 г. Этимъ актомъ Россія, перешедшая къ запретительному тарифу, допустила исключеніе для Царства Польскаго и предоставила ему, по утвержденію Янжула и Лодыженскаго, рядъ несомнѣнныхъ льготъ для вывоза въ Россію товаровъ, особенно шерстяныхъ тканей. Этимъ актомъ заложены были прочныя основы для дальнѣйшаго развитія польской промышленности. Съ 1822 г. торговый балансъ Польши становится неизмѣнно благоприятнымъ ¹⁾.

¹⁾ К. Лодыженскій — Исторія русскаго таможеннаго тарифа.

Подъ вліяніемъ настойчивыхъ ходатайствъ имперскихъ фабрикантовъ Канкринъ склоненъ былъ ограничить эти льготы, предоставленныя польской промышленности, но, благодаря искусной защитѣ послѣдней, польскимъ министромъ кн. Любецкимъ, русскій рынокъ продолжаетъ быть въ распоряженіи польской промышленности.

Одинъ публицистъ 1821 г. утверждалъ, что «соединеніе съ Россіей, обезпечивая Польшу извнѣ, открываетъ намъ самыя широкія перспективы, если мы сумѣемъ использовать обстоятельства»¹⁾.

Историкъ г. Лодзи называетъ торговлю съ Россіей «главнымъ рычагомъ развитія промышленности»²⁾.

Императоръ Николай I съ присущей ему прямолинейностью отмѣтилъ это значеніе русскаго рынка для польской промышленности. «Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807г. Песчанная и грязная пустыня... Я открылъ подданнымъ Королевства рынки Имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ... Найдите въ какое угодно время... Польшу болѣе богатую, болѣе устроенную, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностью, чѣмъ въ царствованіе Александра и мое»³⁾.

Настоящій расцвѣтъ польской промышленности съ переходомъ отъ мануфактурнаго періода къ крупно-капиталистическому начинается съ 50-хъ годовъ, когда неустойчивыя сношенія съ Россіей, прерванныя, напримѣръ, послѣ возстанія 1831 г., поставлены были вновь на прочное основаніе таможеннаго единства и сліянія рынковъ. Кромѣ снятія таможенной стѣны между Польшей и Россіей, государство, благопріятствуя своей протекціонистской политикой развитію русской

СПБ. 1886 г., стр. 216—19. См. также И. И. Явжужъ — Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Ц. П. Москва, 1887 г. и Роза Люксембургъ — Промышленное развитіе Польши, СПБ. 1899 г.

¹⁾ К. Воблый—Очерки по исторіи польской фабричной промышленности, т. I. Кіевъ, 1909 г. стр. 386.

²⁾ К. Воблый, *ibid*, стр. 61.

³⁾ Изъ разговора Имп. Николая I съ бар. Бургоэномъ, — Шильдеръ, Императоръ Николай I. Т. 2, стр. 382, СПБ. 1903.

промышленности, способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію промышленности въ Польшѣ: въ 1868 г. оно вводитъ невыгодный для иностраннаго производства новый тарифъ на желѣзо и сталь; съ 1877 г. заграничной конкуренціи опять ставится препятствіе введеніемъ «золотыхъ пошлинъ», что при паденіи курса бумажнаго рубля означало повышение до 30%, а въ послѣдующіе годы и до 40—50%.

Кто же являлся носителемъ этого промышленнаго развитія Польши? Кто реализовалъ постоянные планы польскаго правительства и общества, которыя въ моменты упадка обращали всегда свою мысль къ необходимости развивать промышленность и торговлю?

Историческія справки свидѣтельствуютъ, что это было дѣломъ рукъ иностранцевъ, по преимуществу нѣмцевъ и евреевъ.

Соціальныя отношенія въ Польшѣ складывались всегда неблагоприятно для городскихъ классовъ, и мѣщанству никакъ не удавалось организовать въ прочный средній классъ. Цехи были занесены въ Польшу извнѣ съ нѣмецкой колонизаціей, состояли изъ иностранцевъ и не имѣли того значенія городской общественной силы, что въ Западной Европѣ. Въ мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ ремесломъ и торговлей занимались евреи. Одинъ иностранный путешественникъ самаго начала 19 в. замѣтилъ, что «въ небольшихъ мѣстечкахъ евреи являются единственными купцами, лавочниками, ремесленниками и Богъ знаетъ еще чѣмъ» ¹⁾.

Привлеченіе иностранцевъ являлось основнымъ мѣропріятіемъ экономической политики и въ эпоху Станислава Августа и во время Прусскаго владычества (1795—1807), и Варшавскаго герцогства (1807—1815), и особенно въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго (1815—30). Иностранцы переселялись въ Польшу цѣлыми колоніями и быстро превращали глухія деревушки въ благоустроенные фабричныя поселки. Предсѣдатели воеводскихъ комиссій указывали на значеніе иностранной иммиграціи 20-хъ годовъ въ связи съ установленіемъ свободы торговли во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, какъ на главную причину экономическаго развитія края.

¹⁾ Воблый, *ibid.* 31 стр.

Въ періодъ 1820—1835 гг., благодаря наплыву иностранцевъ, возникли новыя фабричныя поселенія и города: Константиновъ, Томашевъ, Поддембиде, Гостынинъ, Гомбинъ, Згержъ, Пржедечъ, Избица, Ленчица, Рава. Официальный отчетъ 1825 г., составленный на основаніи объѣзда промышленныхъ районовъ, описываетъ, какъ индустриализировались всѣ эти мѣста при помощи иностранныхъ предпринимателей и еврейскихъ скупщиковъ. Иммигранты того времени пріѣзжали безъ капиталовъ, ничего не имѣя, кромѣ ткацкаго станка и рабочихъ рукъ. Еврейскіе торговцы открывали имъ кредитъ, ссужали шерстью, пряжей, орудіями, организовывая такимъ образомъ кустарную промышленность. Роль торговаго капитала шла дальше. Незнакомство производителей съ условіями сбыта и отдаленность этого рынка требовали отъ раздатчика того, чтобы онъ становился одновременно и скупщикомъ, т.-е. посредникомъ между производствомъ и потребленіемъ. Евреи выполняютъ эту посредническую функцію, расширяя это децентрализованное производство и вовлекая производителей въ мѣновой оборотъ.

Предсѣдатель калишской воеводской комиссіи, донося намѣстнику въ 1824 г. о состояніи промысловъ въ своемъ воеводствѣ, жалуется на евреевъ, которые и раздаютъ шерсть для обработки, и скушаютъ всѣ сукна. «Для борьбы съ еврейскою эксплоатаціей и для улучшенія положенія ткачей хорошо было бы доносить онъ, если бы одинъ предприниматель замѣнилъ многочисленныхъ еврейскихъ скупщиковъ», и онъ предлагаетъ организовать для этого акціонерную компанію для веденія внутренней и внѣшней торговли. Изъ его сообщенія видно, что евреи были почти монопольными раздатчиками, торговцами и скупщиками въ воеводствѣ ¹⁾.

Изъ отчета Сандомірской воеводской комиссіи за 1827 г. видно, что въ Пржедбожѣ одиночные ткачи частью работали на фабрику Ланге, частью на евреевъ ²⁾.

Въ 1828 г. для распределенія прибывшей изъ-за границы пряжи были устроены спеціальныя склады, причемъ въ каче-

¹⁾ Воблый, *ibid*, стр. 275.

²⁾ Воблый, *ibid*, 287 стр.

ствѣ «складниковъ» упоминаются купцы Леве, а затѣмъ Эпштейнъ.

Всѣ фирмы, основанныя въ періодъ конституціоннаго Ц. Польскаго, организованы были нѣмцами и евреями.

Вотъ для примѣра нѣсколько названій: фабрика Гарера въ Сѣрадзѣ, гдѣ работали тогда двѣ смѣны по 1000 человекъ, Фидлера въ Опатовѣ, Шюльце и К°, Пасхалисъ, Готлибъ Лаузе, Либрахъ, Поссартъ и К°, Поль и К°, Захертъ и т. п.¹⁾ Распредѣлительную торговлю вели въ это время исключительно евреи.

«Фабричная промышленность,—говоритъ въ торжественной рѣчи въ 1830 г. проф. Гантъ,—идетъ впередъ гигантскими шагами: на нашихъ глазахъ возникли города, гдѣ еще восемь лѣтъ назадъ стояло нѣсколько хижинъ среди болотъ, мертвыхъ песковъ и зарослей». Проф. Гантъ признаетъ, что большинство отраслей производства находится въ рукахъ иностранцевъ²⁾.

Ко времени снятія таможенной границы между Россіей и Польшей, т.-е. къ 1851 г., заложены были уже основы фабрично-заводской промышленности въ формѣ мануфактуры и децентрализованной кустарной промышленности.

Съ 50-хъ годовъ начинается настоящая пересадка на польскую почву нѣмецкихъ предпріятій³⁾, отчасти опирающихся на нѣмецко-еврейскій капиталъ. Въ книгѣ Б. Ф. Брандта объ иностранныхъ капиталахъ упоминается среди крупныхъ фабрикантовъ, обосновавшихся въ Ц. Польскомъ съ 50-хъ годовъ: Лун. Гейеръ, Яковъ Петерсъ, Карлъ Шейблеръ (предпріятіе Шейблера было превращено въ 1881 г. въ акціонерное съ капиталомъ въ 9 милл. руб.), далѣе прядильня Громана, прядильня Самуила Ланда. Не станемъ перечислять десятки лодзинскихъ крупныхъ не-польскихъ предпріятій, возникшихъ съ того времени: «акціонерное общество бумажныхъ мануфактуръ Гейнцеля и Куницера, полушерстяная фирма Бенъяминъ Круше и Карлъ Эндеръ», общество полушерстяныхъ мануфактуръ Р. Киндлера, о-ва шерстяной мануфактуры Ф.

¹⁾ Тамъ же стр. 242, 243, 244, 235, 270, 299.

²⁾ Тамъ же 262 стр.

³⁾ См. И. Левинъ—Германскіе капиталы въ Россіи. Также А. Закъ—Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности.

Швейкerta, К. Бекниха и т. д., и т. д. Въ 1873 г. прусскіе подданные бр. Гинзберги основываютъ въ Заверце крупное бумагопрядильное, ткацкое и бѣлильное предпріятіе. Въ 1877 г. послѣ введенія «золотой пошлины» — оиять новый приливъ иностранныхъ предпринимателей.

Французскій экономистъ Блондель, посѣтившій Россію, писалъ: «Я посѣтилъ Сосновицы и Кѣльцы въ юго-западной части Польши и убѣдился, что они являются какъ бы продолженіемъ Верхней Силезіи. Большая часть находящихся тамъ промышленныхъ заведеній находится въ рукахъ у нѣмцевъ»¹⁾.

Въ настоящее время по даннымъ 1910 г. картины промышленности Ц. Польскаго, подлежащей надзору фабричной инспекціи, представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Число пред- пріятій.	Сумма годово- го произ- водства.	Число ра- бочихъ.
	Въ тысячахъ.		
Обработка волокнист. веществъ	1,166	341,266	150,305
Питательные продукты	3,032	154,724	42,458
Добывающая горная промышленн.	479	60,139	45,697
Обработка металловъ	1,510	110,301	62,027
Обработка минераловъ	520	30,433	23,075
Обработка химическ. веществъ	264	29,831	9,153
Продукты животные	284	29,378	7,034
Обработка дерева	879	23,215	17,259
Бумажн. и полиграф. п-во	672	25,696	15,402
Конфекціонная промышленность	1,918	47,920	25,438
Разное	229	7,246	3,074

И Т О Г О 10,953 860,149 400,922

Изъ этой колоссальной суммы годового производства Ц. Польскаго, по мнѣнію польскаго экономиста Кошущкаго, только 200 милл. приходится на долю національнаго польскаго капитала, т.-е. меньше $\frac{1}{4}$. Изъ трехъ основныхъ районовъ крупной промышленности Ц. Польскаго: Лодзинскаго — текстиль-

¹⁾ Блондель — Торгово-промышленный подъемъ Германіи, СПБ. 1910, переводъ подъ редакціей М. И. Туганъ-Барановскаго, стр. 116—17.

наго, Варшавскаго (по обработкѣ металловъ, животныхъ и питательныхъ продуктовъ) и третьяго — горнозаводскаго въ Бендинскомъ, Ченстоховскомъ, Новорадомскомъ уѣздахъ Петрок. губ., Олькушскомъ уѣздѣ Кѣлецкой губ. и Опатовскомъ и Илъжецкомъ уѣздахъ Радомской губ. — послѣдній больше всего долженъ считаться польскимъ. Здѣсь сохранилось и развилось многое изъ того, что насадилъ, созданный въ 1828 г. польскій банкъ, соединявшій въ себѣ функціи иммисіоннаго, ссуднаго, депозитнаго и промышленнаго банка. Онъ широко финансировалъ промышленность и создалъ, можно сказать, добывающую промышленность Домбровскаго района. Дѣятельность его прекратилась въ 1885 г., и онъ превращенъ былъ въ Варшавское отдѣленіе Государственнаго банка.

Такимъ образомъ осуществились давнишнія мечты передовыхъ умовъ Польши, твердившихъ послѣ каждой катастрофы о необходимости развивать промышленность и торговлю; такимъ образомъ осуществилась программа варшавскихъ позитивистовъ, проповѣдывавшихъ во главѣ съ Болеславомъ Прусомъ «органическую работу» (*Praca organiczna*): необходимость развивать земледѣліе, индустрію, торговлю, увеличивать число браковъ и т. д. Публицисты торжествовали свои побѣды надъ повстанческимъ романтизмомъ и мессіанизмомъ въ политикѣ; они съ горячностью нападали на шляхту, и безъ того угнетенную послѣ крушенія 1863 г., за ея презрительное отношеніе къ занятіямъ промышленностью и торговлей. Капитализмъ былъ на лицо, но творцами и реализаторами оказались не поляки. Фабричное дѣло насадили и двинули нѣмцы, польская деревня наполнила эти фабрики и заводы своимъ пролетаріатомъ, евреи организовали оптовую торговлю, далекой сбытъ и весь коммерческій оборотъ. Экономическій процессъ протекалъ, лишь слегка пробуждая творческую энергію поляковъ.

Сравнимъ социальную структуру польскаго и еврейскаго населенія въ Ц. Польскомъ (по 8-ми основнымъ профессиональнымъ группамъ). Изъ 100 душъ населенія приходится на каждую группу профессій ¹⁾:

¹⁾ Б. Д. Брудкусъ—Профессиональный составъ еврейскаго населенія Россіи. СПБ. 1908 г. Стр. 17, 35.

	У поляковъ.	У евреевъ.
1. Сельское хозяйство	62,9	2,33
2. Промышленность	14,1	34,89
3. Передвиж. и сообщен.	2,0	3,50
4. Торговля	1,7	39,04
5. Дѣятельн. и служба частн.:		
прислуга, поденщики	11,0	8,31
6. Государств. и обществ. служба;		
свободн. профессіи	2,5	4,38
7. Неопредѣлен. профессіи	3,7	6,56
8. Вооруженныя силы	1,2	0,99

Въ результатѣ полувѣкового прямо американскаго развитія Ц. Польскаго коренная нація выдѣлила всего 14% занятыхъ промышленностью и 1,7% — торговлей, въ то время какъ по всей Имперіи съ ея въ 13 разъ меньшей плотностью населенія занято промышленностью почти столько же — 10,25%, а торговлей больше, чѣмъ въ Польшѣ—3,77%.

Евреи, численность которыхъ среди всего населенія Ц. Польскаго въ 1897 г. равнялась 13,5%, составляли въ промышленности 23,3% всѣхъ занятыхъ ею, въ торговлѣ 73% всѣхъ ею занятыхъ.

Уже изъ одного сопоставленія социальныхъ структуръ поляковъ и евреевъ можно замѣтить, что въ хозяйственномъ организмѣ Ц. Польскаго получилось сложное сплетеніе экономическихъ отношеній, въ которомъ евреи исполняютъ недостающую у поляковъ торгово-промышленный слой; образовался социальный симбіозъ довольно трудной формации, стерлась грань между «хозяиномъ» и «гостемъ».

Въ Польшѣ принято съ стародавнихъ временъ считать «гостей» причиной разныхъ явленій. Когда въ эпоху Варшавскаго Герцогства города пришли въ упадокъ, многіе видѣли причину этого упадка въ многочисленности евреевъ (они составляли тогда около 7% населенія Польши).

Противъ такого объясненія возражалъ тогда экономическій писатель Суrowецкій, который въ своемъ сочиненіи «*Opadku przemysłu i miast w Polsce*» (1810) писалъ: «Тѣ, кто придерживаются взгляда, что евреи лишили христіанъ, жившихъ въ городахъ, всѣхъ средствъ къ существованію, принимаютъ слѣд-

ствіе за причину; и безъ евреевъ польскіе города не избѣжали бы этого жребія. Принимая во вниманіе дѣловитость, бережливость и способность еврейскаго народа, нужно заботиться о сохраненіи этого народа въ Польшѣ. Польша обязана почти исключительно евреямъ сохраненіемъ торговли и ремеслъ (стр. 139—140)» 1).

Когда промышленность и торговля возрождались въ Ц. Польскомъ, «гости» опять считались причиной того, что промыслы не въ рукахъ «хозяевъ».

«Соль націи — мѣщанство, писалъ Янъ Еленскій, основатель антисемитскаго журнала „Rola“ въ 1876 г.: мѣщанство производитъ продукты, торгуетъ ими, обогащаетъ города и несетъ съ собою цивилизацію. Евреи, правда, третье сословіе въ краѣ, но они замкнуты, культурно обособлены и далеки отъ той просвѣтительной миссіи, которую должно нести всякое мѣщанство. Къ тому же они экономически вредны, такъ какъ безмѣрно умножаютъ число непроеводительныхъ посредниковъ». Авторъ призываетъ поляковъ взяться за промышленность и торговлю 2).

Съ того времени промышленность Польши упятерилась. Сумма промышленнаго производства, приходящагося на 1 жителя, возрасла въ 4 раза; городское населеніе увеличилось съ 1872 по 1897 г. на 75%. Евреи составляютъ 40% городского населенія, $\frac{1}{4}$ ихъ живутъ въ Варшавѣ и Лодзи; причемъ они являются уже не только торговымъ, но и трудовымъ элементомъ, населеніе Варшавы за столѣтіе (въ 1816 г. — 81,220, въ 1912 г. — 820,000), болѣе, чѣмъ удесятирилось; Лодзь съ 50-ти тысячъ жителей въ 1872 г. гигантски выросла до 306 тысячъ въ 1913 г. Между тѣмъ, мысли, провозглашенныя въ 70-хъ гг., возрождаются во всей ихъ примитивной простотѣ и дѣлаются регулятивомъ экономической политики коренной польской буржуазіи.

«Прежде всего мы должны вступить въ энергичную борьбу съ мелкими еврейскими лавочниками, такъ какъ они прежде всего погибнуть. Нужно захватить затѣмъ оптовую торговлю

1) Цитирую у Воблаго, стр. 364.

2) «Zydzi, Niemcy i my». („Евреи и ѣмцы и мы“).

въ свои руки, такъ какъ это является фундаментомъ торговли нашего края», писала газета «Dzień» (веч. 5 дек. 1912 г.).

«Всѣ отрасли промышленности и торговли, которыми нынѣ распоряжаются евреи, должны перейти въ польскія руки. Это нашъ лозунгъ для XX вѣка», писала прогрессивная «Prawda» (дек. 1912 г. № 49).

«Одну изъ наиболѣе важныхъ задачъ польскаго народа составляетъ полонизація городовъ», какъ формулировала въ своей резолюціи въ концѣ 1912 г. этическая секція общества «Польской культуры».

Для полонизаціи городовъ, докладывалось въ январѣ 1913 г. въ «союзѣ прогрессистовъ», у насъ есть два способа: 1) поддержка польской промышленности, торговли и кооперативнаго движенія, 2) бойкотъ еврейскихъ товаровъ, организованный вокругъ польской промышленности и торговли въ видѣ какъ бы таможенной охраны.

«Нужно выразить пожеланіе», говорилось въ ежемѣсячномъ журналѣ графа Маврикія Замойскаго «Biblioteka Warszawska» (дек. 1912 г.), чтобы — помните другіе бойкоты, — чтобы движеніе это не оказалось «соломеннымъ огнемъ».

Если мы обратимся къ обзорѣнью бойкотовъ, примѣнявшихся до сихъ поръ въ политической и національной борьбѣ, то увидимъ, что бойкотъ даетъ какіе-нибудь результаты только въ томъ случаѣ, если наряду съ нимъ ведется энергичная позитивная работа для осуществленія цѣли, которую себѣ ставитъ бойкотъ; за это крайнее средство экономической національной борьбы можно приняться только тогда, когда подготовлены основныя предпосылки экономического преобладанія надъ соперникомъ, подобно тому, какъ война приемлема для государства только тогда, когда на лицо имѣется его финансовая экономическая и боевая готовность.

Довольно сильнымъ орудіемъ національной борьбы бойкотъ оказался въ рукахъ прусскихъ поляковъ, которые усердно пробивали себѣ дорогу въ борьбѣ съ германизмомъ. Прусскіе поляки не ограничивались только лозунгами бойкота; они соединяли его съ огромной положительной работой на экономическомъ поприщѣ. Въ книгѣ берлинскаго экономиста проф. Л.

Бернгарда «Die Polenfrage»¹⁾ описана вся система этого національного хозяйственного творчества. Нѣмцы отвѣтили полякамъ не только обратнымъ бойкотомъ и своими организаціями, но и призвали на помощь прусское правительство. Поляки мобилизовали всѣ свои силы, они обнаружили въ Пруссіи примѣры національного творчества и самоорганизациі; тѣмъ не менѣе хозяйственные результаты этой національной борьбы далеко неадекватны ихъ организаціоннымъ усиліямъ; это ясно изъ всѣхъ деталей работы Бернгарда, склоннаго скорѣе преувеличивать, нежели умялять силы прусскихъ поляковъ.

Мы знаемъ примѣры національнаго самоукрѣпленія, достигнутаго соревнованіемъ и національной борьбой. На нашихъ глазахъ растутъ латыши, мы слышали о большихъ успѣхахъ чеховъ. Также и русскіе поляки могутъ развить большую національную работу на экономической почвѣ; можно продолжать насажденіе кооперативовъ, можно развивать профессиональное образованіе, можно заниматься и національнымъ грондерствомъ, но какъ далеко это отъ задачъ, которыя ставятъ себѣ поляки бойкотисты: создать чисто національное хозяйство при помощи антисемитизма, играющаго роль какъ бы таможенной охраны. Такія задачи трудно осуществимы даже при помощи государственной экономической политики со всѣмъ ея правовымъ аппаратомъ, тѣмъ болѣе трудно это націи, борющейся за свои права, располагающей только нѣсколькими непостоянными институтами общественной самодѣятельности.

Предѣлы этихъ національныхъ достиженій : опредѣляются въ концѣ-концовъ не программами, не поставленными задачами, даже не подлинной работой; опредѣляющимъ началомъ являются тѣ рамки, въ которыя вдвинуто Ц. Польское, и тѣ ресурсы, которыми обладаютъ поляки въ предѣлахъ этихъ естественныхъ рамокъ.

Каковы же эти ресурсы и объективныя хозяйственныя отношенія въ Ц. Польскомъ.

Нѣкогда Польша была «житницей Европы», производившей хлѣбъ для мірового рынка. У Рикардо въ разсужденіяхъ о ме-

¹⁾ Русскій пер. А. Изгоева съ пред. Л. Б. Струве; «Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи» М. 1911 г.

ждународной торговлѣ можно встрѣтить сопоставленіе Соединеннаго Королевства, съ его развитымъ капиталистическимъ аппаратомъ, съ прочимъ міромъ — Польшей, напримѣръ. Польша была, дѣйствительно, чисто земледѣльческой страной. Въ настоящее время Ц. Польское не можетъ само покрыть собственныя потребности. Ввозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ значительно превышаетъ ихъ вывозъ изъ Ц. Польскаго, который почти ничтоженъ (3 милл. противъ 70 милл. руб.). Ввозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Ц. Польское поощряется желѣзнодорожными тарифами, основанными на принципѣ дифференціаціи провозной платы, благодаря которымъ отдаленнымъ районамъ Россіи выгодно возить на польскій рынокъ большую часть продуктовъ сельскаго хозяйства. Промышленность создала внутренній рынокъ для продуктовъ польскаго земледѣлія; этотъ рынокъ почти цѣликомъ поглощаетъ свои мѣстные продукты сельскаго хозяйства, восполняя недостатокъ привозными продуктами изъ юго-западнаго края, центральной хлѣботорговой полосы и южнаго края. Изъ юго-западнаго края Ц. Польское получаетъ кромѣ хлѣба и мяса также табакъ, хмель; изъ южнаго края—фрукты, шерсть, рыбу, соль, керосинъ, чугунъ; изъ Средней Азіи — хлопокъ. Такимъ образомъ хозяйство Ц. Польскаго зависитъ отъ русскаго рынка не только въ отношеніи сбыта своихъ фабрикатовъ, но и въ отношеніи снабженія себя сырьемъ и предметами питанія; а условія польскаго земледѣлія таковы, что оно прикрѣплено къ своему мѣстному рынку и всецѣло зависитъ отъ промышленности и городского потребленія. Сельское хозяйство Ц. Польскаго выбрасываетъ ежегодно избытокъ рабочихъ рукъ, которыя не могутъ прокормиться въ деревнѣ, а такъ какъ города все-таки не могутъ поглотить весь этотъ избытокъ рабочихъ рукъ, то изъ Польши развилась эмиграція и сельскохозяйственный отходъ, дающій нынче свыше 300 тысячъ ходяковъ на сельскохозяйственныя работы въ Германіи.

Ростъ населенія неуклонно диктуетъ еще большую индустриализацію края.

Начнемъ съ мелкой промышленности, органически развивающейся изъ ремесла, кустарной промышленности и путемъ обрастанія фабрики.

Польша издавна располагала отличными мастерами, выписанными изъ-за границы, жившими въ Польшѣ и передававшими свои трудовые навыки изъ поколѣнія въ поколѣніе. Возникли также кустарные промыслы путемъ раздробленія и разложенія искусственно насажденныхъ фабрикъ во времена Станислава Августа. Въ области польской промышленности замѣчался такой же процессъ, какой охарактеризованъ въ «русской фабрицѣ» М. И. Тутанъ-Барановскаго.

Изъ перечня цеховъ въ Варшавѣ еще въ 1781 г. видно, какія разнообразныя ремесла издавна упражнялись и развивались среди поляковъ. Изъ важнѣйшихъ промысловъ тамъ перечислены: каретный, портняжный, токарскій, столярный, шорный, скорняжный, переплетный, литейный, перчаточный, слесарный. Покуда ремесло оставалось работой на заказъ, только на мѣстныхъ потребителей, состоящихъ изъ зажиточныхъ шляхетскихъ слоевъ, социальная роль польскаго ремесла въ національномъ хозяйствѣ Ц. Польскаго была значительна; но съ тѣхъ поръ, какъ ремесло вовлекается въ мѣнновой оборотъ, превратившись въ кустарную промышленность и мануфактуру, основное значеніе для жизни промысловъ приобретаетъ *сбытъ*, необходимымъ организаторомъ котораго является скупщикъ, магазинщикъ. Евреи и понынѣ являются главными скупщиками продуктовъ польскаго ремесла; при посредствѣ евреевъ торговый капиталъ приобщилъ польское ремесло къ широкому, по преимуществу русскому рынку.

Возьмемъ для примѣра столярно-мебельный промыселъ въ Варшавѣ, работающій главнымъ образомъ на русскій рынокъ, который мнѣ приходилось детально обслѣдовать. Изъ всего числа мастерскихъ 81% составляютъ польскія; вырабатываютъ онѣ 83% всего производства. Однако, изъ польскихъ мастерскихъ только 5% располагаютъ собственными оборотными средствами; для подавляющаго большинства магазинъ является въ производствѣ капиталистомъ, снабжающимъ ихъ оборотными средствами и сбывающимъ ихъ произведенія на широкій рынокъ. Изъ 200 варшавскихъ мебельныхъ магазиновъ 70% еврейскихъ. Такое же положеніе вещей наблюдается въ цѣломъ рядѣ ремеслъ.

Въ органическомъ развитіи мелкой промышленности эта

функция торгового капитала вполне естественна и необходима, независимо от того, как смотреть на роль посреднической торговли и считать ли ее производительным или непроизводительным трудом. Очень популярны всякие нарекания на посредническую торговлю; можно с нею бороться посредством складочной кооперации и другими средствами; но не надо забывать, что развитое народное хозяйство не может не располагать цѣлюю цѣлью торговых звеньевъ. Этой роли еврейскаго торговаго капитала поляки покуда ничего не противопоставили, и, несмотря на антисемитизмъ, польскіе ремесленники не думаютъ бойкотировать своихъ скупщиковъ, потому что это значить для нихъ лишиться оборотныхъ средствъ и связи съ рынкомъ.

Взаимозависимость польскихъ и еврейскихъ элементовъ въ мелкой промышленности проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Напримѣръ. Большинство сапожниковъ въ Варшавѣ — поляки, а почти всѣ заготовщики — евреи. Евреи заготовщики, получая кожу отъ кожевенныхъ заводчиковъ и торговцевъ, часто въ кредитъ, непрерывно изготовляютъ сапожный матеріалъ и снабжаютъ имъ польскихъ сапожниковъ, столь же часто на началахъ кредита. Получается сложное сплетеніе взаимныхъ интересовъ въ предѣлахъ одного промысла. Нѣтъ никакихъ реальныхъ основаній, которыя бы побуждали польскихъ сапожниковъ искать непременно польскихъ заготовщиковъ, если въ своемъ повседневномъ трудѣ они связаны съ одной стороны съ евреями, подготавливающими сырье, съ другой стороны съ евреями, организующими сбытъ ихъ продуктовъ. Такое раздѣленіе труда по стадіямъ производства и сбыта можно встрѣтить въ разныхъ отрасляхъ мелкой промышленности.

Есть въ Польшѣ отрасли мелкой промышленности, носящія характеръ мануфактуры, либо сборочнаго производства изъ готовыхъ частей, гдѣ евреи составляютъ совершенно независимую отъ польскаго труда и капитала отрасль, связанную въ своемъ сбытѣ почти исключительно съ Россіей. Это производство такъ называемой галантереи и всякихъ предметовъ туалетаго обихода: галстуховъ, зонтиковъ, шляпъ, запонокъ, пуговицъ, кошелекковъ, коробокъ и т. п. Эта отрасль производства

составляетъ въ одной Варшавѣ 16 милл. руб. въ годъ. Всѣ эти предметы еврейскаго производства экспортируются въ юго-западный край, на югъ, на Кавказъ и дальше. Эта промышленность осуществляется въ мелкихъ производственныхъ единицахъ, она очень эластична, легко приспособляется къ кризисамъ и измѣненіямъ рыночной моды, основана на большой оборотливости мелкаго капитала, и никакія виѣнкоммерческія мѣропріятія не могутъ ее поколебать. Здѣсь, какъ и въ ремеслѣ и кустарной промышленности, концентрируется главная масса еврейскаго трудового люда. Еврейскій пролетаріатъ здѣсь разбросанъ въ массѣ мелкихъ мастерскихъ, работаетъ въ тяжелыхъ условіяхъ длиннаго рабочаго дня, плохой гигіены и низкой заработной платы. Еще примѣромъ такого трудового центра мелкой еврейской промышленности является м. Брезинъ (Бржезины) Петроковск. губ., гдѣ евреи создали значительную конфекціонную промышленность, сбывающую дешевое платье на широкій рынокъ, главнымъ образомъ для юго-западнаго края. Въ Лодзинскомъ текстильномъ районѣ евреи заняты также въ ручномъ ткацествѣ. На подобіе Владимирскаго района тамъ наблюдается обрастаніе фабрики ткачами и раздача работы на домъ въ дополненіе къ фабричной. Такимъ образомъ, по мѣрѣ индустриализаціи края, евреи вплетаются въ общій ходъ развитія экономики не только какъ носители торговаго капитала и организаторы сбыта, но и какъ непосредственные продавцы своей рабочей силы.

Въ мѣстечкахъ и мелкихъ городахъ ремесла почти сплошь обслуживаются евреями. Съ тѣхъ поръ, какъ народился въ Польшѣ массовой потребитель въ лицѣ фабричнаго рабочаго, а крестьянинъ сталъ возить въ городъ и на ярмарки продукты своего хозяйства, народился типъ еврейскаго кустаря, изготовляющаго массовые дешевые предметы (tandet, отъ слова «Tandler», «Tandetiars», ветошникъ). На этихъ отдаленныхъ периферіяхъ промышленности евреи, можетъ быть, болѣе всего уязвимы бойкотомъ, но покуда польскій ремесленникъ и кустарь, производящій для массоваго потребленія — явленіе не частое, и даже съ нарожденіемъ его національныя перемѣщенія врядъ ли могутъ имѣть большіе хозяйственные результаты.

Что касается фабричнаго труда, то $\frac{3}{4}$ промышленнаго про-

летаріата состоятъ изъ польскихъ рабочихъ, такъ какъ и польскіе и еврейскіе большіе фабрики и заводы предпочитаютъ рабочихъ поляковъ. Еврейская трудовая масса не создала еще кадра фабричныхъ рабочихъ, которые могли бы заполнить крупныя фабрики.

Она, повторяемъ, держится въ мелкихъ промыслахъ, пополняя ряды ремесленного пролетаріата и рабочихъ домашней промышленности. Внутри этой еврейской промышленности происходитъ классовая борьба не менѣе жестокая, чѣмъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, заполненныхъ польскими рабочими.

Не надо забывать, что смѣшанный составъ рабочаго персонала въ большомъ механическомъ предпріятіи неудобенъ: работу пришлось бы прерывать и въ субботу ¹⁾ и въ воскресенье, между тѣмъ для заполнения фабрики однороднымъ еврейскимъ составомъ, выборъ еврейскихъ рабочихъ недостаточенъ, и еврейскій крупный предприниматель охотнѣе обращается къ массѣ польскихъ рабочихъ.

Въ этомъ предпочтеніи еврейскими крупными предпринимателями польскихъ рабочихъ передъ еврейскими любопытно отмѣтить, какъ дѣловой расчетъ не считается съ національными мотивами, когда ему это выгодно. Капиталь, какъ извѣстно, сверхнаціоналенъ и интернаціоналенъ въ своемъ стремленіи къ прибыли.

Каково состояніе польскихъ капиталовъ.

Денежный рынокъ Ц. Польскаго въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ связанъ съ пятью-шестью еврейскими именами: Кроненбергъ, Эпштейнъ, Вавельбергъ-Ротвандъ, Ляндау и Гербстъ. Вокругъ основаннаго въ 1872 г. «Лодзинскаго торговаго банка» группировались нѣмецкіе фабриканты; Шейблеръ, Куницеръ, Штейнертъ, Вернеръ, Геймонъ, Громанъ, Циглеръ и др. Эта группа не имѣла никакихъ финансовыхъ связей съ поляками. Такъ же далеко отъ польскихъ капиталовъ «Лодзинскій Купеческій банкъ», основанный въ 1897 г. группой Гайера.

Въ числѣ учредителей 3-го лодзинскаго банка «учетнаго» мы видимъ еврейскихъ фабрикантовъ съ примѣсю нѣмцевъ:

1) За послѣдніе годы замѣчается стремленіе еврейскихъ рабочихъ не прерывать работы и по субботамъ.

Я. Герцъ — директоръ о-ва бумажныхъ мануфактуръ, И. Познанскаго, Л. К. Альбрехтъ — представитель фирмы «Гампе и Альбрехтъ», Ю. А. Бѣльшовскій — директоръ-распорядитель о-ва шерстяныхъ мануфактуръ «Штиллеръ и Бѣльшовскій», О. О. Рихтеръ — членъ торговаго дома «Яроцинскій».

Принято считать скорѣе польской, чѣмъ еврейской, группу варшавскихъ финансистовъ, евреевъ по происхожденію и національности: Кроненбергъ, Эшштейнъ, Натансонъ, Ротвандъ, подъ вліяніемъ которой складывалось дѣло Варшавскаго «Учетнаго» и «Коммерческаго» банковъ и большого банкирскаго дома «Вавельбергъ и К^о», вокругъ котораго группируются меньшіе банкиры: Гольдфедедь, Лессеръ, Блюхъ, Перець. Но во всѣхъ этихъ варшавскихъ вмѣстелищахъ польскихъ денегъ вмѣстѣ со вкладами насчитывается не болѣе 80 милліоновъ польскаго капитала, сумма крайне недостаточная для финансированія даже наличной промышленности и торговли.

Почти всѣ крупныя предпріятія Польши, напр., займы городовъ, обслуживаются, какъ мы видѣли, иностранннымъ капиталомъ. Польскій капиталъ не только слабъ, онъ еще къ тому весьма консервативенъ и помѣщается главнымъ образомъ въ ипотечныя бумаги.

Въ довольно обстоятельной книгѣ о Польшѣ, написанной нѣмцемъ, долго жившимъ въ Россіи ¹⁾, вотъ что говорится въ главѣ о польскихъ акціонерныхъ компаніяхъ: «Большинство акціонерныхъ компаній въ Царствѣ Польскомъ возникло подъ руководствомъ интернаціональнаго еврейскаго капитала. Къ нимъ присоединились отдѣльные польскіе магнаты, главнымъ образомъ потому, что учредители стремились къ тому, чтобы имѣть въ правленіи фирмы представителей польской аристократіи... Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ имена графа Ржищевскаго и Велепольскаго въ правленіи Варшавскаго учетнаго банка и кн. Воронцаго въ Варшавскомъ коммерческомъ банкѣ...

Съ 1868 г. до 1883 года — время исключительнаго господства г-дь Кроненберга, Натансона, Берсона, Блюха, Эшштейна...

Еврейскій дѣловой расчетъ и нѣмецкій организаціонный

²⁾ Glienow—„Die Zukunft Polens“.

талантъ основываютъ банки, страховыя общества, финансируютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, создаютъ свекло-сахарное производство и машиностроение. Польскія имена блещутъ лишь для фирмы. За это время основывается лишь одно польское акціонерное предприятие (въ 1873 г.): сахарный заводъ въ Леоновѣ (подъ вліяніемъ Лубенскаго и Красинскаго), впоследствии ликвидированное... Лишь 14 лѣтъ спустя возникаетъ второе польское акціонерное предприятие — спиртоочистительный заводъ подъ главенствомъ кн. Воронцаго и гр. Чацкаго — чисто польское предприятие, хотя, добавляетъ авторъ, оба имени находятся въ тѣсной связи съ Варшавскимъ коммерческимъ банкомъ, т. е. Кроненбергомъ.

... Большое значеніе для польской національной индустріи имѣютъ годы 1897—99. За время генералъ-губернаторства кн. Имеретинскаго было основано 14 польскихъ акціонерныхъ компаній и изъ нихъ только 6 смѣшанныхъ, польско-еврейскихъ. Въ 1900 г. организуется 7 польскихъ акціонерныхъ компаній и 3 смѣшанныхъ, въ 1901 г. — 8 польскихъ и 1 смѣшанное. При этомъ Клейновъ замѣчаетъ, что эти предприятия не даютъ до сихъ поръ дивиденда, а основатели этихъ, такъ называемыхъ, польскихъ предприятий... часто не знаютъ ни слова по польски...

Въ одномъ изъ выпусковъ семинара Шмоллера напечатана въ 1912 г. работа г-жи Ф. Вльшовской о текстильной индустріи Лодзинскаго района. Авторъ этой работы, хорошо знакомый съ предпринимательскимъ крутомъ Лодзи, пишетъ слѣдующее: «Со времени выселенія евреевъ изъ Центральной Россіи и притока литовскихъ евреевъ съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ наряду съ нѣмцами польскіе и русскіе евреи составляютъ значительную часть класса предпринимателей... Нельзя отрицать, что поляки дѣлаютъ энергичныя попытки занять руководящее мѣсто въ Лодзинской промышленности. Трудность предпринимательской дѣятельности усугубляется тѣмъ, что въ лодзинской текстильной индустріи предприниматель долженъ быть одновременно руководителемъ производства и сбыта... Онъ долженъ обладать техническими и торговыми свѣдѣніями... Первыми обладаютъ нѣмцы, вторыми — евреи.

Лодзинскіе фабриканты затратили не мало усилій, чтобы

создать рынокъ для своей промышленности. До 80-хъ годовъ сбытъ лодзинскихъ товаровъ ограничивался польскимъ рынкомъ... Знакомство съ русскимъ рынкомъ и его завоеваніе достигнуто прежде всего благодаря русскимъ евреямъ, которые послѣ выселенія конца 80-хъ годовъ устремились въ Лодзь. Будучи знакомы съ русскимъ рынкомъ, евреи въ качествѣ агентовъ, комиссіонеровъ, вояжеровъ связали Лодзь съ Россіей и Россію съ Лодзью. Они направили сюда купцовъ изъ Россіи, которые ежегодно дважды посѣщаютъ Лодзь, ставшую мѣстомъ свиданій дѣловыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ многоплеменной Россіи; они примѣняли къ сбыту продуктовъ лодзинской промышленности новѣйшія организаціонныя средства и приспособленія; они высылаютъ изъ Польши цѣлую армію вояжеровъ, направляя ихъ въ самые отдаленные углы Россіи; они имѣютъ своихъ представителей, свои филиалы и склады во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи ¹⁾.

Такимъ образомъ, по описанію автора, оптовая торговля, комиссіонерство и сбытъ въ Россію при помощи вояжеровъ — одна изъ основныхъ артерій хозяйственной жизни Польши, и артерія эта *не* польская.

Методы лодзинской торговли представляютъ интересъ съ общерусской точки зрѣнія. Русской промышленности и торговлѣ недостаетъ еще торговой организаціи, подлежащей постановки сбыта. Когда въ 90-хъ годахъ въ литературѣ обсуждался вопросъ о соперничествѣ Москвы съ Лодзью, указывалось, что однимъ изъ главныхъ преимуществъ Лодзи является высокій уровень предпринимательской дѣятельности и развитая техника торговаго сбыта съ широкимъ примѣненіемъ коммивояжерства. Коммивояжеры играютъ громадную роль въ организаціи сбыта. Въ этомъ убѣждаетъ насъ развитіе германскаго экспорта, который въ значительной мѣрѣ созданъ энергіей вояжеровъ. Бисмаркъ сказалъ однажды: «коммивояжеры — это лучшіе піонеры германизма за границей: въ какую бы заокеанскую страну германскій вояжеръ ни поставилъ ногу, за нимъ слѣдуетъ и германская торговля и германскій флотъ». Промышленность Ц.-Польскаго восприняла этотъ германскій методъ торговли (ко-

¹⁾ Тамъ же.

нечно, безъ его имперіалистической идеологіи), высылая въ Россію тысячи вояжеровъ, среди которыхъ представители польской національности тонуть въ этой массѣ евреевъ, агентовъ промышленности Польши.

Комиссіонная торговля, эта весьма оборотоспособная отрасль торговли находится въ Лодзинскомъ районѣ исключительно въ еврейскихъ рукахъ, въ Варшавѣ почти исключительно.

Эта торговля мало видима, пути ея не черезъ магазины съ вывѣсками, которыя бросаются въ глаза; вся механика этого распредѣлительнаго торговаго аппарата кроется въ конторахъ, въ сдѣлкахъ комиссіонеровъ съ привѣжными покупателями при помощи образцовъ. Еврейская торговля довела быстроту и упрощенность оборота до американскихъ формъ. Подобно американскому чековому обращенію, Лодзь дошла до невѣроятныхъ размѣровъ вексельнаго оборота, пользуясь векселемъ при расплатѣ за потребленіе, за квартиру, за платье и т. п.

Принципы еврейской торговли: «малая прибыль — большой оборотъ» и, можетъ быть, главное значеніе ея для хозяйства Польши въ этой оборотливости. Съ пятью тысячами еврейскій комиссіонеръ дѣлаетъ оборотъ въ 50 тысячъ, и для промышленника, будь онъ русскій или полякъ, который прибѣгнетъ къ его услугамъ, это важнѣе всякихъ національныхъ задачъ и лозунговъ.

Перемѣщеніе позицій польской и еврейской торговли возможны на периферіи хозяйства, въ розничной торговлѣ. Здѣсь можно за десятилѣтіе создать въ томъ или иномъ городѣ нѣсколько польскихъ лавокъ не столько вмѣсто, сколько наряду съ еврейскими; здѣсь поле дѣятельности для польскихъ потребительныхъ обществъ, которыя нерѣдко насаждаются поляками-бойкотистами не изъ кооперативныхъ побужденій, а подъ знакомъ боевого антисемитизма; да и вновь возникающій польскій лавочникъ, поскольку онъ способенъ довольствоваться низкой прибылью и продавать по «еврейскимъ цѣнамъ», можетъ вытѣснить съ польской улицы своего сосѣда-еврея. Но область оптовой и распредѣлительной торговли, равно какъ импортной, гдѣ успѣхъ основанъ на оборотоспособности, знаніи рынка, сложныхъ кредитныхъ отношеній съ кліентами и бан-

ками — здѣсь совершается неуклонное органическое развитіе и развертываніе торговой дѣятельности евреевъ, и поляки находятя покуда внѣ этой широкой торговой колеи. Доля участія поляковъ и евреевъ въ разныхъ отрасляхъ торговли на основаніи данныхъ, извлеченныхъ Вацлавомъ Крыньскимъ изъ матеріаловъ переписи 1897 г., представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	<u>‰ евреевъ.</u>	<u>‰ поляковъ.</u>	<u>‰ прочихъ.</u>
Хлѣбная торговля	94,1	5,3	0,6
Т. коженными и мѣховыми товарами	93,2	6,0	0,8
Т. металлическими издѣліями и машинами	87,9	10,1	2,9
Т. предметами домашняго обихода	84,0	14,0	2,0
Т. мануфактурна	86,3	10,4	3,3
Т. скотомъ	83,0	15,3	1,7
Т. строительными матеріа- лами и топливомъ	80,5	17,8	1,7
Т. сельскохозяйственными ору- діями и предметами кре- стьянскаго хозяйства	79,9	17,5	2,6
Т. галантерейными товарами, предметами искусства и науки	57,2	40,5	2,3
Мелочная и рыночная торг.	91,4	7,7	0,9

Перемѣны, которыя могли произойти во всѣхъ этихъ отрасляхъ торговли за 18 лѣтъ, коснулись, быть можетъ, мелочной торговли и предметовъ одѣянія, украшенія, т. е. тѣхъ, гдѣ требуется вниманіе къ модѣ и вкусу. Но опять-таки все это касается розничной торговли.

По тѣмъ же отраслямъ, которыя имѣютъ основное народно-хозяйственное значеніе, по ввозу сырья, вывозу массовыхъ товаровъ въ Россію и изъ Россіи, а также въ импортной торговлѣ евреи сохраняютъ значительное преобладаніе.

Такія отношенія въ хозяйственной жизни Польши издавна вызывали тревогу въ умахъ польскихъ политиковъ и публицистовъ.

Съ одной стороны евреи связали Польшу съ русскимъ рынкомъ, безъ котораго немислимо было бы ея экономическое развитіе, они содѣйствовали росту городовъ и образованію внутренняго сельско-хозяйственнаго рынка, придавшаго устойчивость и конкурентоспособность сельскохозяйственному производителю; промышленность поглощала также значительные избытки населенія, выбрасываемые деревней въ ряды пролетаріата.

Съ другой стороны, экономической сквознякъ между Россіей и Польшей, устроенный главнымъ образомъ евреями, свелъ Ц. Польское на роль промышленной окраины Россіи, тяготеющей своими хозяйственными интересами къ Имперіи; почти весь аппаратъ этого хозяйственнаго общенія оказался въ рукахъ евреевъ, занявшихъ промежуточную роль между русской и польской стихіей, и, наконецъ, внутри Польши образовалась торгово-промышленная еврейская масса — третье сословіе, большинство котораго въ силу своей экономической независимости отъ поляковъ живетъ своей повседневной дѣловой обособленной жизнью. Я подчеркиваю *дѣловой* жизнью, потому что еврейское національное движеніе, признавать ли его существованіе или нѣтъ, и какъ бы его ни оцѣнивать, не является импульсомъ ихъ экономической дѣятельности. Национальное сплоченіе (я бы сказалъ даже просто—сгущеніе), которое замѣчается у польскихъ евреевъ, черпаетъ свои силы не въ прошломъ, и врядъ ли въ будущемъ, а въ настоящемъ, въ творческой хозяйственной, не окрашенной никакой идеологіей, работѣ. Национальный пафосъ поляковъ питается романтикой прошлаго и предвосхищеніемъ будущаго; они живутъ воспоминаніями и мечтами больше, чѣмъ настоящимъ; хозяйственные будни сегодняшняго дня, какъ-то проходили до сихъ поръ мимо нихъ. Правда, народившаяся польская рабочая масса была прочно вдвинута въ эти будни, но она-то меньше всего питалась иллюзіями польскаго націонализма; она оставалась сравнительно равнодушной къ идеямъ самостоятельности, она довольно безразлично относится къ теперешней задачѣ польскихъ политиковъ — создать національную буржуазію наряду, или вѣрнѣе, вмѣсто еврейской.

Если даже эта серьезная національная задача и можетъ быть достигнута упорной систематической позитивной работой,

то во всякомъ случаѣ антисемитизмъ не можетъ сослужить роль главнаго движущаго фактора экономическаго оплодотворенія поляковъ.

Перемѣщенія, совершающіяся въ хозяйственной жизни Польши, ничтожны при современномъ масштабѣ ея промышленнаго развитія, связаннаго съ народнымъ хозяйствомъ Россіи. Царство Польское не національное, самодовлѣющее хозяйство и всѣ разговоры объ этомъ, столь популярны сейчасъ въ польскихъ кругахъ, такъ же не серьезны и безпочвенны, какъ и мнѣнія, высказываемыя въ Россіи въ связи съ войной, о самодовлѣющемъ хозяйствѣ Россіи, давно связанной съ мировымъ хозяйствомъ.

Возможность промышленнаго развитія Польши еще достаточно велика, и страхъ передъ еврейскимъ засильемъ есть признакъ слабости, а не силы польскаго національнаго творчества. Польскій антисемитизмъ, развившійся еще до войны подъ знакомъ экономизма, вызванъ страхомъ передъ національнымъ оскудѣніемъ, это есть *hoggor vacui* національной политики, ищущей для себя опоры въ городскихъ классахъ. Въ лицѣ евреевъ, развившихся на почвѣ экономической дѣятельности въ общественную силу, тяготеющую при этомъ къ Россіи, какъ къ хозяйственному центру, они увидѣли угрозу своему національному самодовлѣнію.

«*Homo politicus*», вооруженный лозунгами, становится «*homo oeconomicus*», а не наоборотъ, какъ это нормально бываетъ.

Сейчасъ поляки снова отвлечены національными планами и ожиданіями; здѣсь большой просторъ для примѣненія антисемитизма, на немъ можно строить сейчасъ вліятельныя политическія объединенія и настроенія. А экономическая жизнь протекаетъ по своимъ дѣловымъ путямъ, и носители ея зависятъ больше отъ рынковъ, конъюнктуръ, цѣнъ и фрахтовъ, нежели отъ лозунговъ, національныхъ вожделѣній и политическихъ страстей.

Я. М. Букипанъ.

КЪ ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(По поводу статьи Я. М. Букшпана).

Помѣщая статью Я. М. Букшпана, въ которой собранъ интересный фактический матеріалъ о торгово-промышленной жизни Царства Польскаго, мы должны, однако, тутъ же заявить о нашемъ несогласіи съ нѣкоторыми изъ ея основныхъ положеній.

Намъ кажется, прежде всего, неправильнымъ самый подходъ автора къ темѣ. Въ статьѣ нѣтъ картины хозяйственной жизни Царства Польскаго, какъ цѣлаго, какъ территоріи, обладающей и самостоятельнымъ національно-историческимъ прошлымъ, и своеобразной по сравненію съ Имперіей социально-экономической структурой. Если вѣрно, что Царство Польское, какъ и Россія въ цѣломъ, какъ и всякій другой ограниченный опредѣленными территоріальными рамками хозяйственный организмъ, независимо отъ того, присуща ли ему государственная самостоятельность или нѣтъ, — не можетъ въ наше время претендовать на роль самодовлѣющаго національно-хозяйственнаго организма, то тѣмъ болѣе вѣрно, что на одной и той же территоріи немислимо существованіе двухъ или болѣе замкнутыхъ въ себѣ національныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) хозяйствъ. Фактически Я. М. Букшпанъ исходитъ изъ существованія въ Польшѣ двухъ такихъ хозяйствъ — польскаго и еврейскаго. (Если быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы говорить еще о третьемъ — нѣмецкомъ — хозяйствѣ). Авторъ не приводитъ ни разу для характеристики профессиональнаго состава населенія Ц. Польскаго общихъ цифръ, какъ онъ дѣлаетъ это по отношенію къ Имперіи или къ Россіи въ цѣломъ.

а оперируетъ все время двумя параллельными рядами цифръ, характеризующихъ отдѣльно профессиональный составъ польскаго и еврейскаго населенія. «Внутри Царства Польскаго, говорить Я. М. Букшпанъ, образовалась торгово-промышленная еврейская масса, третье сословіе, большинству котораго, *въ силу своей экономической независимости отъ поляковъ* (курсивъ нашъ) живетъ своей повседневной дѣловой обособленной жизнью». Такой «экономической независимостью отъ поляковъ» еврейская торгово-промышленная масса не обладаетъ въ дѣйствительности и обладать не можетъ.

Я. М. Букшпанъ говоритъ все время объ еврейской «торгово-промышленной массѣ», какъ о чемъ-то цѣломъ и единомъ. А, между тѣмъ, совершенно очевидно, что эта масса состоитъ изъ двухъ количественно и качественно далеко не одинаковыхъ частей — трудового и предпринимательскаго элементовъ. Весь ходъ мыслей автора относится въ сущности только ко второму изъ указанныхъ элементовъ. Но и при такомъ ограниченіи положеніе объ «экономической независимости отъ поляковъ» остается неправильнымъ.

Это совершенно очевидно по отношенію къ «еврейской» промышленности, подъ которой Я. М. Букшпанъ понимаетъ совокупность промышленныхъ предпріятій, владѣльцами которыхъ являются евреи; слишкомъ наглядна связь этой промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ Ц. Польскаго, съ его рабочимъ рынкомъ, съ другими, вспомогательными или главными по отношенію къ ней отраслями мѣстной промышленности. Но это совершенно несомнѣнно и по отношенію къ той громадной части «еврейской» торговли, которая связываетъ промышленность Царства Польскаго съ русскими рынками. «Экономической зависимостью отъ поляковъ» пользуются, быть можетъ, еврейскіе агенты-комиссіонеры западно-европейскихъ фирмъ, живущіе въ Польшѣ, за неимѣніемъ права жительства въ Россіи, но связанные по преимуществу съ русскими рынками. Вся остальная безспорно преобладающая масса еврейскаго населенія, занятаго въ торговлѣ и промышленности, крѣпкими неразрывными экономическими узами связаны съ хозяйственной жизнью края. По отношенію къ ней слова о «тяготѣнн всѣми экономическими интересами къ Россіи» примѣнимы равно въ такой

же мѣрѣ, въ какой они примѣнимы къ Польшѣ въ цѣломъ, какъ къ хозяйственному организму. Это есть тяготѣніе страны съ сильно развитой промышленностью къ странѣ, менѣе развитой въ промышленномъ отношеніи.

Мы считаемъ, вообще говоря, страшнымъ «національное» дѣленіе торговли и промышленности Царства Польскаго по «національности» вложеннаго въ нихъ капитала. Національность торговли и промышленности опредѣляется по общему правилу территоріей, на которой она развивается. Поскольку рѣчь идетъ о капиталахъ и гражданахъ одной и той же территоріи, это правило не знаетъ исключеній. Оно осложняется лишь тогда, когда рѣчь идетъ о внѣшнемъ, *иностранномъ* капиталѣ. Лодзинская промышленность, играющая такую огромную роль въ экономической жизни Царства Польскаго и всей Россіи, по «національности» вложеннаго въ нее капитала, является въ гораздо большей степени нѣмецко-еврейской, чѣмъ польской, а рынками ея сбыта въ несравненно большей степени является вся Европейская и Азіатская Россія, чѣмъ десять губерній Царства Польскаго. И тѣмъ не менѣе никому и въ голову не придетъ оспаривать ни *польскій* (въ смыслѣ территоріальномъ) характеръ лодзинской промышленности, ни фактъ ея неразрывной органической связи со всей хозяйственной жизнью польскаго края.

Эти истины считаются совершенно неоспоримыми, когда рѣчь идетъ о Россіи. Тогда говорятъ объ единой «русской» промышленности и торговлѣ. Но когда заходитъ рѣчь о Польшѣ, то у публицистовъ и экономистовъ опредѣленнаго лагеря немедленно возникаетъ миллионъ сомнѣній относительно единого территоріально-національнаго характера ея хозяйственной жизни.

Мы считали особенно важнымъ пространно остановиться на этомъ вопросѣ и противопоставить въ этомъ пунктѣ свои взгляды взглядамъ, развитымъ Я. М. Букшипаномъ. Г-нь Букшпанъ не дѣлаетъ никакихъ политическихъ выводовъ изъ своихъ чисто экономическихъ положеній. Но ихъ дѣлаютъ за него другіе. Изъ утвержденій о «хозяйственной обособленности» евреевъ въ Польшѣ, объ ихъ «экономической независимости отъ поляковъ» и «тяготѣніи всеѣми экономическими интересами къ Россіи» при отсутствіи такого «тяготѣнія» среди поляковъ — націоналисты

обоих лагерей (и польского, и еврейского) дѣлають соотвѣтствующіе выводы о *политической* обособленности евреевъ въ Царствѣ Польскомъ, о наличности у нихъ политическихъ интересовъ, отличныхъ отъ политическихъ интересовъ всего края, и даже этимъ интересамъ враждебныхъ. Исходя изъ прямо противоположныхъ экономическихъ предпосылокъ, мы, естественно, и въ области политической приходимъ къ противоположнымъ выводамъ.

Изъ сказаннаго ясно, что мы не можемъ, подобно Я. М. Букшпану, считать одной изъ главныхъ причинъ польскаго антисемитизма экономическую связанность Царства Польскаго съ Россіей, созданную преимущественно дѣятельностью еврейскихъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Противъ концепціи Я. М. Букшпана съ достаточной убѣдительностью говоритъ тотъ фактъ, что меньше всего сохраненіемъ «самодовлѣющаго характера» національнаго хозяйства Польши озабочены тѣ социальнo-политическія группы, которыя являются носителями польскаго антисемитизма. Пропаганда «націонализаціи» торговли и промышленности Ц. Польскаго, которую вели и ведутъ идеологи польскаго мѣщанства, имѣла цѣлью не «освобожденіе» Польши отъ экономической зависимости отъ Россіи, а вытѣсненіе еврейскихъ промышленниковъ и въ особенности— торговцевъ изъ занятыхъ ими позицій и захватъ этихъ позицій поляками.

Неправильнъ также взглядъ, будто «польскій антисемитизмъ... вызванъ страхомъ передъ національнымъ оскуднѣніемъ». Мы не считаемъ, подобно Еленскому, мѣщанство—«солью націи» и потому не видимъ достаточнаго основанія для «національнаго оскуднѣнія» поляковъ въ томъ, что у нихъ мѣщанство составляетъ меньшій процентъ, чѣмъ у евреевъ (хотя и большій, чѣмъ у русскихъ). Быстрый ростъ населенія Царства Польскаго и стремительное развитіе его культурныхъ и промышленныхъ центровъ, черпающихъ человѣческой матеріаль изъ польской деревни, не даютъ полякамъ повода къ пессимизму. Десятилѣтіе, прошедшее отъ 1905 г., принесло немало доказательствъ живучести польской націи и ея способности къ организаціи національной жизни. Если этотъ періодъ не привелъ къ значительно болѣе яркому расцвѣту культурно-національ-

ной жизни поляковъ, то причины этого кроются отнюдь не въ области экономическихъ отношеній Царства Польскаго.

Неправильно поэтому утвержденіе Я. М. Букшпана о томъ, что національная жизнь поляковъ питается исключительно ихъ прошлымъ и будущимъ.

Но столь же неоснователенъ и пессимизмъ, сквозящій въ данной авторомъ характеристикѣ національной жизни евреевъ. Еврейское національное движеніе, какъ и всякое другое, черпаетъ свои силы въ жизни широкихъ народныхъ массъ. Будущее этого движенія, развитіе еврейской культурно-національной жизни не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, насколько успѣшно еврейскій торгово-промышленный капиталъ будетъ отстаивать свои позиціи въ Царствѣ Польскомъ. Напротивъ. Развитіе капиталистическаго производства и связанныхъ съ нимъ формъ обмѣна будетъ, вѣроятно, разрушающе дѣйствовать на мелкую торговлю. Ростъ сознанія и самодѣятельности польскихъ народныхъ массъ, приобщеніе къ культурной работѣ верховъ и къ методамъ экономической самопомощи — коопераціи — будетъ ослаблять роль и значеніе мелкаго посредничества. Несомнѣнно, и еврейскій посредническій и торговый элементъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ходомъ развитія обреченъ на паденіе. Но это отнюдь не означаетъ возможной гибели еврейской національности въ Польшѣ. Евреи, какъ народъ жизнеспособный, приспособятся къ новой экономической конъюнктурѣ въ сферѣ обмѣна, какъ они приспособляются въ области капиталистическаго ремесла и индустріи. Съ другой же стороны, польское мѣщанство отнюдь не прочь занять насиженныя еврейскія позиціи въ торговлѣ, игнорируя угрозы соціального развитія. Вотъ это его стремленіе, упорству котораго соотвѣтствуетъ національная и экономическая сопротивляемость еврейскихъ элементовъ, и является, на нашъ взглядъ, основной причиной польскаго антисемитизма.

При существующемъ политическомъ положеніи въ Царствѣ Польскомъ это стремленіе шеминуемо должно было вылиться въ форму острой національной борьбы. Она ведется не за «освобожденіе» края отъ экономической зависимости отъ

Россіи и не за предотвращеніе опасности «національнаго оскудѣнія». Никакая идеологія руководителей т. н. «польской національной политики», опирающихся на польское мѣщанство, не въ состояніи затушевать въ этой національной борьбѣ основной моментъ классоваго своекорыстія.

нальностей, было установлено, что въ общинныхъ собраніяхъ и муниципальныхъ совѣтахъ языки мѣстныхъ національностей при извѣстныхъ условіяхъ могутъ употребляться во всемъ объемѣ въ рѣчахъ, протоколахъ и актахъ и въ сношеніяхъ чиновниковъ съ публикой и съ вышей властью. Допущенъ мѣстный языкъ и къ употребленію въ школахъ, создаваемыхъ на національныя средства. Вслѣдствіи 44 законъ 1868 года фактически былъ сильно урѣзанъ другими законами, но все же этимъ закономъ признается за національностями право удовлетворять свои чисто мѣстныя, узко-хозяйственныя и культурныя потребности.

Политическихъ же правъ немадьярскіе народы Венгріи не имѣютъ въ сущности до сего времени, хотя венгерскій парламентъ одинъ изъ старѣйшихъ въ мірѣ. Искусственное распределеніе избирательныхъ округовъ; имущественный (de facto національный) цензъ, различный для разныхъ мѣстностей; требованіе закономъ отъ всякаго депутата знанія мадьярскаго языка; открытое голосованіе, насиліе и обманъ при выборахъ—все это дѣлается въ значительной степени для того, чтобы не допустить немадьяръ въ парламентъ. И мадьярскіе магнаты достигаютъ своей цѣли. При 413 членахъ палаты депутатовъ Венгріи (безъ Хорватіи)—отъ всѣхъ меньшихъ, не мадьярскихъ народностей вмѣстѣ, попадаетъ въ палату всего десятокъ или два депутатовъ, хотя немадьяры составляютъ въ суммѣ свыше половины населенія Венгріи. Естественно, что глухое національное броженіе въ странѣ не утихаетъ и основнымъ политическимъ требованіемъ національныхъ партій здѣсь является прямое, тайное, *всеобщее и равное* избирательное право.

Въ общемъ народы Венгріи, отчасти вслѣдствіе своего безправія, сильно отстали во всѣхъ отношеніяхъ въ своемъ развитіи, что, конечно, отразилось и на Венгріи въ цѣломъ.

Теперь мы перейдемъ къ небольшой федеральной республикѣ *Швейцаріи*,—самой свободной странѣ европейскаго континента. Въ ея предѣлахъ 3 разныхъ народности—итальянская, французская и нѣмецкая—уживаются до такой степени мирно, что здѣсь національнаго вопроса, можно сказать, не существуетъ.

По швейцарской конституціи, власть устанавливать основныя права гражданъ (и права національностей въ томъ числѣ) предоставлена союзу (федерации). «Союзъ гарантируетъ... конституціонныя права гражданъ», провозглашаетъ ст. 5-ая, а по статьѣ 66 «союзное же законодательство устанавливаетъ, въ какихъ предѣлахъ швейцарскій гражданинъ можетъ быть лишенъ своихъ политическихъ правъ».

Рѣшая національный вопросъ, союзная власть Швейцаріи идетъ нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ Австрія и Венгрія. Интересно уже то, что самое слово національность (въ смыслѣ австрійскаго § 19-го) ни разу не употребляется въ длинной союзной конституціи; въ ней ни разу не говорится объ итальянцахъ, нѣмцахъ или французахъ, но только лишь о гражданахъ, говорящихъ на этихъ языкахъ.

Разсмотримъ подробнѣе тѣ постановленія конституціи, которыми удовлетворяются политическіе интересы національностей. Достиженіе этихъ правъ обычно обусловлено наибольшими трудностями и приобретаются они позже другихъ.

Статья 43 опредѣленно устанавливаетъ, что въ мѣстѣ своего постоянного жительства швейцарецъ пользуется всеми правами гражданъ общины и кантона, а также можетъ участвовать во всехъ выборахъ и голосованіяхъ по союзнымъ дѣламъ. Въ силу своего равноправія каждый швейцарецъ пользуется правомъ избирать и быть избраннымъ въ члены законодательнаго собранія, какъ союзнаго (§§ 74—75), такъ и кантональнаго (§ 43). Такимъ образомъ, всякому швейцарцу—независимо отъ его національнаго происхожденія—предоставлено право вліять на законодательство страны и путемъ референдума и инициативы, и участіемъ въ законодательныхъ палатахъ.

То же равенство правъ предоставлено членамъ разныхъ націй въ дѣлѣ отправленія правосудія. Члены высшаго федеральнаго суда должны назначаться (законодательнымъ собраніемъ) такимъ образомъ, «чтобы все 3 національныхъ языка были представлены въ судѣ» (§ 107). Въ составъ федеральнаго суда—учреждаемаго для дѣлъ касающихся союза—можетъ быть назначенъ всякій швейцарскій гражданинъ (§ 108). Затѣмъ, если принять во вниманіе, что организація мѣстнаго суда, судопроизводство и судебная администрація находятся въ вѣ-

дѣній кантоновъ (§ 64), и что по кантональнымъ конституціямъ должности здѣсь часто замѣщаются путемъ выборовъ—то намъ станетъ яснымъ, что мѣстные суды, по своему составу и языку, не могутъ не представлять мѣстныхъ національностей и не быть близки населенію.

Точно такъ же члены всѣхъ національностей допущены къ участию въ правительственной и административной власти, поскольку это представляется возможнымъ по техническимъ условіямъ. Министры (члены союзнаго совѣта) могутъ быть избираемы изъ числа всѣхъ швейцарскихъ гражданъ, однако, отъ каждаго кантона должно быть не болѣе одного министра. Президентъ и вице-президентъ министерства (и республики) не могутъ занимать свои должности больше одного года, такъ что въ теченіе 3-хъ лѣтъ—срокъ, на который избирается министерство—почти всѣ министры поочередно занимаютъ высшіе посты республики (§§ 96 и 98). Еще важнѣе для національностей то, что федеральная власть должна проводить свои постановленія въ кантонахъ при посредствѣ мѣстныхъ властей, а послѣднія зависятъ отъ мѣстныхъ, кантональныхъ учреждений. Слѣдовательно, почти вся администрація представляетъ мѣстныя національности.

Изъ отдѣльныхъ постановленій конституціи, идущихъ навстрѣчу національнымъ потребностямъ, укажемъ на §§ 107 и 116 о языкахъ и на § bis о школахъ. «Наиболѣе употребляемые въ Швейцаріи языки—французскій, нѣмецкій и итальянскій—суть государственные языки союза». Поэтому въ парламентѣ, въ официальныхъ документахъ и проч., употребляются одинаково всѣ три языка. Что касается школы, то «организация, управление и надзоръ за народной школой остаются въ вѣдѣніи кантоновъ», такъ что преподаваніе въ нихъ ведется на мѣстномъ языкѣ, но обычно уже здѣсь изучаютъ языкъ и другой національности.

Въ общемъ, демократическій строй является въ Швейцаріи наилучшей гарантіей правъ національностей. Послѣднія обезпечиваются въ достаточной мѣрѣ какъ косвеннымъ путемъ—признаніемъ гражданскаго равноправія всѣхъ и установленіемъ политическихъ свободъ, такъ и болѣе непосред-

ственно—предоставленіемъ свободы вѣроисповѣданія, языка и школы.

Обратимся къ Новому Свѣту. Здѣсь мы остановимся только на двухъ, наиболѣе крупныхъ странахъ, которыя населены разнородными національностями и обладаютъ наиболѣе устойчивымъ (для Америки) государственнымъ строемъ. Мы говоримъ о двухъ федеральныхъ государствахъ—Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Начнемъ съ первой. Мы здѣсь не будемъ останавливаться на правовомъ характерѣ отношеній Канады и Великобританіи, отчасти потому, что они съ трудомъ поддаются правовой квалификаціи, отчасти и потому, что при рѣшеніи интересующаго насъ вопроса мы можемъ обойтись безъ этого. Мы беремъ какъ доказанныя положенія, что Канада является независимымъ государствомъ, что въ основѣ ея государственнаго строя лежитъ актъ объ уніи канадскихъ провинцій и что высшей законодательной властью Канады является ея парламентъ (crown in parliament).

Когда передъ созданіемъ нынѣшняго государственнаго строя Канады, въ Англіи и въ Канадѣ возникъ вопросъ объ объединеніи, до того несвязанныхъ между собой государственно-правовыми нормами, провинцій,—то однимъ изъ препятствій къ объединенію было существованіе на территоріи нынѣшней Канады двухъ разныхъ національностей.

Англичане-протестанты, были, какъ и теперь, большинствомъ, а французы-католики, нынѣ составляющіе свыше $\frac{1}{3}$ всего населенія Канады, были въ меньшинствѣ. Въ виду того, что французы населяли сплошную территорію (теперь называемую провинціей Квебекъ), а англичане жили сплошной массой въ другихъ мѣстахъ—актъ объ уніи 1867 г. и образовалъ объединенное федеративное государство такимъ образомъ, что національности по возможности были выдѣлены въ самоуправляющіяся провинціи. Провинціямъ было предоставлено право участія въ государственной жизни и автономныя, точно опредѣленные права регулировать жизнь провинцій. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ одна изъ двухъ національностей оказывалась въ меньшинствѣ, ей гарантировались нѣкоторыя права національнаго меньшинства (школа, языкъ).

Участіе населенія въ законодательной жизни выражается

въ слѣдующихъ формахъ: французское населеніе провинціи Квебекъ имѣетъ право посылать 65 членовъ въ нижнюю и 24 въ верхнюю палаты обще-канадскаго парламента. Эти цифры соотвѣтствуютъ пропорціи, въ которой находятся въ Канадѣ французы ($\frac{1}{3}$) и англичане ($\frac{2}{3}$) (ст. 22 и 37). Остальныя провинціи, населенныя англійскимъ большинствомъ, посылаютъ представителей пропорціонально количеству ихъ населенія (§ 51). Затѣмъ статьей 133 устанавливается, что «оба языка равноправны въ законодательныхъ учрежденіяхъ Канады и Квебека». Каждой провинціи въ свою очередь предоставляется право вырабатывать свою конституцію, имѣть свои отвѣтственныя передъ провинціальными парламентами министерства и администрацію, отправлять правосудіе въ провинціи и проч. (ст. 92).

Что касается общей исполнительной власти, общаго правительства, то здѣсь вліяніе провинцій не было прямо гарантировано конституціей, но путемъ парламентскаго обычая сложилось правило, что при составленіи кабинета министровъ принимается во вниманіе представительство отдѣльных провинцій. Такъ въ 1867 г. изъ 13 канадскихъ министровъ—французская провинція Квебекъ давала 4 министровъ, изъ нихъ одного отъ англійскаго меньшинства въ Квебекѣ¹⁾. Этотъ способъ составленія министерства напоминаетъ, какъ мы видѣли, швейцарскій.

Не меньшія гарантіи имѣетъ французское меньшинство и въ отношеніи суда. Несмотря на отсутствіе въ конституціонномъ актѣ соотвѣтственнаго постановленія, Высшій судъ составляется такъ, что изъ 6 его членовъ двое назначаются изъ провинціи Квебекъ (Корфъ, *ib.* 52). Этимъ обезпечивается знакомство судей съ французскимъ правомъ. Назначеніе и жалованье судей различныхъ степеней зависятъ отъ обще-канадскихъ властей (парламента, генераль-губернатора), при чемъ въ Квебекѣ судьи назначаются изъ числа членовъ адвокатскаго сословія этой провинціи (ст. 96—101). Что же касается отправленія правосудія въ провинціи,—включая сюда учрежденіе, содержаніе и устройство провинціальныхъ судовъ, какъ гражданскихъ, такъ

¹⁾ Вар. С. А. Корфъ, Автономныя колоніи Великобританіи. Спб., 1914, см. стр. 47.

и уголовныхъ, а равно производство по гражданскимъ дѣламъ— то все это входитъ въ компетенцію законодательной власти отдѣльныхъ провинцій (92 ст. § 14). При этомъ «во всякой тяжбѣ, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, представляемыхъ на разсмотрѣніе канадскихъ судовъ или исходящихъ отъ этихъ судовъ... и представляемыхъ на разсмотрѣніе всѣхъ судовъ Квебека или отъ нихъ исходящихъ,—одинаково употребляются, по возможности въ равной мѣрѣ, оба эти языка» (французскій и англійскій. Ст. 133).

Мы видимъ, что національное меньшинство Канады имѣетъ значительныя гарантіи своихъ правъ, въ видѣ участія въ федеральной, государственной жизни, во вліяніи на законодательство, управленіе и судъ, и въ преобладаніи въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, если національность составляетъ въ данномъ мѣстѣ большинство. Но объ націи Канады имѣютъ нѣкоторыя гарантіи и въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ онѣ въ меньшинствѣ. Главная изъ этихъ гарантій—уравненіе школъ отдѣльныхъ исповѣданій—католическихъ и протестантскихъ, изъ которыхъ первыя являются французскими школами, а вторыя—англійскими. 93 ст. подробно устанавливаетъ, что школьные законы издаются исключительно законодательными органами каждой провинціи, въ согласіи съ принципомъ равноправія. Права меньшинства защищены правомъ аппеляціи генераль-губернатору Канады. Если провинціей не будетъ изданъ школьный законъ, гарантирующій равноправіе школъ, то такой законъ можетъ быть изданъ канадскимъ парламентомъ.

Объ общихъ правахъ гражданъ въ актѣ объ уніи 1867 г. не говорится, ибо на канадцевъ, какъ на британскихъ подданныхъ, еще задолго до созданія уніи были распространены основныя свободы англійскихъ гражданъ и эти принципы, съ правовой стороны, уже тогда не вызывали споровъ²⁾. И вообще слѣдуетъ замѣтить, что и до сего времени англійское право—писанное, обычное, конвенціонное—имѣетъ большое вліяніе въ Канадѣ. Затѣмъ нѣкоторыя постановленія конституціоннаго характера были приняты или путемъ обыкновеннаго федеральнаго законодательства или парламентами провинцій. Такъ съ

1) Корфъ, ib. 20—21, также 6 и 8 стр.

1898 г. провинціи Канады получили право устанавливать свои собственные нормы избирательнаго права (Форфъ, ib. 27).

Наконецъ, послѣдній существенный пунктъ. Въ актѣ объ униі не говорится прямо, кто долженъ устанавливать права гражданъ въ будущемъ. По принципу этого акта (стт. 91—92), что не входитъ въ точный перечень полномочій парламентовъ провинціальныхъ,—то должно входить въ компетенцію общеканадскаго парламента. Поэтому нормированіе правъ гражданъ, какъ не входящее въ перечень полномочій провинцій, презумируется входящимъ въ компетенцію канадскаго федеральнаго парламента.

Большой интересъ также представляютъ для насъ національныя отношенія великой заокеанской республики. Населеніе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки образовалось и до сихъ поръ продолжаетъ шополяться изъ выходцевъ разныхъ странъ, племенъ и расъ. Несмотря на это, тамъ не существуетъ и не существовало трений въ національномъ вопросѣ, за однимъ значительнымъ исключеніемъ, о которомъ мы скажемъ ниже. Это отсутствіе національныхъ трений объясняется отчасти тѣмъ, что иммигрирующіе разнородные національные элементы распылены, разсѣяны по обширной территоріи, среди великой основной англо-американской массы. вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь благами широкой свободы и правами полноправныхъ гражданъ,—приобрѣтаемыми путемъ скорой натурализаціи,—иммигрирующіе элементы начинаютъ смотрѣть на себя прежде всего, какъ на гражданъ Соединенныхъ и отдѣльныхъ штатовъ, а ихъ національные интересы,—поскольку они остаются,—удовлетворяются уже безъ особыхъ затрудненій.

Федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ—одна изъ наиболѣе старыхъ конституцій цивилизованныхъ народовъ, поэтому въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ обычныхъ для конституціонныхъ хартій деталей. Но это не могло, однако, помѣшать политическому развитію страны, въ виду того, что штаты, взятые въ отдѣльности, оставили за собой право регулировать мѣстную жизнь на основаніи самостоятельно вырабатываемыхъ конституцій, при условіи непротиворѣчія ихъ общей федеральной конституціи.

Соединенные Штаты возникли на основаніи договора отдѣльныхъ независимыхъ штатовъ, по которому центральной власти принадлежать только тѣ права, какія прямо предоставлены ей конституціоннымъ актомъ. Значить, установление основныхъ правъ гражданъ, а также правъ національностей, принадлежать союзу въ той мѣрѣ, въ какой это допускается конституціей. Что же мы находимъ въ ней? Въ первоначальномъ текстѣ конституціи 1787 г. и десяти первыхъ дополнительныхъ статьяхъ мы видимъ довольно краткій и не вполне ясный перечень правъ, имѣющихъ отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Не установленъ даже принципъ равенства правъ всѣхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, но лишь то, что «граждане каждаго штата будутъ пользоваться всѣми привилегіями и вольностями гражданъ всѣхъ остальныхъ штатовъ» (ст. IV). Провозглашается неприкосновенность личности, жилища, документовъ и привилегія habeas corpus (дополн. IV и I ст. 9 разр.). Первая статья дополненія запрещаетъ конгрессу Соединенныхъ Штатовъ издавать законы, ограничивающіе свободу вѣроисповѣданія, слова, печати, собраній, петицій. По дополнительной X статьѣ, права, не переданныя Соед. Штатамъ, остаются въ пользу отдѣльныхъ штатовъ или народа. Что касается специально правъ національностей, то прямо о нихъ ни разу не говорится, какъ не употребляются въ федеральной конституціи термины—языкъ, національность, національный языкъ. О вѣроисповѣданіи сказано, что «никогда не должны быть предъявляемы требованія относительно опредѣленнаго религіознаго исповѣданія, какъ условія для занятія должности или исполненія общественной обязанности въ Соединенныхъ Штатахъ». Но эта VI статья относится только къ должностямъ Соединенныхъ, а не взятыхъ въ отдѣльности, Штатовъ.

Вотъ нѣсколько правъ личности и гражданина, которыя были предоставлены первоначально союзу. Другія права остались въ компетенціи отдѣльныхъ штатовъ и ихъ конституцій.

Кромѣ того, всѣми штатами въ отдѣльности была удержана за собой обширная сфера самостоятельныхъ правъ въ области законодательства, управленія и суда, при условіи непротворѣчія ихъ федеральнымъ законамъ. Что касается школы,

го характеръ ея, по мѣстному праву, мѣняется не только отъ штата къ штату, но и отъ общины къ общинѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ меньшія національности въ значительномъ количествѣ, онѣ смогли добиться того или иного признанія штатомъ своихъ національныхъ правъ. Во всякомъ случаѣ, общія условія свободнаго режима, правовой порядокъ, республиканскій строй всѣхъ штатовъ, гарантированный IV статьей федеральной конституціи—сильно способствовали смягченію національныхъ трений.

Однако, всѣ эти блага относились только къ бѣлому населенію Соединенныхъ Штатовъ. Негры—рабы находились совершенно въ иныхъ правовыхъ условіяхъ и ихъ рабское состояніе было въ глубокомъ противорѣчьи съ принципами свободы, провозглашенными конституціей, какъ Соединенныхъ, такъ и отдѣльныхъ штатовъ. Статьей 1-й допускаются до 1808 года ввозъ негровъ, которые, впрочемъ, не были названы прямо. Неясно было, что же допускалось статьей *посль* 1808 года, что и вызвало въ послѣдствіи многочисленные и страстные споры. Вспыхнувшая въ 60 гг. война и побѣда промышленнаго и прогрессивнаго сѣвера надъ плантаторскимъ реакціоннымъ югомъ—привели къ освобожденію негровъ отъ рабства на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Это и выразилось въ добавленіи къ конституціи 13, 14 и 15 дополнительныхъ статей. Непосредственная цѣль этихъ статей—отмѣна рабства и уравненіе населенія въ правахъ, независимо отъ ихъ расы, цвѣта кожи и прежняго состоянія въ рабствѣ, но общее значеніе ихъ для разныхъ національностей гораздо больше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ.

Въ общей формѣ здѣсь устанавливается, что «лица, рожденныя или натурализованныя въ Соединенныхъ Штатахъ... являются гражданами Соединенныхъ Штатовъ и штата, гдѣ они проживаютъ. Ни одинъ штатъ не будетъ издавать и примѣнять законовъ, которые ограничивали бы привилегіи и права гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, и ни одинъ штатъ не будетъ... отказывать кому бы то ни было, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, въ равномъ покровительствѣ законовъ». (XIV ст. допол.). Дополненіемъ XV гарантируется въ извѣстной мѣрѣ всеобщность избирательнаго права гражданъ независимо отъ ихъ происхожденія: «число представителей (въ федеральномъ

конгрессѣ. Я. Е.) должно быть распредѣлено между различными штатами сообразно ихъ населенію... Но когда въ правѣ голоса при выборахъ... будетъ отказываемо какимъ либо жителямъ . . . штата... то число представителей этого штата будетъ уменьшаемо пропорціонально...»¹ Слѣдовательно, при всякой попыткѣ отдѣльнаго штата уменьшить количество избирателей какой-либо части населенія, число депутатовъ отъ штата въ общемъ конгрессѣ уменьшается, значитъ, уменьшается и вліяніе этого штата на общія дѣла федераціи, что ему невыгодно.

Право издавать законы въ развитіе трехъ послѣднихъ дополнительныхъ статей предоставлено общему федеральному конгрессу.

II.

Теперь попытаемся установить нѣкоторыя общія черты въ рѣшенія національнаго вопроса заключается въ провозглашеніи разсмотрѣннй конституцій. Намъ предстоитъ выяснить 2 вопроса. Во-первыхъ, какъ опредѣляются права національностей со стороны ихъ содержанія (матеріальная сторона)? и во-вторыхъ, кому, какимъ органамъ принадлежитъ право опредѣлять права національностей въ государствахъ національностей (формальная сторона)?

Первый и наиболѣе общій способъ публично-правового рѣшенія національнаго вопроса заключается въ провозглашеніи равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Но само по себѣ это недостаточнѣе обезпечиваетъ права національностей.

Поэтому является необходимымъ установить индивидуальныя и политическія свободы для всѣхъ гражданъ, безъ различія ихъ національности. Наиболѣе существенной опорой при этомъ является право гражданъ группироваться въ различные союзы, напр., въ союзы по организациіи школьнаго дѣла. Хорошо редактированное, обезпеченное конституціонными гарантіями право союзовъ открываетъ въ извѣстной мѣрѣ путь къ рѣшенію многообразныхъ задачъ національно-культурнаго характера. Въ этомъ случаѣ свобода передвиженія, печати, союзовъ, собраний, распространеніе политическихъ свободъ на

все население—являются, слѣдовательно, уже лучшими, чѣмъ голый принципъ равноправія, хотя все еще не непосредственными способами удовлетворенія національныхъ требованій.

Поэтому, къ указанному—въ конституціяхъ нѣкоторыхъ странъ—прибавляются либо *прямые* постановленія о правахъ національныхъ меньшинствъ и національностей, какъ таковыхъ; либо косвенныя постановленія о нихъ, какъ о единыхъ вѣроисповѣдныхъ группахъ, или коллективахъ, употребляющихъ единый языкъ.

Но все это неполнѣ разрѣшаетъ національный вопросъ.

Другой путь удовлетворенія національныхъ требованій—это выдѣленіе націй въ отдѣльныя территоріи, на которыхъ имъ предоставляется болѣе или менѣе обширный объемъ правъ законодательства по мѣстнымъ дѣламъ, управленія и суда. Однако этотъ путь территоріальной автономіи не всегда возможенъ и удобенъ, въ особенности, если національность представляетъ ничтожный процентъ населенія, разсѣянный небольшими группами между сильно преобладающей массой другой національности.

Наконецъ для разрѣшенія національнаго вопроса возможенъ еще одинъ путь, который пока является лишь теоретическимъ построеніемъ,—именно,—послѣдовательное осуществленіе идеи національной автономіи, которая обезпечиваетъ государственно-правовой характеръ за союзомъ лицъ, заявившихъ о своей принадлежности къ данной націи, внѣ зависимости отъ мѣста ихъ жительства. Здѣсь устраняется плоскость для межнациональныхъ трений. Каждый такой союзъ дѣлается составной частью государственнаго организма, съ правомъ на использование для своихъ національныхъ нуждъ общихъ средствъ государства въ извѣстной пропорціи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что національная автономія связывается ея сторонниками съ территоріальной автономіей округовъ. Это рѣшеніе предлагается главнымъ образомъ австрійскими политиками и юристами, напр., Шпрингеромъ, Отто Бауэромъ, Кульчицкимъ—и принято въ 1899 г. Брюнскимъ парламентомъ австрійской с.-д.—тіи ¹⁾.

1) Текстъ Брюнской резолюціи см. Отто Бауэра, Национальный вопросъ и с.-д.—тія, СПБ. 1909, 550-ая или въ сокращенномъ видѣ у Р. Шпрингера (Реннера), Национальная проблема, СПБ., 1909, стр. 286-ая.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, кому принадлежить право опредѣлять права національностей.

Что касается единыхъ и суверенныхъ государствъ, какъ Россія, Венгрія и Бельгія, то здѣсь рѣшеніе съ юридической точки зрѣнія ясно: государственная, центральная власть рѣшаетъ и оставляетъ за собой въ полномъ объемѣ право рѣшать эти вопросы.

Не такъ ясно положеніе въ болѣе сложныхъ государственныхъ образованіяхъ. Здѣсь, съ формальной точки зрѣнія, приходится различать между: 1) свободнымъ союзомъ, гдѣ стороны выступаютъ въ договорѣ по свободному желанію, и 2) принудительнымъ союзомъ, существующимъ даже вопреки волѣ одной или нѣсколькихъ частей.

Въ первомъ случаѣ, если устанавливаются договорныя междувластные отношенія двухъ государствъ,—нормированіе правъ національностей относится къ компетенціи каждой изъ договаривающихся сторонъ. Оно, конечно, можетъ быть передано общему органу но можетъ и не быть, что наблюдается чаще. Въ результатѣ — все рѣшаетъ добрая воля равноправныхъ государствъ (Австрія—Венгрія; Венгрія—Хорватія).

Во второмъ случаѣ, при отношеніяхъ властныхъ, право нормированія принадлежитъ суверенной государственной власти. Учредительная власть сама устанавливаетъ объемъ правъ автономныхъ частей. Автономныя части могутъ получить, въ силу добровольной делегации (порученія) отъ государственной власти право нормировать національныя меньшинства, но формально это право будетъ не самостоятельное, а уступленное и можетъ слѣдовательно и не быть получено автономной частью. (Отношеніе Австріи къ своимъ короннымъ землямъ; Венгрии—къ національностямъ).

Нѣкоторую особенность представляютъ тѣ федераціи, которыя имѣютъ договорное происхожденіе, возникнувъ изъ союза государствъ. Такъ въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ право нормировать положеніе національностей принадлежитъ союзу (федераціи) въ болѣе или менѣе широкихъ границахъ, опредѣленно установленныхъ конституціей.

Выводы, полученные изъ общаго обзора, даютъ намъ возможность перейти къ *Россіи*.

Россія является единымъ государствомъ (отношенія къ Финляндіи мы не касаемся) и какъ таковому—право опредѣлять права національностей принадлежитъ Россіи. До сего времени, порядокъ, который здѣсь примѣнялся, не соотвѣтствовалъ ни интересамъ государства въ цѣломъ, ни интересамъ большинства русскаго народа, ни интересамъ отдѣльныхъ національностей. Эти порядки должны въ будущемъ измѣниться. Но въ какомъ направленіи?

Свободное самоопредѣленіе націи является путеводной звѣздой въ развитіи націи. Но,—какъ говоритъ Отто Бауэръ,—въ условіяхъ капиталистическаго общества идеаломъ національнаго сожительства должна быть національная автономія, на основѣ автономнаго мѣстнаго управленія, безразлично, въ какія государственныя рамки эти націи ни втиснуты, и всякій реально мыслящій «человѣкъ долженъ стремиться къ урегулированію національныхъ отношеній въ данныхъ государственныхъ рамкахъ» (О. Бауэръ, стр. 528 и 526).

Мы и исходимъ изъ предположенія, что дальнѣйшее развитіе національныхъ отношеній будетъ протекать правомѣрно въ государственно-правовыхъ формахъ, и что Польша получитъ автономію ¹⁾. Къ этому насъ приводятъ и разныя другія соображенія. Программнымъ требованіемъ всѣхъ главныхъ партій русской Польши до войны была автономія; это же требованіе скорѣе всего останется и для близкаго будущаго, когда улягутся настроенія, вызванныя войной. Значить, поляки, какъ политики, высказываются за государственно-правовое единеніе Польши съ Россіей, влекущее подчиненность Польши государственному цѣлому. Послѣ войны соотношеніе русскихъ и польскихъ политическихъ силъ самихъ по себѣ не измѣнится и въ такомъ случаѣ государственная связь Польши съ Россіей остается. Наконецъ, тѣ силы (европейскія державы), которыя будутъ вершать судьбы народовъ послѣ войны, мало заинтересованы въ устройствѣ русской Польши и во всякомъ случаѣ не будутъ имѣть ни силы, ни возможности рѣшающе вліять на публично-правовыя отношенія Россіи и Польши. Дѣло это, насколько можно предвидѣть, останется внутреннимъ, русско-польскимъ,

¹⁾ См. нашу статью: „Къ предстоящему государственно-правовому устройству Польши“ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, книга VII—VIII 1914 г.

т.-е., съ формальной стороны—результатомъ развитія государственно-правового.

А если это такъ, *если развитіе будетъ протекать въ правовыѣ формахъ, если учредительная власть, устанавливающая автономію Польши, будетъ принадлежать русскому государству,—то Россіи же будетъ принадлежать право устанавливать основныя учрежденія Польши, основныя права гражданъ и національностей.*

Этотъ выводъ подтверждается предшествующимъ юридическимъ обзоромъ конституцій правовыхъ государствъ Европы и Америки.

Но русская власть имѣетъ не только право, но и прямую обязанность : гарантировать національныя меньшинства въ Польшѣ. Эта обязанность была признана въ опредѣленный моментъ и существующей властью и формулирована 1-го августа 1914 года въ обращеніи Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ такъ: «одного ждетъ отъ Васъ Россія—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ національностей, съ которыми связала васъ исторія». Но—noblesse oblige... — Это обращеніе, не имѣетъ, конечно, обязательной силы закона, но оно обязало власть поддерживать права національныхъ меньшинствъ предъ законодательными органами при обсужденіи въ будущемъ закона объ автономномъ устройствѣ Польши.

Указываемое нами рѣшеніе диктуется не только правомъ и обязанностью Россіи, но и интересами правового государства въ защитѣ меньшинствъ отъ подавленія ихъ большинствомъ...

Конечно, можно мыслить и другой ходъ развитія Польши, когда ея государственно-правовое устройство зависѣло бы только отъ ея собственной воли. Въ этомъ случаѣ установленіе правъ національныхъ меньшинствъ стало бы внутреннимъ дѣломъ Польши. Однако для послѣдняго пути развитія мы не видимъ реальныхъ условій въ ближайшемъ будущемъ.

Отъ государства съ его правами и интересами перейдемъ къ заинтересованнымъ національностямъ—полякамъ и евреямъ. Начнемъ съ первыхъ.

Конечно, *поляки*, являющіеся большинствомъ на польской территоріи, тоже имѣютъ нѣкоторыя права и законные интересы въ опредѣленіи правъ меньшихъ національностей, насе-

ляющихъ Польшу. Но при верховныхъ правахъ Россіи, эти права поляковъ, съ формальной точки зрѣнія, являются производными и, слѣдовательно, они могутъ получить свое выраженіе только въ силу делегации (порученія) или признанія ихъ Россіей. Да и въ этомъ случаѣ—права большинства (впрочемъ, какъ и права государства) имѣютъ свои предѣлы, за которые они не должны выходить. Этой сферой, свободной отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства, является совокупность личныхъ правъ, правъ гражданина, а въ государствахъ національностей также и права національныхъ меньшинствъ. Эта сфера правъ возникаетъ на почвѣ развивающихся социальныхъ и индивидуальныхъ потребностей и вторженіе въ нее не является необходимымъ въ интересахъ социального прогресса. Права меньшинства съ такой публично-правовой точки зрѣнія могутъ и должны быть гарантированы хотя бы вопреки желанію мѣстнаго большинства (въ данномъ случаѣ польскаго), такъ какъ смыслъ основныхъ правъ гражданъ и правъ меньшинства заключается въ томъ именно, чтобы государство обезпечило въ опредѣленной сферѣ личность и меньшинство отъ подавленія ихъ большинствомъ, не нарушая правъ послѣдняго. А такого подавленія со стороны господствующихъ нынѣ силъ польскаго общества какъ разъ и приходится опасаться. Въ 1-й и 2-й Государственныхъ Думахъ польское коло, выставляя требованіе автономіи Польши, признавало этимъ властный характеръ отношеній Россіи къ Польшѣ. Внося во 2-ю Думу свой законопроектъ автономіи Польши, коло еще признавало равноправіе языковъ русскаго, литовскаго и малорусскаго, но уже тогда исключило изъ этого еврейскій языкъ, на которомъ говорить въ краѣ самый многочисленный послѣ поляковъ народъ (14%). Съ тѣхъ поръ національныя взаимоотношенія въ Польшѣ сильно обострились. Вплоть до войны вліятельнѣйшія польскія партіи и слои выступали съ лозунгомъ бойкота евреевъ. Во время войны идея бойкота вылилась въ еще болѣе непривлекательныя формы... И къ этому причастны не одни народовцы... Только социалистическія партіи свободны отъ антисемитизма и шовинизма, но онѣ не являются господствующими въ краѣ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что поляки, какъ преобладаю-

щая нація, не имѣютъ права претендовать на роль ни единственныхъ, ни главныхъ вершителей судебъ меньшихъ націй. Мыслимо и даже правомѣрно нормированіе права' меньшинства *противъ* воли мѣстнаго большинства.

Правильно понятыя интересы поляковъ даже требуютъ, чтобы они признали хотя бы и такой путь рѣшенія національныхъ и еврейскаго вопросовъ. Вѣдь этимъ устранилось бы съ пути одно изъ препятствій возрожденія Польши — внутренніе раздоры. Если бы поляки захотѣли считаться также съ тѣмъ, что національные распри только на руку реакціи. Руководящія круги польскаго общества должны также согласиться и съ той мыслью, что въ Россіи искреннее, длительное и активное сочувствіе и поддержку своимъ желаніямъ они могутъ встрѣтить только у демократическихъ и прогрессивныхъ группъ. Эти симпатіи имъ будутъ обезпечены до тѣхъ поръ и постольку, пока и поскольку они не захотятъ использовать свою власть для притѣсненія другихъ національностей.

Отъ поляковъ переходимъ къ *евреямъ*.

При установленіи нормъ должно считаться не только съ желаніемъ большинства, но и съ подлежащимъ регулированію меньшинствомъ. Руководящимъ принципомъ при этомъ должно быть самоопредѣленіе національностей. Съ этой точки зрѣнія предполагаемый носитель права національности — скажемъ, еврейское населеніе — имѣетъ право принять поддержку своихъ національныхъ правъ, съ какой бы стороны она ни шла (съ русской или польской), если она ставитъ національность въ правовыя условія, уравнивающія ее съ другими націями. Русины въ Галиціи въ борьбѣ съ поляками, а нѣмцы въ Богеміи въ борьбѣ съ чехами неоднократно обращались за поддержкой своихъ правъ къ центральной австрійской власти, и едва-ли можно ихъ за это осуждать.

А еврей въ Польшѣ? Какъ бы выразилось тамъ ихъ самоопредѣленіе? Выказались ли бы они за гарантію ихъ правъ государствомъ, или удовлетворились передачей вопроса на самостоятельное рѣшеніе поляковъ? При нынѣшнихъ общероссійскихъ ненормальныхъ условіяхъ трудно объ этомъ судить увѣренно, но намъ кажется, что какъ каждая нація меньшинства,

евреи, опять за вычетомъ социалистическихъ партій, приняли бы гарантіи своей національности государствомъ, какъ они приняли уравненіе ихъ въ гражданскихъ правахъ съ поляками и уничтоженіе черты осѣдлости въ Польшѣ, которыя получили въ 1862 г. при Велепольскомъ.

Если судить по партійнымъ теченіямъ въ средѣ польскаго еврейства, то, можно сказать, здѣсь вообще евреи не являлись сторонниками крайнихъ польскихъ національныхъ требованій. Дальше автономіи Польши не шли ни еврейская рабочая партія, ни націоналисты, ни сіонисты. Признаніе же со стороны евреевъ автономныхъ отношеній Польши къ Россіи неизбежно влечетъ за собой признаніе за суверенной государственной властью права нормировать національныя меньшинства. Не такъ ясна позиція ассимиляторѣвъ, немногочисленного верхняго слоя еврейства, менѣе другихъ заинтересованнаго въ судьбахъ своей демократіи, т.-е. своей національности. Но, думаемъ, что и они, поскольку остаются евреями, выскажутся за равноправіе, будетъ ли оно исходить отъ суверенной или подчиненной власти. Нормированіе національныхъ правъ со стороны Россіи представляло бы цѣнность для евреевъ уже потому, что оно послужило бы лишь исходной точкой, иѣкоторымъ минимумомъ для отстаиванія правъ націи. Примѣненіе же нормъ на практикѣ (и ихъ дальнѣйшее развитіе, если это возможно и нужно для національности) подлежало бы вѣдѣнію мѣстныхъ органовъ, т.-е. не шло бы наперекоръ правамъ автономной Польши.

Итакъ. Поскольку будущее устройство Царства Польскаго явится результатомъ правового развитія Россіи — установленіе исходныхъ принциповъ правъ національностей—равенства передъ закономъ всѣхъ гражданъ, независимо отъ принадлежности къ расѣ, племени или вѣроисповѣданію и пр.—возлагается ходомъ того же развитія на центральную власть. Но дальнѣйшее развитіе права націй потребууетъ, быть можетъ, измѣненія источниковъ регламентаціи этихъ правовыхъ отношеній... Вмѣсто принужденія установится самоопредѣленіе...

Этими строками мы и закончимъ нашъ обзоръ. Скажемъ только въ заключеніе, что *полное* обезпеченіе правъ поляковъ.

евреевъ и всѣхъ прочихъ, населяющихъ Польшу, народностей, будетъ тѣснымъ образомъ связано съ развитіемъ общественности и демократизаціей русскаго государства и съ освобожденіемъ стъ опеки всѣхъ живыхъ силъ страны.

Я. Г. Емельяновъ.

ТЕРРИТОРІАЛЬНА І КУЛЬТУРНО-НАЦІОНАЛЬНА АВТОНОМІЯ.

Настоящая война вызвала на очередь постановку національной проблемы. Можно не верить в ее успешное разрешение, можно усматривать основной двигатель грандиозного столкновения народов в чем-то ином, лежащем за пределами национальных задач, но нельзя не усомниться в том, что с настоящей войной связаны судьбы многих национальностей, что на исход войны одни народы взирают с тревогой, другие с надеждой. Оправдаются ли надежды одних, и сбудутся ли опасения других—трудно предугадать. Сама стихийная катастрофичность событий мешает давать точные предсказания, но важно установить глубокую национальную заинтересованность, вызванную войною. Это факт, и этого одного уже достаточно, чтобы поставить национальный вопрос, как назрелый вопрос. Поставлено на карту существование маленьких народностей, пользовавшихся благами независимого государственного существования. На жизнь Сербии и Бельгии совершено покушение. Яд разложения, вызванный войною, проник в государства со смешанным национальным составом—Австро-Венгрии и Турцию. В России поляки, евреи, грузины и армяне непосредственно испытывают давление военных действий. А итальянская ирредента, а румынское тяготение к своему оторванному отпрыску. Все это начинено горючим материалом, все это ждет разрядки...

Поставлена национальная проблема и для поляков не в качестве *via desiderata*, туманной мечты, мистического блуждания, а реальной политической задачи. Об автономной Польше, как задаче современности, можно говорить со всей глубокой серьезностью. Принятие первых ударов войны Польшей, Воззвание Верховного Главнокомандующего, деятельность обыва-

тельскихъ комитетовъ, живые отклики русскаго прогрессивнаго общества, согласованные отзвуки союзной дипломатіи и, независимо отъ нея, горячее сочувствіе европейской демократіи—вогъ вѣхи, по которымъ шло сознаніе и вышло на дорогу созрѣвшей серьезной соціально-политической проблемы.

Возрожденіе Польши многимъ рисуется какъ единичный катастрофическій актъ, открывающій сразу новую эру въ жизни угнетеннаго народа. Такая перспектива мыслима, но она не исключаетъ иной—эволюціонной. Событія не всегда совершаются стихійно, а являются такими же соціальными процессами, какъ всякое укрѣпленіе конституціонныхъ началъ. Завоеваніе національныхъ правовыхъ гарантій не есть внезапное обрѣтеніе потеряннаго рая. Потеря и обрѣтеніе независимости могутъ оказаться длительными процессами деградации и оздоровленія.

Поэтому, если бы даже рамки будущаго самоуправленія Польши при неблагоприятной конъюнктурѣ были сужены, онѣ лишь въ процессѣ борьбы за укрѣпленіе и развитіе правовыхъ нормъ, положенныхъ въ основаніе самоуправленія, раздвинутся до принципиальной выдержанности автономнаго начала. Стадіи псевдо-автономности могутъ быть такими же историческими пролегоменами ко всякой будущей автономіи, какъ псевдо-конституціонализмъ ко всякой будущей конституціи. Поэтому, какъ бы ни были скромны ближайшія перспективы, уклоняться отъ обсужденія реализаціи вопросовъ автономности было бы ошибкой и, обсуждая ее, нужно исходить изъ автономнаго начала, не считаясь съ уродливыми уклоненіями и отступленіями отъ него.

Въ связи съ территоріальной автономіей Польши выдвигается другой принципъ—защита національнаго меньшинства. Этотъ принципъ не является просто придаткомъ къ началу территоріальной автономіи, но въ современномъ многоплеменномъ государствѣ мыслится какъ его коррелятъ.

Если исторически онъ еще не выступилъ близко на авансцену, то это объясняется лишь тѣмъ, что и принципъ территоріальной автономіи является пока лишь политическимъ лозунгомъ неосуществимымъ и не оведественнымъ въ соціальную матерію.

Субъектами культурно-национальной автономии в Польше являются все меньшинства национальности на ее территории, в том числе и евреи. То обстоятельство, что полякам и евреям суждено осуществлять этот политический коррелят, делает постановку национальной проблемы еще более поучительной.

В самом деле, казалось, что Польша наиболее близко подошла к разрешению своей национальной проблемы. Необычный подъем национальных сил, претворение идеи самоуправления в сознании русского общества, стратегическое положение Польши, благоприятный международный фактор—сделали идею автономии Польши наиболее популярным лозунгом современности. А евреи?

.
.
.

. Можно ли говорить о каких-либо национальных правовых гарантиях, когда население разорено, истощено, когда люди в паническом страхе бегут без оглядки и, гонимые ветром, как пыль, поднялись, охваченные ураганом, или безумно притаились в подвалах. При таких условиях, меньше всего кажется своевременным поднимать вопросы политическо-национальной автономии. И все же национальная проблема евреев и поляков в Польше наиболее ягуче и злободневно стоит перед политиком, задумывающимся над польско-еврейскими отношениями. Нужды нет, что в решении этой проблемы скрещены интересы двух наций, из которых одна не возбуждает никакого сомнения в своем национальном лице, а другая сама в определенной части своей же среды не уверена в своем национальном облике. Одна считает национальную автономию единственным решением своей национальной проблемы, другая, опять-таки в определенных слоях своей же среды, встречает скептическими улыбками идею образования национально-правового юридического лица для удовлетворения культурно-национальных нужд.

Къ сожалѣнію, и нѣкоторые русскіе поборники еврейскаго равноправія не вполне ориентируются въ польско-еврейскихъ отношеніяхъ и единственнымъ выходомъ для урегулированія польско-еврейскихъ отношеній считаютъ отмѣну правовыхъ ограниченій, въ частности — черты осѣдлости. Этотъ взглядъ объясняется тѣмъ, что передъ русскою демократіей имѣется другая перспектива — положеніе евреевъ въ государствѣ. Еврейскій народъ не противопоставляется русскому народу. Разумѣется, съ уничтоженіемъ правовыхъ ограниченій для евреевъ и въ Россіи станетъ остро въ политическомъ смыслѣ вопросъ національной культуры. Гражданская приниженность евреевъ временно завлакиваетъ на политическомъ горизонтѣ вопросы еврейской національной культуры. Въ задачи настоящей статьи не входитъ доказательство той мысли, на которой должно и слѣдовало бы остановиться, что евреи — нація со своей культурой, своимъ историческимъ прошлымъ, своей литературой. Приходится поэтому исходить изъ этой уже готовой предпосылки, чтобы поставить вопросъ о конструированіи еврейской національности, какъ юридическаго субъекта правъ, какъ и всякой другой національности. И если эта задача не ставится *пока* въ Россіи въ качествѣ очередной, то это потому лишь, что передъ нами стоитъ еще болѣе очередная задача — вопросъ о гражданскомъ равноправіи. Иное положеніе въ Польшѣ, гдѣ евреи уже противопоставляются не только государству, но и полякамъ, гдѣ происходитъ уже конфликтъ по линіи національнаго дѣленія: по линіи подлинной борьбы за національную культуру. Гражданское безправіе евреевъ могло только придать беззастѣнчивыя и уродливыя формы этой борьбѣ. Объ этомъ свидѣлствуетъ вся исторія польско-еврейскихъ отношеній, начиная съ бойкота. Пока на политическую авансцену не выступала еще еврейская демократія, пока польское еврейство представлено было съ одной стороны ассимиляціей, съ другой хасидизмомъ, можно было еще питать иллюзію относительно растворенія еврейства. Но появились массы со своей жаждой культуры и просвѣщенія, самодѣятельности со своимъ жгучимъ рвеніемъ къ активному рѣшенію собственныхъ соціальныхъ проблемъ. Эти стремленія не могли облечься въ національ-

ныя формы, не потому, что это были національныя формы, а потому, что только національныя формы могли обезпечить широкій доступъ массамъ къ подлиннымъ благамъ культуры. Обнаружилось это теченіе — и прошли прекрасные дни въ Аранжуецѣ». Еврейская опасность стала угрожать польской буржуазіи и мѣщанству. Господствующіе классы въ Польшѣ не могли помириться съ возрожденіемъ еврейской культуры, съ пробужденіемъ національнаго самосознанія. Конечно, въ основѣ этой борьбы лежали и матеріальные интересы — стремленіе къ рынкамъ, къ захвату торговли и промышленности, которыя слабо развиты у поляковъ. Но экономическая конкуренція всегда и у всѣхъ народовъ претворялась еще въ форму борьбы за національную культуру. Къ сожалѣнію, слишкомъ мало учитываются вопросы національной культуры, какъ факторъ экономической конкуренціи и матеріальнаго обладанія. Тамъ, гдѣ національности связаны общими хозяйственными узами, національныя буржуазіи не въ состояніи успѣшно вести непосредственную экономическую борьбу за свои интересы, ибо онѣ не обладаютъ средствами борьбы — самостоятельныхъ государствъ, какъ войны, таможенные тарифы, торговые договоры. Хозяйственная жизнь въ предѣлахъ одной территоріи настолько тѣсно сплетена, что насильственное давленіе въ одной части не можетъ не вызвать разстройства въ другой. Наиболѣе успѣшная націонализація экономики, это націонализація культуры, ибо чѣмъ больше культурныхъ благъ отвоюетъ для себя одна національность, тѣмъ меньше ихъ достанется на долю другой — и наоборотъ. Оттираніе на задній планъ «инородца», изолированіе его отъ благъ культуры, даетъ и давало и экономическое превосходство и преобладаніе. Маіоризація господствующими классами Польши еврейскихъ массъ означала бы обреченіе послѣднихъ на тьму и невѣжество, на культурное пониженіе и, слѣдовательно, и на экономическое разореніе и нищету. Отсюда походить на «ненавистный» жаргонъ, на всякое проявленіе культурной самобытности.

Въ этомъ смыслѣ отмѣна правовыхъ ограниченій, въ частности, черты осѣдлости — не можетъ принести національнаго мира. Напротивъ, для польскихъ антисемитовъ отмѣна черты осѣдлости явилась бы однимъ изъ средствъ эвакуаціи части

евреевъ изъ Польши во внутреннія губерніи. Они съ радостью привѣтствовали бы отмѣну черты осѣдлости, но съ ея отмѣной еврейство не разбѣжалось бы во всѣ стороны, и Польша по-прежнему осталась бы ареной вражды. Вотъ почему для демократіи и ея авангарда, въ особенности, лозунгъ культурно-національной автономіи долженъ стать самымъ ягучимъ настоятельнымъ вопросомъ политической современности. Кто хочетъ нести Польшѣ оливковую вѣтвь мира, а не терніи распрей и раздоровъ, долженъ на ряду съ требованіемъ территоріальной автономіи для Польши выставить и требованіе культурно-національнаго самоуправленія и для ея еврейскаго національнаго меньшинства, а не ограничиться половинчатымъ рѣшеніемъ вопроса — однимъ гражданскимъ равноправіемъ. Пусть каждая нація творить безпрепятственно свои культурныя цѣнности безъ насильственнаго вмѣшательства одной въ судьбы другой — вотъ задача умиротворенія края.

Такимъ образомъ, постановка національной проблемы въ Польшѣ выдвинула вопросъ территоріальной и культурно-національной автономіи.

Территоріальная автономія является первой ступенью на пути освобожденія націи. Пока государство разсматриваетъ всѣхъ подданныхъ какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь принципѣ самоуправленія. Отдѣльныя націи не имѣютъ ничего отличительнаго, что требовало бы законодательнаго регулированія. Всякое національное тяготѣніе разсматривается какъ опасный сепаратизмъ, какъ стремленіе къ отпаденію. Чѣмъ сильнѣе это тяготѣніе къ своему языку, къ своему быту, къ своей исторіи, къ своей культурѣ, тѣмъ кажется это болѣе опаснымъ для государственнаго организма. Такимъ образомъ, создается польская, литовская, украинская, армянская и другія опасности.

Конечно, репрессивныя мѣры, какъ бы рѣшительно и энергично онѣ ни проводились, въ концѣ-концовъ оказываются безсильными и тщетными съ точки зрѣнія даже государственной нивеллировки, ибо приводятъ къ обратнымъ результатамъ.

Какъ бы «державная» народность ни сопротивлялась цен-

треблѣннымъ національнымъ стремленіямъ, блага представительнаго строя начинаютъ служить точкою опоры въ стремленіи къ національной самобытности націй «недержавныхъ». Вѣдь конституціонализмъ есть ни что иное, какъ разрѣшеніе государственныхъ противорѣчій между государствомъ и обществомъ, т.-е. между сувереннымъ территориализмомъ и безправнымъ коллективомъ. Государственный абсолютизмъ есть воплощенный территориализмъ. Конституціонализмъ пробиваетъ брешь въ твердынь территориализма. Свобода собраній, союзовъ, печати и другія конституціонныя завоеванія являются отчужденіемъ сферы компетенціи отъ государства въ пользу гражданъ и лицъ, объединенныхъ социальными убѣжденіями и интересами—и въ этомъ смыслѣ служатъ персональному началу, которое въ правовомъ государствѣ вытѣсняетъ территориалистическую деспотію. Вотъ почему для «державной» народности побѣда надъ угнетенной народностью есть въ истинномъ смыслѣ Пиррова побѣда, покупаемая цѣною подрыва въ самихъ основаніяхъ конституціонныхъ началъ. Отрицаніе за націей права на самоопредѣленіе есть въ то же время отрицаніе за совокупностью лицъ, связанныхъ общностью интересовъ, какого бы то ни было права на нормированную и организованную защиту своихъ интересовъ. Такое отрицаніе правъ національнаго юридическаго лица подрываетъ въ корнѣ конституціонный принципъ и столь же вредно господствующей, какъ и угнетенной національности. Представительный строй, если не хочетъ подрубить тотъ сукъ, на которомъ онъ самъ сидитъ, долженъ, въ концѣ-концовъ, выйти на путь законодательнаго регулированія сферы національныхъ нуждъ, примиряя обще-государственные интересы съ одной стороны и національные съ другой. Первой стадіей этого регулированія является территориальная автономія. Происходитъ размежеваніе сферы компетенціи государства и области. Государство отчуждаетъ отъ себя опредѣленные права и передаетъ ихъ въ вѣдѣніе области. Область воспринимаетъ отъ государства опредѣленные права и нормируетъ ихъ. Предѣлы правъ территориально-національнаго самоуправленія строго очерчены общегосударственнымъ законодательствомъ. Государство сохраняетъ свой суверенитетъ, зорко

охраняя границы отчужденной сферы компетенціи въ пользу націи.

Но какой же принципъ лежитъ въ основѣ національнаго самоуправленія?

Съ перваго взгляда территоріальный принципъ кажется безспорнымъ. Возрожденіе *польскаго народа* немислимо безъ возрожденія *Польши*, даже безъ воссоединенія растерзанныхъ кусковъ Польши въ единое цѣлое. Можно ли представить себѣ, чтобы поляки могли себя чувствовать свободной націей, не имѣя территоріи, въ предѣлахъ которой могло бы развиваться національное бытіе? Все, что связано съ территоріей Польши, связано и съ судьбами самой польской націи.

Краевое самоуправленіе насыщено національнымъ содержаниемъ; оно мыслится, какъ единственный путь достиженія національнаго равноправія. Черезъ краевой законодательный органъ, какъ черезъ главный фокусъ, должны пройти всѣ лучи возрожденія языка, культуры. Отнимите территорію—и какъ будто нѣтъ и націи. Съ этой точки зрѣнія понятна и борьба за «національную географію».

Не является ли территорія необходимымъ признакомъ націи и можетъ ли одно краевое самоуправленіе дать разрѣшеніе національной проблемы? Я не стану вдаваться въ анализъ самого понятія націи. Это вышло бы изъ рамокъ настоящей статьи, и для нашихъ цѣлей этого не требуется. Достаточно лишь опредѣлить, является ли территорія неотъемлемымъ признакомъ націи или, напротивъ, можно ли мыслить націю, какъ объединенный личный союз на почвѣ культурной общности. Не подлежитъ сомнѣнію, что школа, языкъ, культура—потребности національнаго характера. Стоитъ только прочесть обо всемъ томъ, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ национальной борьбѣ, перелистать газетные отчеты изъ этой области о парламентскихъ засѣданіяхъ, собраніяхъ, съѣздахъ и партейтагахъ, чтобы убѣдиться, что предметомъ національныхъ треній служатъ языкъ, школа, культура. Но вѣдь эти нужды, наиболѣе національно окрашенныя, не связаны признакомъ территоріальности. Онѣ не исчезаютъ съ переходомъ изъ одной области въ другую и ихъ удовлетвореніе мыслимо и въ предѣ-

лахъ чужой территоріи. Конечно, тамъ, гдѣ нація совпадаетъ съ областью, попутно вмѣстѣ съ областнымъ самоуправленіемъ разрѣшается и національная проблема. Но при современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ съ его интенсивнымъ передвиженіемъ населенія, съ его концентраціей капитала, съ его сосредоточеніемъ громадныхъ массъ, найдется ли политическій портной, который могъ бы выкроить «чистую» съ однороднымъ національнымъ составомъ область? Какъ провести границы? По историческому принципу коронныхъ земель? Но, увы, въ части округовъ уже осѣло пришлое населеніе и составляетъ большинство. По принципу этническому? Но тогда вы вызовете негодованіе въ претендентахъ на коронныя земли за отторженіе «наслѣдія отцовъ и дѣдовъ» и передачу его въ чужія руки.

Но, допустимъ, вы счастливо нашли компромиссъ между историческимъ и этническимъ принципомъ. Что сдѣлать съ національнымъ меньшинствомъ, очутившимся въ тискахъ національнаго большинства? Что сдѣлать съ отрѣзкомъ національнаго большинства, въ свою очередь обреченнымъ въ качествѣ меньшинства, на потокъ и разграбленіе иного большинства? Гдѣ побѣдители и гдѣ побѣжденные? Побѣдоносное большинство будетъ пожирать подъяремное меньшинство съ тѣмъ, чтобы самому, очутившись въ роли незавиднаго меньшинства, терпѣть униженіе и позоръ.

Дипломатическія ножницы послѣ балканской войны заняты были новой выкройкой Македоніи—и что же, не прибавилось ли новаго горячаго матеріала, не предпочитаютъ ли теперь македонскіе болгары вернуться къ старому турецкому корыту, чѣмъ терпѣть сербскій гнетъ? Вы скажете, — верните македонскіе округа Болгаріи, и тогда станетъ миръ и ладъ, но что же скажутъ сербы, очутившись въ болгарскихъ тискахъ?

Отъ этой національной черезполосицы никакой «национальной геометрией» нельзя отдѣлаться, она постоянно будетъ служить очагомъ національной возбудимости, если отстаивать точку зрѣнія «безспорныхъ» націй и игнорировать судьбы меньшинства.

Территориальное рѣшеніе національной проблемы состав-

ляетъ внутреннее противорѣчіе, проистекающее изъ разрѣшенія нужды персонального характера, на началахъ территориализма государственный территориализмъ строить автономію націи по своему образу и подобию, то-есть по принципу территориальному. Формально, это есть разрѣшеніе конституціонной проблемы на антиконституціонной почвѣ, территориализмъ превращается въ тиранію, властно требующую единообразнаго національнаго «исповѣданія».

Подобно тому, какъ государственный территориализмъ подчиняетъ окраинную національность по принципу «*cuius regio, ejus locus*» (чья страна, того и область), точно также областной территориализмъ подчиняетъ миноритарныя національности по принципу *cujus locus, ejus natio*» (чья область, того и нація). Но если государственный территориализмъ, отрицая за окраинными національностями право на самоопредѣленіе, лишь послѣдовательно развиваетъ точку зрѣнія государственнаго абсолютизма и только истинный конституціонализмъ въ качествѣ персонального принципа является изобличителемъ этого національнаго гнета, то подавленіе краевой націей своего меньшинства является уже вопіющимъ противорѣчіемъ съ персональнымъ принципомъ національнаго самоопредѣленія. Это уже противорѣчіе не внѣ себя, а въ себѣ.

Вотъ почему въ конечномъ счетѣ территориальный принципъ не приноситъ облегченія ни тѣмъ миноритарнымъ національностямъ, которыя вкраплены въ господствующую краевую, ни тѣмъ же оторваннымъ частямъ той же краевой національности, вкрапленной въ свою очередь въ чужую національность. Наконецъ, поскольку территориализмъ способствуетъ подавленію краевой національностью національнаго меньшинства, поскольку онъ является выраженіемъ господства, онъ уже перестаетъ служить національному равноправію — а напротивъ, часто является источникомъ національнаго неравноравія, а то и вовсе безправія.

Поэтому логически лучшимъ исходомъ ликвидаціи національныхъ треній,—это элиминированіе національныхъ элементовъ изъ области, края, территоріи.

Территориальное самоуправленіе имѣетъ свои мѣстныя за-

дачи, обусловленные мѣстными же особенностями, національныя же нужды должны найти удовлетвореніе внѣ мѣстнаго краевого самоуправленія, а въ лицѣ персональных національных союзовъ.

Но что такое персональный національный союзъ?

Попытаемся дать краткое опредѣленіе, чтобы на основаніи существенныхъ его признаковъ дать анализъ самого понятія. Персональный національный союзъ — это юридическій субъектъ правъ съ опредѣленной сферой компетенцій въ области культурно-национальных нуждъ, надѣленный публичными правами принудительной власти. Слѣдовательно, нужно установить, кто является субъектомъ права, каково его содержаніе, какова сила его компетенціи.

Но предварительно нужно рѣшить вопросъ, необходимо ли, чтобы національный союзъ сталъ субъектомъ правъ, или быть можетъ нація вовсе не нуждается въ томъ, чтобы стать субъектомъ правъ.

Каждый гражданинъ есть субъектъ правъ гражданскихъ, политическихъ, но эти права удовлетворяютъ иныя нужды, отнюдь не его культурно-национальныя потребности. Для ихъ удовлетворенія требуется специальная правовая защита; не имѣя ея, каждый членъ націи или остается внѣ всякой правовой защиты, или переноситъ ее туда, гдѣ меньше всего это желательно, — въ сферы общественной, политической и государственной жизни, отравляя ихъ ядомъ ненависти и вражды. Национально-культурная борьба превращается въ борьбу націй за государственную власть, борьбу за вліяніе въ государствѣ. Извращается идея законодательнаго представительства, которое становится ареной ожесточенной националистической борьбы.

Націи, лишенныя правовой защиты, поневолѣ направятъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы захватить власть въ парламентѣ, чтобы превратить его въ покорное орудіе своихъ националистическихъ вождельнѣй, и въ результатѣ приведутъ его въ состояніе паралича.

Нелѣпо признавать за націей культурно-национальныя права и въ тоже время отказывать ей въ организованной ихъ защитѣ. Если есть опредѣленныя права, то долженъ быть субъектъ этихъ правъ, иначе голое ихъ декламированіе внѣ

ихъ носителя превращается въ пустую фикцію, въ бессодержательную фразеологию.

Такимъ образомъ, національный союзъ долженъ стать субъектомъ правъ, организованнымъ коллективомъ. Этотъ национальный союзъ конструируется по персональному принципу. Если націи живутъ въ перемежку, если онѣ составляютъ меньшинства, если онѣ способны къ разсѣянію и передвиженію, если культурныя и національныя нужды и интересы не исчезаютъ съ переходомъ съ одного мѣста въ другое, то національные союзы не могутъ организоваться въ территориальные союзы, ибо на одной территоріи живутъ разныя націи, одна нація живетъ на разныхъ территоріяхъ.

Приходится конструировать національный коллективъ по признаку принадлежности къ той или другой націи, независимо отъ территоріи. Приходится производить отборъ группъ, однороднаго національнаго состава изъ разныхъ областей для созданія экстерриториальнаго единаго національнаго коллектива. Такой принципъ организаціи въ противоположность территориальному называется — персональнымъ.

По персональному принципу организованы и религіозныя союзы. И на примѣрѣ религіозныхъ общинъ мы видимъ благодѣтельные результаты устраниенія тиранній территориализма. Въ одной области могутъ ужиться на-ряду съ исповѣданіемъ господствующей группы и инья исповѣданія. Но именно потому, что каждое исповѣданіе рѣшаетъ свои религіозныя дѣла самостоятельно, безъ давленія со стороны религіознаго большинства въ данной области, устраняется религіозная нетерпимость.

А вѣдь было время, когда и религіозныя общины конструировались по территориальному признаку—по признаку «*cujus regio — illius religio*». И тогда не было также религіознаго мира, какъ теперь нѣтъ національнаго. Теперь религіозныя войны кажутся отдаленнымъ пережиткомъ, насильственное навязываніе чужой религіи вопіющимъ нарушеніемъ началъ вѣротерпимости. Теперь кажется дикой самая мысль о зависимости вѣроисповѣданія отъ области, о необходимости религіознаго ассимилированія меньшинства господствующимъ большинствомъ. Свобода совѣсти могла лишь осуществиться, когда религіозныя общины стали тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть въ

дѣйствительности — союзомъ одинаково вѣрующихъ людей, организованныхъ по персональному принципу.

По этому же принципу должны организоваться и національные союзы.

Теперь приходится отвѣтить на второй вопросъ, каково содержаніе національнаго субъекта правъ, другими словами, каковы его функціи. Онѣ должны находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ самой организаціи. Эти функціи должны поддаваться національному размежеванію — во-первыхъ, и должны отличаться признакомъ экстерриториальности — во-вторыхъ.

Тѣ сферы, которыя не поддаются національному размежеванію не могутъ входить въ кругъ дѣйствій національныхъ союзовъ, потому что онѣ могутъ и должны объединить людей разныхъ національностей на почвѣ общей заинтересованности; мѣстные нужды также не могутъ входить въ сферу компетенціи національныхъ союзовъ, потому что онѣ вызываютъ общую заинтересованность всѣхъ жителей даннаго края. Кооперативы, напримѣръ, хотя и отличаются признакомъ персональности, исключаются изъ вѣдѣнія національныхъ союзовъ, такъ какъ въ кооперативные союзы могутъ входить представители различныхъ націй. Христіанскіе кооперативы въ Польшѣ потому и носили реакціонный характеръ, что они были національно окрашены и главной ихъ задачей была борьба съ еврейскою торговлей. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, мѣры санитаріи, напримѣръ, въ силу терригоріальнаго характера, общаго для всѣхъ національностей, входящихъ въ данную терригорію, также исключаются изъ вѣдѣнія національныхъ союзовъ, такъ какъ объ этихъ нуждахъ должны заботиться органы терригоріальнаго самоуправленія.

Въ сферу дѣйствій національныхъ союзовъ должны войти по преимуществу культурно-національныя нужды. Онѣ поддаются и національному размежеванію, и отличаются признакомъ экстерриториальности ¹⁾.

¹⁾ Вопросы о занятіи должностей, право на возмѣщеніе ущерба, составляющіе также содержаніе національнаго права, я опускаю изъ-за недостатка мѣста.

То, что дѣлаетъ людей враждующими братьями, что слугить яблокомъ раздора, что является орудіемъ моральнаго и культурнаго гнета и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическаго порабощенія, должно быть размежевано по линіи національнаго дѣленія.

Въ этой плоскости размежеваніе естественно и необходимо, даже если бы никакое большинство не угрожало меньшинству. Оно естественно и необходимо, потому что культурно-національная жизнь по самой природѣ, по самой сути своей, можетъ найти выраженіе лишь въ національныхъ формахъ.

Культурно-національныя нужды особенно близки трудящимся массамъ и меньше всего потому, что они заражаются шовинизмомъ отъ господствующихъ классовъ, а напротивъ, въ силу своей классовой заинтересованности. Культура, языкъ являются прежде всего однимъ изъ средствъ общенія, выраженіемъ солидарности, однимъ изъ путей приобщенія къ политическому строительству. Эти средства и пути даютъ имъ силу и мощь для осуществленія своихъ социальныхъ идеаловъ въ жизни.

Понятно поэтому сугубое стремленіе со стороны трудящейся демократіи охранять эту сферу отъ насильственнаго обнаженія той «Ахиллесовой пяты», въ которую реакція охотнѣе всего направляетъ свои стрѣлы.

Наконецъ, третій вопросъ — каковы гарантіи для осуществленія національными союзами своихъ культурно-національныхъ задачъ. И здѣсь приходится разрѣшить предварительный вопросъ — нужны ли эти гарантіи или нѣтъ.

Есть цѣлый рядъ персональных коллективовъ, не нуждающихся въ иной санкціи, кромѣ общегосударственнаго законодательства. Если мы религіозныя общины не надѣляемъ принудительной властью, то это объясняется тѣмъ, что религія — только интимное, частное дѣло вѣрующаго.

Но національные союзы воспринимаютъ отъ государства чисто государственныя функціи, какъ вопросы просвѣщенія. Государству не безразлично, какъ будетъ осуществляться народное образованіе. Оно должно озаботиться, чтобы національные союзы эти функціи исполняли безпрепятственно, чтобы они были снабжены достаточными матеріальными средствами. Для

правильнаго осуществленія культурно-національныхъ задачъ необходимо предоставить имъ право представительства и право бюджета. Каждая нація избираетъ своихъ избранныхъ для правоваго регулированія своихъ нуждъ и принудительнаго обложенія въ цѣляхъ нормальнаго осуществленія задачъ культуры и школы. Ни одна нація не въ правѣ будетъ упрекать другую, что она осуществляетъ свои образовательныя цѣли насчетъ другой націи, а, главнымъ образомъ, лишена будетъ возможности тормозить осуществленіе ихъ и насильственную ассимилировать инородную, ибо каждая нація изъ своего кошелька будетъ черпать средства для своего культурно-національнаго бюджета.

Такова въ общихъ чертахъ схема организаціи національныхъ коллективовъ. Совокупность правъ и функций, переходящихъ въ ихъ вѣдѣніе, и есть культурно-національная автономія.

Изъ предъидущаго вытекаетъ и взаимоотношеніе культурно-національной и территориальной автономіи.

Территориальная автономія компетентна въ сферѣ мѣстныхъ нуждъ, но изъ нея должны быть изъяты тѣ, которыя непосредственно затрагиваютъ интересы націи, а именно, культурно-національныя, которыя переходятъ въ вѣдѣніе персонально-національныхъ союзовъ.

На территоріи Польши живутъ миноритарныя національности, которыя хотя также считаютъ своей родиной Польшу, но не связываютъ свою принадлежность къ общему отечеству съ принадлежностью къ господствующей національности. Краевой «патріотизмъ» можетъ быть также не чуждъ евреямъ, какъ и полякамъ, и, положимъ, такіе проекты, какъ перенесеніе промышленности изъ Польши на югъ Россіи, одинаково непріемлемы какъ для поляка, такъ и для еврея, даже — *horribile dictu* для «литвака», который въ хозяйственномъ отношеніи органически слился съ Польшей.

Въ идеальномъ видѣ территориальная и культурно-національная автономія мыслятся коррелятивно. Краевое самоуправленіе должно стать ареной удовлетворенія внѣнаціональныхъ нуждъ, исключительно мѣстныхъ, въ которыхъ заинтересованы всѣ живущія на одной территоріи національности. Изъ органа

краевого самоуправления должны быть изъяты культурно-национальные нужды какъ господствующей, такъ и миноритарной національности; логически — такой выходъ диктуется интересами не только миноритарной національности, но и маіоритарной. Въ самомъ дѣлѣ, привиллегія господствующей національности воздѣйствовать на органъ краевого самоуправления для осуществленія культурно-национальныхъ нуждъ можетъ превратиться въ *privilegia odiosa* — осуществлять свои задачи при участіи представителей отъ миноритарныхъ національностей, которые, конечно, не столь ревностно будутъ распинаться за культуру маіоритарной краевой націи. Въ то время, какъ миноритарнымъ національностямъ будутъ представлены права рѣшать дѣла своей культуры «у себя дома», въ предѣлахъ организованнаго національнаго союза, одна краевая національность, для которой краевое самоуправленіе совпадаетъ съ національнымъ, должна будетъ терпѣть воздѣйствіе національныхъ меньшинствъ въ самыхъ интимныхъ своихъ дѣлахъ, дѣлахъ культурно-национальной жизни. Еврейскими, украинскими, литовскими голосами будутъ рѣшаться не только вопросы края, но и вопросы культурно-национальной жизни самихъ же поляковъ. Ибо если миноритарныя національности будутъ имѣть спеціальныя органы, регулирующіе ихъ культурно-национальныя нужды, онѣ въ качествѣ жителей области должны имѣть еще свое представительство и въ областномъ самоуправленіи; и если областной органъ будетъ вѣдать кромѣ мѣстныхъ нуждъ еще національно-культурныя дѣла поляковъ, то вѣдь самыя ихъ кровныя интересы очутятся въ чужихъ рукахъ. Такимъ образомъ, самая господствующая національность въ краѣ окажется самой обойденной въ наиболѣе дорогой, наиболѣе интимной области. Къ такому политическому парадоксу придется притти, если отстаивать точку зрѣнія, не допускающую размежеванія національныхъ и мѣстныхъ нуждъ.

Для господствующей народности заманчивая перспектива имѣть въ своихъ рукахъ органъ краевого самоуправления, національно окрашенный, не совсѣмъ будетъ улыбаться, когда забронированныя въ сферѣ своихъ культурно-национальныхъ нуждъ, миноритарныя національности будутъ, если не хозяйничать, то уязвлять и ущемлять господствующую народность

въ наиболѣе чутко болѣзненныхъ проявленіяхъ своей національной жизни и превращать арену совмѣстной работы въ оргію націоналистическихъ раздоровъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что господствующая національность самимъ ходомъ вещей вынуждена будетъ отказаться отъ мысли отстаивать при посредствѣ территориальнаго автономизма свои культурныя задачи и въ концѣ-концовъ устремится въ персональную организацію по образцу миноритарныхъ націй.

Но одно дѣло строить идеалы мирнаго сожителства, другое—ихъ осуществлять. Каковы бы ни были разумны тѣ или другія конституціонныя начала, регулирующія національную жизнь, ихъ осуществленіе является длительнымъ процессомъ, проходящимъ черезъ цѣлый рядъ этаповъ. Соціальная политика можетъ предначертать линію наименьшихъ треній въ національныхъ соотношеніяхъ, линію, наиболѣе согласованную съ интересами демократіи. Соціальная политика достаточно гибка и эластична, чтобъ съ ходомъ общественнаго развитія выработать и практически осуществлять нормы, наиболѣе соотвѣтствующія интересамъ демократіи.

Но когда отъ намѣченной схемы приходишь къ способамъ ея реализаціи, когда отъ конечнаго пункта переходишь къ начальной точкѣ, то приходится провозглашать лозунги, сочетающіе результатъ грядущаго и прогнозы совершающагося, приходится не только провидѣть статику будущаго, но и прослѣдить динамику развивающагося. Съ этой точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію, что территориальный автономизмъ въ данный историческій моментъ тѣсно спаянъ съ національнымъ освобожденіемъ краевой національности. Поэтому необходимо считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что невозможно провести изъятіе изъ краевого самоуправленія культурно-национальныхъ нуждъ поляковъ, и что территориальная и культурно-национальная автономіи еще не могутъ при современной конъюнктурѣ осуществиться въ качествѣ «чистаго» коррелата.

Но это обстоятельство отнюдь не должно служить препятствіемъ къ защитѣ культурныхъ нуждъ еврейскаго меньшинства. Требованіе культурно-национальной автономіи для евреевъ въ Польшѣ вытекаетъ изъ всей совокупности сложившихся отношеній. Оно должно стать лозунгомъ дня. То уваженіе къ

правамъ національныхъ меньшинствъ, о которомъ говорится и въ Воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, не можетъ быть осуществлено, если не поставитъ ихъ защиту какъ *политическій* вопросъ, требующій созданія спеціальной правовой защиты въ лицѣ особаго юридическаго органа. Только культурно-національная автономія для еврейскаго народа можетъ отнять жало національнаго угнетенія у господствующихъ классовъ Польши, очистить почву для общаго соціального строительства и развязать силы демократіи, нынѣ скованной націоналистической враждой и ненавистью.

Пусть и другія національности Польши, въ томъ числѣ и евреи, творятъ безпрепятственно свое культурно-національное дѣло,—и не будетъ мѣста національнымъ раздорамъ.

До тѣхъ же поръ, пока національныя права не будутъ отчеканены въ соответственныя юридическія нормы, пока еврейская національность будетъ трактоваться лишь въ качествѣ «этнографическаго матеріала», подлежащаго колонизаторской обработкѣ, нельзя мечтать не только о мирномъ сожителствѣ, но даже о мирномъ соревнованіи націй. Только при размежеваніи культурно-національныхъ дѣлъ, при взаимномъ уваженіи правъ каждой націи, можно надѣяться на умиротвореніе края, ибо есть почва для общей работы.

Вѣдь въ самоуправленіи Польши заинтересованы миноритарныя національности не меньше, чѣмъ поляки, и не только потому, что оно удовлетворяетъ ихъ жизненные интересы, какъ жителей края, не только потому, что оно должно вызвать новую перегруппировку общественныхъ силъ въ самомъ польскомъ народѣ, лишить руководящей роли идеологовъ реакціи и шовинизма и выдвинуть на авансцену политической жизни скованныя силы демократіи, но еще и потому, что за удовлетвореніемъ культурно-національныхъ нуждъ миноритарныхъ національностей останется еще широкая сфера культурныхъ нуждъ цѣлаго края.

Нельзя полагать, что культурныя нужды цѣликомъ поглощаются національными коллективами. Юстается широкая сфера внѣ національной культуры, выросающая на почвѣ совмѣстнаго краеваго соціального строительства, на почвѣ совмѣстнаго соприкосновенія краевой гражданственности, скре-

щенія и взаимодѣйствія отдѣльныхъ національныхъ культуръ. Все это создаетъ общую специфическую культуру края, въ развитіи и процвѣтаніи которой заинтересованы миноритарныя національности не меньше, чѣмъ краевое національное большинство. Въ этомъ смыслѣ сотрудничество на почвѣ общихъ краевыхъ культурныхъ задачъ такъ же необходимо, какъ на почвѣ общихъ культурныхъ государственныхъ задачъ. Польская культура въ *рамкахъ краевой гражданственности* останется близкой и евреямъ, какъ полякамъ—еврейская, ибо эти культуры отражаютъ ихъ жизнь, бытъ, особенности, не только въ качествѣ евреевъ и поляковъ, но и какъ жителей края, связанныхъ великимъ прошлымъ и повседневными интересами. И, быть можетъ, ничто такъ не будетъ содѣйствовать взаимному сближенію и проникновенію національнымъ гениемъ бокъ-о-бокъ живущихъ народностей, какъ культурно-национальная автономія.

Краевое самоуправленіе въ Польшѣ фактически осуществляетъ не только идею государственной децентрализаціи, но и національнаго освобожденія. Сузить автономію Польши до одной государственной децентрализаціи—значило бы въ угоду схемамъ принести въ жертву жизненное содержаніе и изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса.

Кто хочетъ разрѣшать реальныя задачи, не долженъ терять исторической перспективы.

Самоуправленіе Польши несетъ освобожденіе польскому народу, даетъ новый толчекъ къ развитію его творческихъ силъ, снимаетъ путы, связывающіе его силы.

Каковы бы ни были внутреннія противорѣчія, таящіяся въ территоріальномъ автономизмѣ, онъ, становясь лицомъ къ лицу съ государственнымъ територіализмомъ, требуетъ ограниченія и самоограниченія послѣдняго, во имя правъ подавленной національности, въ концѣ-концовъ, во имя персональнаго принципа, который долженъ распространять свое дѣйствіе и на національное меньшинство въ области.

Исторически путь освобожденія національныхъ меньшинствъ лежитъ черезъ краевое самоуправленіе. Правовая гарантія національныхъ меньшинствъ можетъ быть реалистически и конкретно поставлена, тогда они будутъ противопостав-

лены организованной въ краевомъ самоуправленіи маіоритарной національности.

Если для краевой національности въ данный историческій моментъ разрѣшеніе ея національной проблемы можетъ быть дано въ видѣ территоріальной автономіи, то для миноритарныхъ національностей въ Польшѣ, въ томъ числѣ и для евреевъ, есть одно рѣшеніе ихъ національнаго бытія — культурно-національная автономія. Лишь тогда только станетъ возможнымъ братское, мирное сожительство націй.

Скажутъ: «утопическая идиллія». Конечно, современность даетъ слишкомъ много пицци для обывательскаго пессимизма. Но ловцы минуты и знахари злободневности никогда не могли уловить біеніе пульса общественной жизни и строить историческія перспективы. Да, для разжигателей націоналистическаго пожара всегда будетъ утопической идилліей мирное сожительство націй, но эта «утопическая идиллія» уже живетъ въ сердцахъ и душахъ тѣхъ, которые питаютъ отвращеніе къ взаимной національной склокѣ, которые сознаютъ свою тѣсную солидарность на почвѣ общихъ соціальныхъ задачъ и цѣлей.

Т. Гейликманъ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НОВѢЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ПОСТАНОВКѢ.

I.

«Но когда подъ тѣмъ предлогомъ, что человѣчество—лишь отвлеченное понятіе, мы начинаемъ поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону, возбуждать его звѣрскіе инстинкты, укрѣплять въ немъ звѣринный образъ, то кого же и что мы любимъ, кому и чему этимъ служимъ»¹⁾.

Въ этихъ, по истинѣ пророческихъ, словахъ, направленныхъ противъ утвержденій славянофильства, что оно, а не западничество, указываетъ Россіи путь истиннаго прогресса, мы найдемъ *ключъ* къ разгадкѣ всякаго націонализма. Въ Пруссіи или Австріи, въ Венгріи или Польшѣ, подъ разными видами формами онъ скрываетъ въ основныхъ чертахъ одно и то же содержаніе. *Онъ стремится выдѣлить существенные интересы господствующей группы* и сдѣлать ихъ центромъ достижений всѣхъ прочихъ группъ націи. Въ эпоху объединенія Германіи либералы склонны были разсматривать ее какъ переходный этапъ къ возрожденію средневѣковой германской имперіи «отъ Даніи до Сициліи»²⁾. Когда же ходъ развитія открылъ передъ ними перспективу экономическаго владычества надъ Европой, они подѣлили власть съ юнкерствомъ, чтобы совмѣстно работать надъ подготовкой осуществленія гордыхъ мечтаній. Они «начали поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону», они вдохнули въ его душу вѣру въ бронированный

¹⁾ В. Соловьевъ, „Національный вопросъ въ Россіи“. Выпускъ II, стр. 332.

²⁾ Каутскій. „О національномъ вопросѣ въ Россіи“. „Посл. Изв.“

кулакъ и ядомъ самопоклоненія отравили даже стойкое сознание подлинной демократіи.

Результаты полувѣковой подготовки въ этой «звѣриной» войнѣ, которую всѣ классы нѣмецкой націи ведутъ во имя рынковъ для нѣмецкой буржуазіи. Здѣсь націоналистическая работа, съ ея девизомъ: «Deutschland über alles», явно служила капиталу. Но нѣмецкій націонализмъ—отноудь не уродство.

У Чехова есть рассказъ «Корреспондентъ», герой котораго задается такимъ вопросомъ: «У насъ есть патріоты видимые, но темна вода во облацѣхъ касательно того, гдѣ патріотизмъ ихъ помѣщается: или въ сердцахъ или въ карманахъ». Этого рода сомнѣніе вызываетъ патріотизмъ иныхъ представителей не только державной народности, но и угнетенныхъ національностей. «Сердечный патріотизмъ» угнетенной націи, «мечтающей о о свободѣ, нерѣдко превращается въ «патріотизмъ карманный», какъ только она начнетъ опредѣлять свои отношенія къ «чужаку», стоящему еще ниже по лѣстницѣ политическаго благополучія. Въ 1849 г. мадьяры, въ борьбѣ съ австрійскимъ угнетеніемъ подняли знамя «патріотизма сердца». Въ то же время, во имя «патріотизма кармана» они тѣснили подвластныхъ имъ сербовъ и румынъ. Чѣмъ сильнѣе давленіе со стороны угнетателя, чѣмъ глубже въ толщу массы угнетенной проникла идея національнаго освобожденія, чѣмъ совершеннѣе аппаратъ самозащиты, т.е. совокупность организацій обороняющагося, тѣмъ больше *ceteris paribus* шансовъ къ воспитанію народныхъ массъ въ духѣ націонализма. Закаленная въ борьбѣ съ вѣковымъ турецкимъ игомъ, Сербія создала не только мощную военную организацію, но и такую практику въ отношеніи Македоніи, которую родственная Болгарія характеризуетъ какъ угнетеніе. Въ то же время огражденная нейтралитетомъ Бельгія вмѣщала въ мирномъ сожителствѣ фламандцевъ и валлоновъ, близкихъ къ націямъ, ведущимъ смертный бой.

Руководящія національной самозащитой группы, закрѣпляя за собой право представительства націи во внѣшнемъ мірѣ, неизбежно приходятъ къ стремленію господства въ предѣлахъ этнографической или исторической территоріи, т.е., въ свою очередь, къ господству надъ слабѣйшей націей.

Въ современной Польшѣ роль вождя играетъ партія народно-демократическая. Въ своей борьбѣ за полное національное освобожденіе всѣхъ частей Царства Польскаго и соединенія ихъ подъ знаменемъ автономіи, н.-д. партія опирается, главнымъ образомъ, на средніе слои общества, мѣщанство и интеллигенцію, и питаетъ убѣжденіе, что подъ вліяніемъ національнаго воспитанія, средніе классы сомкнутъ общество Царства Польскаго въ непобѣдимую націю ¹⁾. Но какъ же относится эта партія-освободительница къ эмансипаціоннымъ стремленіямъ украинцевъ.

Уже въ концѣ девяностыхъ годовъ обрисовалась яркая агрессивная тенденція н.-д., которой былъ данъ отпоръ въ польской же брошюрѣ «Наши гакатисты», вышедшей въ Парижѣ въ 1902 г. ²⁾. «Народъ, который самъ столько страдалъ, который въ настоящую минуту находится еще подъ игомъ сильныхъ враговъ, можетъ видѣть зарю своего лучшаго будущаго только въ побѣдѣ великихъ демократическихъ идей. Поэтому все лучшее, все благороднѣйшее въ нашемъ обществѣ, отвернется съ отвращеніемъ отъ ярмарочныхъ торгашей, которые съ истинно бисмарковскимъ цинизмомъ, съ радостью смотрятъ на нужду украинскаго народа, и которые уже теперь громко говорятъ объ измѣнѣ нашимъ братьямъ, нашимъ союзникамъ, обѣщая въ случаѣ нужды выдать ихъ на разграбленіе нашимъ врагамъ» ³⁾.

«Патріотизмъ сердца» превращается въ «патріотизмъ кармана».

Еще съ большей силой проявляется это въ еврейскомъ вопросѣ. И здѣсь антисемитизмъ является могучимъ средствомъ закрѣпленія за руководящими политическими кругами власти, добытой ими во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ на почвѣ національнаго идеала. Антисемитизмъ — оборотная сторона освободительнаго движенія высшихъ и среднихъ классовъ польскаго

¹⁾ А. Погодинъ. „Главные теченія Польской политич. мысли“. 362. Л. Василевскій. „Современная Польша“.

²⁾ А. Погодинъ считаетъ авторомъ этой замѣчательной брошюры В. Липановскаго.

³⁾ Рѣчь идетъ объ отказѣ отъ правъ на территоріи Галицкой Руси и Литвы въ обмѣнъ за восстановленіе независимости Польши.

общества. И какъ опредѣленный историческій курсъ классовой политики, онъ представляетъ собою повседневную работу того же аппарата національной самозащиты, который въ отношеніи къ внѣшнимъ силамъ былъ прогрессивнымъ (борцомъ за освобожденіе и возстановленіе Польши ¹).

То, что прогрессъ и реакція питаются изъ одного источника, составляетъ общее явленіе въ атмосферѣ національной склоки. Но уродливыя формы реакціи въ образѣ антисемитизма, эксцессы, составляющіе особенность Польши на порогѣ историческихъ событій, объясняются тѣмъ, что Польша—больной организмъ. По свидѣтельству безпристрастнаго историка ея, цитируемаго мною проф. А. Л. Погодина, «польскій народъ болѣетъ той тоской неудовлетворенности, которую преяде создала сданная въ архивъ обрусительная политика» ²). Но суть болѣзни не только въ неудовлетворенности. Съ поверхности общественной жизни систематически убиралось все и всѣ, за исключеніемъ удобовѣвъ и народной демократіи. Подлинная демократія дезорганизовывалась и обезличивалась. Поэтому демагогическіе лозунги находили себѣ болѣе живой откликъ въ темномъ сознаніи трудовыхъ массъ, отрѣзанныхъ отъ школы и общественности. Но и это еще не все.

Еврейская нація больна, и еще въ гораздо большей степени, той же тоской неудовлетворенности. Физическіе и моральные удары, сыплющіеся на нее непрерывно и отовсюду, ея отрѣзанность отъ прогрессивной общественности и свѣтской школы, ея общее безправіе и поголовное отрицаніе за ней чести и достоинства націи, какъ и правъ отдѣльнаго гражданина,— все это обусловило и въ Польшѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, замкнутость и своеобразие ея религіозно-національной фізіономіи, лишь медленно уступающей воздѣйствію цивилизующихъ теченій. Бацилла антисемитизма нашла для себя подходящую

1) Вотъ что писало Польское Коло, внося во 2-ю Г. Думу законопроектъ объ автономіи Ц. П. „Коль скоро провозглашены были принципы свободы,—для всѣхъ стало ясно, что свобода, это—право жить и развиваться сообразно со своими прирожденными способностями, а государство, которое сумѣетъ обезпечить за населеніемъ это право, станетъ государствомъ необходимымъ для населенія“.

2) А. Л. Погодинъ. Ор. cit. предсл. VII.

среду не только въ соціальной обстановкѣ, но и въ психологiи обѣихъ національностей, сдавленныхъ въ своемъ сожительствѣ однимъ желѣзнымъ кольцомъ.

II.

Еврейскій вопросъ въ современной Польшѣ прошелъ нѣсколько стадій. Общій ходъ его развитія—нарастаніе антисемитизма по мѣрѣ капиталистическаго развитія Польши. Ея начальнымъ фазисомъ можно считать вѣру въ ассимиляцію евреевъ въ польской средѣ. Проповѣдники господствовавшей въ Польшѣ со второй половины 60-хъ годовъ теоріи «органическаго труда», такъ называемаго позитивизма, не были заражены антисемитизмомъ. Раціоналисты и матеріалисты, они вели упорную борьбу съ остатками шляхетской романтики, выдвигая необходимость образованія средняго сословія, какъ основы экономическаго и общественнаго расцвѣта Польши. Одинъ изъ первыхъ пропагандистовъ теоріи позитивизма, Хемпель ¹⁾, прямо говоритъ: «Въ республикѣ Польской почти никто изъ просто-народія не поднимался, а изъ высшаго класса никто не брался за техническія предпріятія, а отсюда вытекаетъ общій застой». И дальше: «Я думаю, что всѣ усилія благонамѣренныхъ людей, весь запасъ вліянія нашихъ просвѣщенныхъ гражданъ, должны быть направлены къ развитію техническихъ спеціальностей, руководѣлій и ремеслъ, къ пробужденію въ странѣ стремленія къ благополучію, основанному на трудѣ».

Такой программѣ евреи могли только споспѣшествовать, какъ группа трудолюбиваго, знающаго торговлю и ремесла населенія, притомъ лишеннаго всякихъ національныхъ претензій. И потому тотъ же авторъ, съ радостью отмѣчая въ сознаніи широкихъ массъ поворотъ отъ революціонной лирики къ накопленію личнаго и общественнаго благосостоянія, съ полнымъ основаніемъ прибавляетъ: «Евреи уже не встрѣчаютъ предъ собою въ законѣ преграды, которая отдѣляла бы ихъ отъ остальнаго населенія; а равноправность ихъ въ общественномъ мнѣніи и

¹⁾ Jan Hempel. „Stanowisko pracyw rozwoju Społecznym“. Варшава 1868 г.

нравахъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ нихъ самихъ». Въ этихъ словахъ заключается ядро ассимиляціонной идеологии. Признаніе, которое встрѣчаютъ евреи въ средѣ польскаго общества, обусловлено тѣмъ, насколько они подчинятся основному лозунгу момента—накопленію экономическихъ силъ, насколько успѣшно будутъ выполнять возложенную на нихъ роль.

Въ то же время, считалось необходимымъ распространеніе просвѣщенія среди невѣжественныхъ массъ еврейства. Даже тогда, когда былъ пущенъ въ оборотъ Я. Еленскимъ лозунгъ «полонизаціи торговли и промышленности», въ серединѣ 70-хъ годовъ, симпатіи къ ассимилированной части еврейства сохранились въ широкихъ кругахъ. Антисемитизмъ въ формѣ борьбы за вытѣсненіе евреевъ изъ торговли и промышленности культивировался въ одномъ лагерѣ идейныхъ сторонниковъ Еленскаго, рекомендовавшаго еженедѣльный журналъ «Rola» ¹⁾.

Положеніе стало мѣняться по мѣрѣ того, какъ въ предѣлахъ Царства Польскаго все больше возрастала численность еврейскаго населенія и укрѣплялась его связь съ еврействомъ Россіи. Первое, естественно, обостряло торгово-промышленную конкуренцію. Второе укрѣпляло тяготѣніе къ общенациональной жизнедѣятельности евреевъ и ослабляло шансы на сколько-нибудь замѣтный ходъ ассимиляціи. Съ особой яркостью тенденція эта опредѣлилась въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда масса евреевъ была выселена изъ центральныхъ губерній и должна была искать пристанища въ предѣлахъ Польши. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наплывъ «литваковъ», на который теперь охотно ссылаются, какъ на моментъ, усилившій развитіе антисемитизма, долженъ былъ учитываться и какъ факторъ развитія промышленности въ Польшѣ. В. Студницкій говоритъ: «Въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ промышленность Царства Польскаго стимулировалась слѣдующими случайными обстоятельствами: 1) и 2) массовое удаленіе евреевъ изъ Россіи въ 1888—91 г.г. (изъ центральныхъ губерній), вслѣдствіе чего около 30,000 евреевъ прибыло въ Царство Польское, многіе изъ нихъ обладали капиталами, знаніемъ, восточно-

1) См. „Евр. Энцикл.“. „Антисемитизмъ въ Царствѣ Польскомъ“.

русских рынковъ и непосредственными связями съ этими рынками» ¹⁾. Но нѣтъ сомнѣнiя и въ томъ, что этотъ невольный «исходъ» стимулировалъ также и національную жизнь польскихъ евреевъ, еще болѣе подрывая вѣру въ то, что еврейство потеряетъ національное своеобразiе и сдѣлается незамѣтной, различимой только по религioзнымъ признакамъ, частью польской національности. Въ такомъ же направленiи дѣйствовало и процессъ развитiя капитализма. Съ одной стороны, капитализмъ выбивалъ евреевъ изъ ихъ первобытнаго экономического состоянiя посредниковъ и мелкихъ торговцевъ и толкалъ въ мелкую промышленность и ремесло. Но тѣмъ самымъ онъ концентрировалъ ихъ въ промышленныхъ центрахъ. Р. Дмовскiй въ своей книгѣ «Германiя, Россiя и Польскiй вопросъ», высказываетъ мнѣнiе, что по мѣрѣ развитiя экономической культуры въ Польшѣ, еврейскiй вопросъ будетъ вырождаться, такъ какъ еврей, «недостаточно быстро приноравливающиеся къ другимъ отраслямъ занятiй», уменьшаются въ процентномъ соотношенiи къ числу коренного населенiя ²⁾. Въ доказательство онъ приводитъ слѣдующiе факты: «въ 1830 г., въ великомъ княжествѣ Познанскомъ % еврейскаго населенiя былъ 6,7, нынѣ же онъ 1,5%». Но это ошибка. Вѣренъ тотъ фактъ, что экономическое развитiе Прусской Польши уменьшило % еврейскаго населенiя. Но выбитое изъ пасиженнаго гнѣзда посредничества, оно быстро нашло себѣ мѣсто въ индустрии болѣе промышленныхъ центровъ Германiи. Что это именно такъ, можно видѣть изъ болѣе объективнаго труда В. Студницкаго ³⁾, который пишетъ: «нынѣ въ Прусской Польшѣ насчитываютъ отъ 2—3% евреевъ, между тѣмъ какъ во времена раздѣловъ число ихъ колебалось по округамъ отъ 6—8%. Это переселенiе евреевъ изъ польскихъ провинцiй въ германскiя области доказываетъ, что хозяйственное развитiе польскихъ областей находится въ менѣе удовлетворительныхъ условiяхъ, нежели нѣмецкихъ; евреи вообще обладаютъ болѣе подвижностью, благодаря которой переселенiе ихъ болѣе

¹⁾ „Польша въ политическомъ отношенiи, стр. 133.

²⁾ Стр. 195—196.

³⁾ Op. cit., стр. 185.

связано съ упадкомъ экономической жизни, нежели передвиженіе христіанскаго населенія». Эта тенденція, которая не можетъ имѣть никакого значенія для Прусской Польши, гдѣ евреевъ вообще мало, а городское населеніе многочисленно, имѣеть громадное значеніе для русской Польши. Достигая почти 14% всего населенія Польши, численность еврейскаго населенія во многихъ уѣздахъ колеблется отъ 20—22%, а въ городахъ, гдѣ сосредоточивается торговля и промышленность края, доходитъ до 40%, а иногда преобладаетъ надъ польскимъ населеніемъ, въ частности, въ Варшавѣ, напримѣръ, по даннымъ г. Курнатовскаго—34,7%, въ Лодзи 23,1%. Этотъ писатель пытается устранить фактъ концентраціи евреевъ подъ вліяніемъ развитія промышленности слѣдующими соображеніями: «Громадное количество евреевъ въ Царствѣ Польскомъ объясняется чертой осѣдлости, которая не позволяетъ имъ переѣзжать въ Россію» ¹⁾. Но въ этомъ вопросѣ съ нимъ не согласится Р. Дмовскій, который въ упомянутой книгѣ указываетъ, что «въ земляхъ, принадлежащихъ Россіи, количество евреевъ въ отношеніи къ остальному населенію все увеличивается, что зависитъ не столько отъ прегражденія имъ выхода на востокъ, «чертою осѣдлости», сколько отъ задержки развитія этихъ областей и низкаго уровня развитія общественной жизни».

Но даже если и правъ Р. Дмовскій, а онъ не правъ,—то все же «выхода на востокъ» можно ожидать меньше, чѣмъ дальнѣйшаго продвигенія евреевъ въ западную Польшу, по линіи болѣе интенсивнаго развитія торговопромышленной емкости польскаго рынка ²⁾. Съ другой стороны, евреи, какъ и всѣ прочія націи, все больше вовлекаются въ крутовороты національно-общественной жизни и черезъ широкія трудовыя массы приходятъ въ соприкосновеніе съ міровой культурой демократизма. Но это соприкосновеніе возможно только въ формѣ національной культуры, ибо широкія массы не могутъ воспринимать явленія міра иначе, какъ на родномъ языкѣ и въ примѣненіи къ конкретнымъ національнымъ условіямъ, въ которыхъ они живутъ.

¹⁾ Г. Курнатовскій, Этнографическая Польша, стр. 34—35.

²⁾ Приблизительно тотъ же выводъ для Галиціи дѣлаетъ В. Стрлнцкій. См. *Op. cit.*, стр. 172—173.

Такимъ образомъ, Царство Польское дѣлается узловымъ пунктомъ исторіи симбіоза поляковъ и евреевъ, идѣ ихъ соединяетъ и *искусственная* политика правоограниченій въ Россіи и естественный ходъ экономическаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаются основанія для вѣры въ то, что еврейство можетъ быть послушнымъ орудіемъ польской національной политики, ибо оно не только не ассимилируется въ польской культурѣ, но переноситъ, «на Вислу» еврейскую національную культуру. Къ концу 90-хъ годовъ въ средѣ обоихъ лагерей почти одновременно завершается процессъ внутренней концентраціи общественныхъ силъ. Польское общество, расчлененное по линіи классоваго дѣленія, выдѣляетъ два мощныя народныя теченія: народную демократію и социалистическую. Въ то же время польское еврейство, отражая политическую жизнь русскаго, выдѣляетъ націоналистическія теченія и свою рабочую партію. Національныя отношенія осложняются и запутываются.

III.

Главная политическая партія Польши — народно-демократическая, именовавшая себя «Liga Narodowa», — такъ формулировала свои цѣли: «внѣ—дѣйствительную защиту нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ польскаго народа, какъ одного цѣлаго, и пріобрѣтеніе для него условій возможно широкаго развитія; внутри — извлеченіе изъ своего народа возможно большаго запаса силъ, организацію его во всѣхъ областяхъ жизни и общественной работы, наконецъ, выработку въ немъ политическихъ способностей и добродѣтелей, необходимыхъ для обезпеченія себѣ лучшаго будущаго въ высшихъ нормахъ самостоятельнаго политическаго быта». Въ этихъ словахъ отразилось стремленіе къ національному сплоченію, какъ средству добыть самостоятельность. Но каковъ же тотъ высшій идеалъ, моральный или государственный, въ лучахъ котораго получили бы новое оправданіе эти, по существу говоря, задачи національнаго эгоизма. Его нѣтъ. Партія реальныхъ политиковъ, народная демократія отказывается искать высшія побужденія для своей политической работы. Она исходитъ изъ факта существованія поляковъ и Польши, и это считаетъ достаточнымъ

для оправданія своего существованія. Мало того. «Мы — поляки, говорить она, и мы хотимъ прежде всего Польши, хотимъ для себя, хотимъ даже въ томъ случаѣ, если бы мы могли имѣть ее только съ ущербомъ для свободы народовъ и для прогресса, для цивилизаціи и общественной справедливости, для всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ вещей, которыя сами по себѣ представляютъ большую цѣнность, но для насъ имѣютъ очень мало значенія сравнительно съ тѣмъ большимъ, что есть Польша»¹⁾. Приходится допустить, что освобожденіе и возсозданіе свободной націи можетъ быть связано съ ущербомъ для свободы другихъ націй. Въ тотъ моментъ, когда національную свободу придется покупать цѣною угнетенія другой націи, во имя принципа «Польша — über alles», должны будутъ умолкнуть голоса права и справедливости и выступить вопросъ силы. *Inter arma silent leges*. Такимъ образомъ, народная демократія и пришла къ принципу вотчиннаго господства надъ инородными элементами Царства Польскаго.

«Поляки выдвинулись, говорить П. Н. Милюковъ, въ рядъ тѣхъ народовъ Австро-Венгріи, которые боролись не только за собственную національную самостоятельность, но и за областное обособленіе территоріи, на которой составляли господствующую народность. Во внѣ они боролись противъ централизаціи и за сохраненіе цѣльности области. Внутри — принимали мѣры для сохраненія польскаго преобладанія и господства»²⁾.

Чтобы одѣть эту академическую формулу плотью и кровью политической работы, мы у самихъ народовцевъ спросимъ, что такое борьба за преобладаніе?

Въ своей извѣстной книгѣ Р. Дмовскій говорить: «Если русины должны сдѣлаться поляками, то нужно ихъ колонизировать; если же они должны остаться самостоятельнымъ русскимъ народомъ, то имъ нужно велѣть добывать цѣною тяжкихъ усилій то, что они хотятъ имѣть».

Такимъ бразомъ, русинскій вопросъ въ Польшѣ — вопросъ силы. Но что же представляетъ собой польскій вопросъ въ Пруссіи? И не вправѣ ли мы словами Дмовскаго сказать

¹⁾ Всепольское обозрѣніе. X, 581, у А. Погодня, стр. 330.

²⁾ Сборникъ „Война и Польша“, подъ ред. Л. Козловскаго, „Польскій Пьемонтъ“.

прусскимъ подданнымъ полякамъ: «Закаляйтесь въ огнѣ борьбы». Удовлетворивъ теперь ваши «чрезмѣрные аппетиты, мы оставимъ эту прекрасную землю пуснымъ сытымъ лѣнтяямъ, самостоятельность которыхъ будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь болѣе энергичный, чѣмъ мы, не наложитъ на васъ своей руки» ¹⁾).

Но еще болѣе выпукло эта сторона національной программы н.-д.—«мертвая хватка» монополиста,—выступаетъ въ отношеніи къ еврейскому вопросу. Во всѣхъ своихъ изданіяхъ н.-д. въ высшей степени послѣдовательно проводила одно и то же начало: непризнанія еврейской массы политическимъ организмомъ. Масса эта состоитъ изъ гражданъ, которые съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ могутъ быть такъ или иначе классифицированы, могутъ пользоваться тѣми или иными правами. Но масса не можетъ претендовать на право жить по своему, какъ народъ, но народъ не польскій. Программа 1903 года такъ гласитъ: «Еврейскій элементъ, не имѣющій отдѣльной территоріи, но живущій въ большей или меньшей примѣси вмѣстѣ съ польскимъ на всемъ пространствѣ края, народно-демократическая партія не признаетъ за политическую народность; она противится всѣмъ его политико-организаціоннымъ стремленіямъ и, предоставляя его выбору подчиниться или нѣтъ культурной ассимиляціи, требуетъ безусловной зависимости отъ національныхъ польскихъ интересовъ». Здѣсь уже отсутствуетъ вѣра въ ассимиляцію и выступаетъ сознаніе, что еврейскій вопросъ — вопросъ національный, т. е. вопросъ о сожительствѣ двухъ націй на одной территоріи. Націи-сосѣду здѣсь ставится категорическое *sic volo, sic jubeo* — перестать существовать, добровольно подчиниться зависимости отъ болѣе сильнаго, отъ властелина края. И еврейскій вопросъ, какъ и русинскій, дѣлается вопросомъ силы. Къ еврейству, какъ элементу чуждому, народная демократія относится враждебно, стремится воспитать свой народъ въ духѣ борьбы съ еврейской торговлей и промышленностью и пропагандируетъ «борьбу всѣми возможными способами» ²⁾).

¹⁾ „Мысли современнаго поляка“.

²⁾ См. у А. Погодина.

Словомъ, главенствующая партія Польши стала на почву той идеологіи, которая знаетъ только одинъ путь къ разрѣшенію проблемы національнаго сожительства — путь конкуренціи до конца, т. е. до полного подавленія. И если она начинаетъ систематически «поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону, возбуждать его звѣрскіе инстинкты, укрѣплять въ немъ звѣриный образъ», то не потому, что Польша — почва, на которой вырастаютъ одни только ядовитые цвѣты. Но потому, что дальнозоркая политика націоналиста все учитываетъ и предвидитъ. Польша лежитъ между тремя могущественными державами міра и образуетъ узелъ, въ которомъ сплетаются разнорѣчивые интересы. Разрѣзанная сейчасъ во имя международныхъ интересовъ, она во ихъ же имя можетъ быть вновь воссоединена. Въ предвидѣніи будущей государственности Польшѣ нужна психика ревниваго хозяина, который имѣетъ единую мысль и волю, который держитъ въ своихъ рукахъ всю власть и всю отвѣтственность. Националистическая Польша хочетъ убить на своей землѣ всѣ политическіе процессы, рождающіе инныя непольскія націи, она хочетъ впѣпиться своими руками въ социальный процессъ современнаго хозяйства и культуры съ тѣмъ, чтобы обезопасить себя отъ угрожающихъ національному единству послѣдствій неотвратимаго перемѣшиванія національностей. Вотъ почему н.-д., «союзъ поляковъ», наиболѣе полно отражающая образъ *этой Польши*, спекулируетъ на единствѣ своего народа, народа-владыки, и на вытѣсненіи инородныхъ элементовъ. Дѣло освобожденія Польши въ рукахъ идеологовъ среднихъ классовъ превращается въ свою противоположность. Добытая свобода однимъ угрожаетъ рабствомъ другимъ. Национальный гнетъ переносится ступенькой ниже. Его прессу подпадаетъ слабѣйшій. Польская нація свободна, да разразятся враги ея — евреи. Эту исторію, исторію превращенія пламеннаго «патріотизма сердца» въ «патріотизмъ кармана» отразила новѣйшая фаза польской постановки, фаза бойкотистская.

IV.

«Нар.-демократ. лагерь не только выяснилъ себѣ, но и доказалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ всему обществу, что

самый большой и въ сущности самой грозной для будущности Польши опасностью является еврейская опасность, заключающаяся въ постоянномъ возростаніи процента евреевъ въ краѣ, въ неслыханно быстромъ ростѣ ихъ экономическаго значенія, въ подчиненіи еврейству многочисленныхъ элементовъ польскаго общества, наконецъ, во враждебныхъ полякамъ стремленіяхъ еврейскаго (движенія... Н.-д. направленіе, правда, поздно сдѣлало выводы изъ этого факта, но, сдѣлавъ ихъ, смѣло и безъ колебаній пошло по намѣченному пути, создавая движеніе, которое является теперь самымъ виднымъ явленіемъ польской общественной жизни» ¹⁾).

Этотъ путь и есть бойкотъ.

Бойкотъ — явленіе слишкомъ свѣжее, чтобы нужно было описывать его публичное обоснованіе или внѣшнія формы. Основная идея бойкота — замкнуть поляковъ въ кругъ хозяйственныхъ операцій безъ всякаго участія евреевъ, поставить послѣднихъ внѣ хозяйственной жизни Польши. Бойкотъ долженъ охватить всю торговопромышленную жизнь: производство, обмѣнъ, кредитъ и всюду вытѣснить евреевъ во имя польскаго благополучія. «Не покупайте у евреевъ», «лучше вдвое дороже платить своему, чѣмъ оставить польскій грошъ у евреевъ», «евреи обманываютъ, не вѣрьте имъ», «не принимайте ихъ на службу», не кредитуйте ихъ и т. д. Вытѣсненіе евреевъ изъ всѣхъ экономическихъ позицій сдѣлалось повседневымъ занятіемъ большей части польской прессы. Поляки открываютъ лавки, разоблачаютъ еврейскія фирмы подъ польскими вывѣсками, поручаютъ (комму-воляжерамъ) пропагандировать бойкотъ евреевъ въ провинціи, выбрасываютъ ихъ изъ фабрикъ, конторъ, не снимаютъ у нихъ квартиръ, не сдаютъ имъ, словомъ, стремятся лишить евреевъ связей съ территоріей, которую они экономически обслуживаютъ, и тѣмъ задушить. Не наша задача обсуждать экономическую цѣлесообразность бойкота ²⁾. Что новаго внесъ бойкотъ въ прежнюю постановку польскаго вопроса, когда руководящая партія поставила передъ еврействомъ дилемму: либо культурная ассиимиляція, либо полное подчиненіе польскимъ національнымъ интересамъ. Новаго ничего.

¹⁾ „Uradek mysli konserwatywnej w Polsce. P: Дмовскій.

²⁾ См. статью Я. М. Букшпапа.

Подъ политическую программу подчиненія пытаются подвести экономической базисъ.

Ассимиляція въ массѣ не осуществилась. Напротивъ, еврейская масса все болѣе пробуждалась къ своей національной жизни, все болѣе угрожая созданиемъ *status in statu*. Сознаніе этого факта, этой «опасности» нашло яркое выраженіе въ средѣ руководителей польскаго націонализма. Недостаточность мирной культурно-завоевательной политики ассимиляціи намѣчалась уже въ бурную эпоху россійской общественности.

Передъ выборами во вторую Государственную Думу руководитель польскаго коло говорилъ: «Евреи, живущіе уже много вѣковъ на нашей землѣ, прежде не противопоставляли себя намъ въ политическомъ отношеніи. Мы были сильны, какъ общество, потому что чувствовали себя хозяевами на собственной землѣ». Указавъ затѣмъ на общее паденіе вѣры въ силу польскаго общества, Р. Дмовскій продолжаетъ: «Наплывъ русскихъ евреевъ, которые сдѣлались политическими руководителями нашими и которые издають газеты на жаргонѣ, долженъ былъ еще болѣе усилить это влияніе. Наши евреи, какъ масса, обращаются теперь спиной отъ польскаго общества и тянутъ къ Россіи. Они не понимаютъ того, что для насъ очевидно, ... что съ перемѣной условій жизненности польскаго народа вернетъ ему роль хозяина на этой землѣ и заставитъ считаться съ его волей. И чѣмъ позже они это поймутъ, тѣмъ хуже будетъ для нихъ»¹⁾.

Факты послѣднихъ дней продолжали все яснѣе обрисовывать линію роста политической самостоятельности еврейства. Выборы Ягелло были только болѣе характернымъ фактомъ, къ которому широкіе круги польскаго общества, его среднято городского класа, были уже подготовлены предшествующей работой народной демократіи. Стущеніе еврейскихъ массъ въ Польшѣ и въ торгово-промышленныхъ центрахъ края въ частности, сдѣлалось предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны разнообразныхъ политическихъ теченій, которыя захлестнулись въ народоуческой идеологіи по еврейскому вопросу. «Евреевъ въ Польшѣ 15%. Это уже не сосѣдь, а сожитель. Су-

¹⁾ А. Погодинъ. *Op. cit.* стр. 613.

ществуетъ ли такая точка зрѣнія, которая не признала бы, что такая наличность чужихъ элементовъ есть національное несчастье поляковъ», спрашиваетъ лидеръ реалистовъ Л. Стржевичъ ¹⁾. А вотъ что говорить польскій Postęp.

На собраніи «польскаго прогрессивнаго союза», специально созванномъ для обсужденія еврейскаго вопроса, предсѣдатель *jednoczenia postępowego*, г. Липацевичъ выступилъ съ обширнымъ рефератомъ о положеніи еврейскаго вопроса въ Польшѣ.

Еврейскій вопросъ, — говоритъ референтъ, — долженъ насъ занимать особенно серьезно, такъ какъ польскіе города находятся теперь всецѣло въ еврейскихъ рукахъ, а, какъ извѣстно, хозяева городовъ являются въ извѣстной степени хозяевами всего края. Главное вниманіе должно быть поэтому обращено въ сторону завѣдыванія городами, необходимость чего признана всѣми польскими партіями. Вопросъ только въ томъ: какія средства наиболѣе удобно примѣнять для осуществленія намѣченной цѣли.

Ораторъ поетъ потомъ отходную ассимиляціи. Было время, — жалуется онъ, — когда польскіе прогрессисты вѣрили въ ассимиляцію. Мы вѣрили, что евреи превратятся въ поляковъ. Ассимиляторы ввели насъ въ заблужденіе. Послѣдніе выборы показали, что еврейскія массы примыкаютъ къ націоналистамъ. Русскіе либералы протестуютъ противъ антисемитизма въ Польшѣ, но если бы Москва имѣла евреевъ 30% общаго населенія, а остальные русскіе города — 90%, то и они заговорили бы другимъ языкомъ. Евреи въ Польшѣ не могутъ ассимилироваться, такъ какъ они населяютъ край компактными массами. Полякамъ остается поэтому вести борьбу по всей линіи, вырвать все изъ рукъ «враговъ». На этомъ сошлись теперь всѣ польскія газеты, за исключеніемъ еврейскихъ органовъ, служащихъ еврейскимъ интересамъ ²⁾.

Бойкотъ и есть рѣшеніе этой задачи, т. е. рѣшеніе еврейскаго вопроса. Здѣсь та сторона націонализма, которую подмѣтилъ чеховскій корреспондентъ, выступаетъ уже на первый планъ. Въ бойкотскомъ движеніи пересѣклись историческіе пути націонализма въ Польшѣ съ его настоящимъ и буду-

¹⁾ „Между молотомъ и наковальней“, стр. 26.

²⁾ „Новый Восходъ“, № 1, 1913 г.

щимъ. Накопленіе народнаго богатства въ прошломъ (къ чему призывались и евреи) превратилось, по мѣткому выраженію Р. Дмовскаго, «въ прокормленіе» польской націи на счетъ евреевъ, а въ будущемъ воинствующему націонализму грезится единая Польша безъ инонаціональныхъ примѣсей, сожженныхъ въ плавленіи тиглѣ освобожденія. Мы видимъ, что польскій націонализмъ не старается оригинальничать и цѣликомъ переносить на свою территорію не только основную задачу «полонизаціи», но и средства ея рѣшенія, заимствованныя изъ арсенала германизаторовъ Польши, у Бисмарка и его учениковъ—гакатистовъ.

«Не будемъ унижать германскую школу, насильно заставляя инородцевъ посѣщать ее, — заявляли они. Пусть коснѣютъ, если хотятъ въ невѣжествѣ. Къ чему вообще насильственное онѣмеченіе. Направимъ лучше всѣ старанія къ полному искорененію этого народа. Необходимо энергично продолжать переселенческую работу; необходимо подавить всѣ тѣ польскія учрежденія, которыя ей противодѣйствуютъ. Но, при польской плодовитости, одной этой работы мало, чтобы справиться съ врагомъ. Его можно взять лишь изморомъ. Такъ будемъ же безпощадно вытѣснять поляковъ изъ всѣхъ областей труда и дѣятельности. Объявимъ имъ экономическій бойкотъ. Наша святая обязанность—не покупать въ польскихъ магазинахъ, не давать работы польскимъ ремесленникамъ, не нанимать на мѣмечія фабрики польскихъ рабочихъ. Тогда этотъ ненавистный народецъ погибнетъ или вынужденъ будетъ переселиться въ Америку ¹⁾).

Такъ и кажется, что эта классическая тирада сошла со столбцовъ бойкотистской газеты «Dwa grosze». Но есть и разница. Бойкотъ въ Познани вызванъ стремленіемъ Пруссіи обезвредить свою восточную границу отъ славянства. На Польшу юнкерство и буржуазія смотрятъ, какъ на грядущую опору поступательнаго развитія Россіи. И пока централистическая и націоналистическая политика Россіи держитъ Польшу въ ежевыхъ рукавицахъ, Пруссія торопится денационализировать свою часть Польши, превративъ ее въ твердыню германизма. Бойкотъ

1) „Biblioteka Warszawska“ 1911 г.

евреевъ въ Польшѣ вызванъ не интересами государственности, которой нѣтъ еще. Будущей автономіи Польши еврейство не враждебно ни по совокупности своихъ интересовъ, ни по общественной психологіи своихъ руководящихъ партій. Напротивъ, въ разныя эпохи и въ разныхъ формахъ евреи были неизмѣнными участниками освободительныхъ движеній въ Польшѣ. Поэтому, бойкотъ, какъ средство рѣшенія, вѣрнѣе—уничтоженія еврейскаго вопроса, можетъ имѣть одинъ только смыслъ—«прокормленія» польскаго населенія за счетъ «иныхъ народовъ». Патріотизмъ средняго сословія Польши, поднимающагося изъ хаоса экономической борьбы въ дополненіе къ прочимъ частямъ хозяйственнаго организма, очевидно, помѣщается у него «въ карманахъ».

Въ этой фазѣ польско-еврейскаго сожителства интересы обнажились. Экономическій разгромъ, политическое подчиненіе, а въ перспективѣ вытѣсненіе «врага» изъ Польши — такова задача польскаго націонализма, таковъ его естественный грѣхъ. Но эпоха бойкота принесла грѣхъ «сверхсмѣтный». Сохранились антипогромныя традиціи, но равноправіе, уваженіе къ праву несовмѣстимо съ звѣриной травлей, съ воспитаніемъ въ широкихъ массахъ, чисто зоологической ненависти, демагогскимъ запугиваніемъ «германофильствомъ» еврейства, будто бы органически ему присущимъ. Еще менѣе совмѣстимы традиціи «культурнаго антисемитизма» съ использованіемъ въ дѣляхъ общественнаго ущемленія евреевъ русскаго правоваго прессы. Развѣ обращеніе къ нему съ ходатайствами объ ограниченіи тѣхъ или иныхъ группъ евреевъ въ правахъ ¹⁾ не есть обращеніе къ *tertius gaudens*. Война и связанная съ нею событія только усилили тягу польскаго націонализма въ эту сторону.

Излагая свои варшавскія впечатлѣнія, Е. Д. Кускова передаетъ, что прогрессивные поляки «не вѣрятъ въ русское прогрессивное общество, не надѣются на него, ничего не ждутъ отъ него. Сейчасъ они видятъ передъ собой только русскую

¹⁾ Въ концѣ 1913 г. Совѣтъ министровъ отклонилъ ходатайство Варшавскаго Городскаго Кредитнаго Общества объ органиченіи числа евреевъ-уполномоченныхъ процентной нормой максимумъ въ 20%. Коло высказалось за ограниченіе $\frac{1}{10}$ нормой участія евреевъ въ городскомъ самоуправленіи Польши.

власть. Она протянула имъ руку, и они устремились къ ней навстрѣчу. Отъ нея, отъ союза съ ней, они ждутъ теперь исполненія своихъ надеждъ, своихъ стремленій. ¹⁾

Сѣмена бойкота, брошенные въ народную душу, дали ядовитые всходы во время войны и оказались хорошей подготовкой для выполненія стремленій польскихъ націоналистовъ по еврейскому вопросу. Въ союзѣ съ русской реакціей они открыли одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ исторіи Польши. Но это же своеобразное «вмѣшательство», «обстоятельство военного времени» вызвало и послѣднюю фазу польской постановки еврейскаго вопроса подъ знакомъ отмѣны «черты осѣдлости».

V.

«Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, языкѣ, въ самоуправленіи. Одного ждутъ отъ васъ Россія,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія».

Могучее значеніе манифеста въ томъ, что онъ одѣлъ плотью и кровью реального образа туманную мечту объ освобожденіи и воссоединеніи Польши. Но освободительный по духу манифестъ отвергъ историческую тенденцію вершителя судебъ Польши,—націонализма, къ стремленію быть полнымъ и единственнымъ хозяиномъ на своей землѣ.

«Уваженіе къ правамъ другихъ народностей» не могло входить въ хозяйскіе расчеты уже по одному тому, что евреи составляли слишкомъ значительное меньшинство всего населенія Польши, сосредоточенное въ городахъ, гдѣ они имѣли частью даже и большинство. Манифестъ въ его прямомъ толкованіи угрожалъ раздѣленіемъ власти (по крайней мѣрѣ въ сферѣ городского самоуправления) которое даже, по терминологіи сторонниковъ «Prawd'y», было бы «раздѣломъ» Польши, недопустимымъ ни въ какомъ случаѣ. Поэтому «народовцы», оставаясь вѣрными себѣ, объявили евреевъ не народностью. Но и имъ не удалось выдержать до конца эту историческую точку зрѣнія, гласящую: «надъ Вислой не можетъ быть двухъ народовъ». Идей-

¹⁾ „Новый Восходъ“. № 47, 1914 г.

ное «вмѣшательство» русскаго прогрессивнаго общества, опирающагося на манифестъ, отнюдь не оказалось *quantité negligible*. Его было достаточно, чтобы заставить народовцевъ склониться хотя бы передъ признаніемъ того реальнаго факта, что «евреи живутъ въ Польшѣ и будутъ жить въ ней послѣ войны, ихъ положеніе должно быть какимъ-нибудь способомъ регулировано, *modus vivendi* долженъ быть установленъ» ¹⁾. Это звучитъ по иному, точно такъ же, какъ и признаніе того, что «осуществленіе мечтаний отцовъ и дѣдовъ», устройство будущей Польши должно интересовать не только тѣхъ евреевъ, которые живутъ на ея территоріи, но и весь еврейскій народъ.

Но это только внѣшній стиль новыхъ народовческихъ выступленій. Внутренняя работа въ старомъ направленіи шла съ первыхъ дней войны, все болѣе отравляя сознаніе взбудораженнаго, испуганнаго призракомъ нѣмецкаго нашествія, измученнаго крестьянства и мѣщанства. Она приняла еще болѣе острые формы, забросивъ притушившееся орудіе бойкота, и выдвинула «германофильство» еврейства, какъ основное противъ него обвиненіе. «Всѣ симпатіи тянутъ евреевъ къ Германіи, ибо ихъ объединяетъ съ нею не только общность языка (признаннаго «національнымъ» нѣмецкаго жаргона), но и прежде всего перспектива коллективнаго вліянія, финансоваго могущества въ государствѣ и не стѣсняемаго никакими ограниченіями развитія» ²⁾.

И это пишеть во время войны съ Германіей газета того же политика, который семь лѣтъ назадъ говорилъ, что евреи въ массѣ «тянутъ къ Россіи». Такъ какъ за семь лѣтъ объективные интересы народа измѣнились не могутъ, очевидно, что евреи тянутъ и къ Германіи, и къ Россіи въ зависимости отъ того, какаа тяга можетъ быть представлена въ болѣе отрицательномъ видѣ передъ лицомъ польскихъ массъ. Вѣрная себѣ н.-д. продолжала борьбу съ еврействомъ, какъ цѣлымъ и послѣ манифеста. Организуясь легально, организуя вокругъ обывательскихъ комитетовъ, гдѣ она преобладаетъ, широкія массы народа, она требуетъ отъ еврейства полнаго и безусловнаго подчиненія видамъ своей національной политики. Она не только не включила евреевъ въ

¹⁾ Gazeta Warszawzka*.

²⁾ „Gazeta Warszawska“, № 136.

ряды организованных обывателей, но и предоставила своим органам опредѣлять, какія нужды существуют у евреевъ и какъ онѣ должны быть удовлетворяемы. Еврейскія организаціи она игнорировала совершенно, а когда онѣ начали возникать, она въ лицѣ обывательскихъ комитетовъ перестала замѣчать и нужды еврейскія. Нѣтъ на Вислѣ двухъ народовъ! Такова народовческая постановка еврейскаго вопроса.

Но оживленіе общественности Польши вызвало наружу и другую постановку, со стороны прогрессистовъ. Какъ ни слабы по своему вліянію въ Польшѣ политическія группы послѣднихъ, эта постановка не можетъ быть обойдена хотя бы потому, что въ многочисленныхъ статьяхъ и выступленіяхъ по польско-еврейскому вопросу въ русскомъ обществѣ и русской печати преобладали польскіе прогрессисты, говорившіе отъ имени польскаго общества. Прогрессисты исходятъ изъ тѣхъ же двухъ конкретныхъ фактовъ, лежащихъ въ основѣ польско-еврейскаго сосѣдства, что и народовцы. Концентрація евреевъ въ Польшѣ и въ городахъ, въ частности, это, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, ростъ національнаго самосознанія и организація внутри еврейства. Еще въ недавнее время—4—5 лѣтъ назадъ польскій прогрессивный союзъ считалъ ассимиляцію евреевъ единственной формой и условіемъ сожителства съ поляками. Въ своей извѣстной декларативной резолюціи онъ заявилъ: «Независимо отъ всякихъ теоретическихъ выводовъ и искусственныхъ политико-соціальныхъ конструкцій, создаваемыхъ еврейскимъ национализмомъ, мы полагаемъ, что польскій народъ никогда не допустить раздѣла своей земли и организаціи равноправной польско-еврейской компаніей, и для борьбы съ этого рода стремленіями всегда будетъ обладать достаточной силой». Болѣе откровенный А. Свентоховскій въ 1910 г. писалъ въ «Prawdѣ» (№ 41) по поводу этой резолюціи: «Ассимиляція можетъ быть только полной, она не допускаетъ оговорокъ... Не для того мы землю нашу напоили кровью и слезами, народность любили до экстаза, сто лѣтъ терпѣли и боролись, чтобы замѣнить нашу родину польско-еврейской. Не только обособленности на почвѣ языка (odrębności językowych) признать и допустить не можетъ, но и того, чтобы чувство солидарности съ гетто, съ несознательной, стоящей внѣ общественности, некультурной въроисповѣл-

ной группой могло въ чемъ бы то ни было ослаблять или измѣнять линію общенациональныхъ стремленій».

Мы видимъ, что прогрессисты въ 1910 г. стоятъ на почвѣ народно-демократической программы 1903 г. Или полное подчиненіе или борьба. Третьяго выхода нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ крахъ ассимиляціи путемъ мирнаго растворенія еврейства въ польской культурѣ обрисовался съ полной опредѣленностью. Оставалось приложить силу. Несомнѣнно, что бойкотистское настроеніе охватило и прогрессистовъ. Но для нихъ характерно не только это. Среди нихъ въ послѣднее время получило кредитъ предположеніе, что если не еврейскій вопросъ во всемъ объемѣ, то вопросъ о чрезмѣрной концентраціи евреевъ въ польскихъ городахъ, можетъ быть рѣшенъ путемъ отмѣны черты осѣдлости въ Россіи: «Съ уничтоженіемъ черты осѣдлости и съ установленіемъ всеобщаго образованія количество евреевъ уменьшится, жаргонъ, вѣроятно, выйдетъ изъ употребленія, а еврейское вѣроисповѣданіе потеряетъ тѣ черты излишняго увлеченія, которыя отталкиваютъ евреевъ отъ производительнаго труда» ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ еще яснѣе обрисовываетъ это послѣдствіе. «Еврейскій вопросъ въ Польшѣ приметъ тотъ видъ какой онъ принялъ на западѣ, т. е. сведется къ существованію одной больше религиозной разнovidности, не возбуждающей *никакой особенной опасности и никакого особеннаго интереса*» ²⁾.

Мы знаемъ, въ чемъ видитъ опасность г. Курнатовскій въ своемъ качествѣ прогрессиста: въ количествѣ евреевъ и въ жаргонѣ. Паденіе «черты» и опредѣляетъ существованіе евреевъ въ Польшѣ, какъ простой вѣроисповѣдной группы. Этотъ уголъ зрѣнія освѣщаетъ и позицію А. Ледницкаго по еврейскому вопросу. Въ отвѣтъ на просьбу К. Жицкаго стремиться къ облегченію ненормальнаго положенія евреевъ въ Россіи и Польшѣ—«этого пасынка исторіи»—снятіемъ черты осѣдлости А. Ледницкій пишетъ: «Исходя изъ правъ гражданина и человѣка, къ которымъ вы апеллируете, русское общественное мнѣніе же-

¹⁾ „Этнограф. Польша“, стр. 35. Г. Курнатовскій.

²⁾ „Русская Мѣсль“. Кн. XII. 1914 г.

лаеть, чтобы эти принципы проводились всюду. Результатомъ этого является стремленіе прогрессивной части русскаго общества къ отмѣнѣ черты осѣдлости. Эту позицію занимаетъ и наше общество, какъ вы отмѣчаете въ своемъ письмѣ.

Это общее мнѣніе по этому вопросу является залогомъ того, что стремленіе двухъ народовъ къ справедливому разрѣшенію еврейскаго вопроса будутъ увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ». «Русская пресса неоднократно поднимала этотъ вопросъ, равно какъ и тяжелыя условія нашего края, вызванныя искусственной концентраціей еврейскихъ массъ»¹⁾.

(Паденіе «черты» должно вызвать уничтоженіе «искусственной концентраціи», т.-е. разсѣяніе евреевъ. Вѣра въ ассимиляцію у прогресистовъ смѣнилась вѣрой въ разсѣяніе евреевъ, и въ ослабленіе еврейскаго элемента въ Польшѣ. Мы боимся, что и эта вѣра напрасна. Какъ живой народъ, евреи, приспособляясь къ условіямъ правовымъ и социальнымъ, мало-по-малу повседневнымъ, творчествомъ приспособляются и обстановку къ своимъ нуждамъ. Они растутъ въ дѣйствительность всюду, гдѣ живутъ массами. «Не такъ-то легко покидаются мѣста, насиженные чуть ли не цѣлымъ тысячелѣтіемъ. Съ провозглашеніемъ въ Австро-Венгріи полной эмансипаціи евреевъ, не сказалось сколько-нибудь замѣтнаго передвиженія евреевъ изъ одной половины монархіи въ другую, не обнаружилось разрѣженіе еврейской массы въ Венгрии и Галиціи²⁾). Съ другой стороны, экономическіе корни имѣющихся массовыхъ передвиженій,—напримѣръ, трансатлантической эмиграціи,—заключаются въ переходѣ изъ отсталыхъ въ болѣе развитыя промышленно-трудо-вые рынки. «Еврейская эмиграція—явленіе не только національное, вызванное общими политическими условіями еврейской жизни, но въ значительной степени и движеніе опредѣленнаго класса еврейскаго населенія, вызываемое извѣстными экономическими причинами»³⁾). Свыше $\frac{2}{3}$ всей еврейской эмиграціи даютъ лица занятія въ промышленности. Эти элементы ищутъ болѣе развитыхъ рынковъ. Лишь около 10% эмиграціи

1) „Виржевыя Вѣдомости“, № 321. А. Ледявцкіѣ.

2) „Речь“. Л. Пантелѣевъ. Январь.

3) „Евр. Энциклопедія“. Америка. К. Чорнбергъ, стр. 247.

даютъ лица занятія въ торговлѣ и транспортѣ. Такимъ образомъ, паденіе черты осѣдлости въ Польшѣ для ремесленниковъ будетъ обозначать возможность выбора между польскимъ и центральнымъ промышленнымъ райономъ. Напротивъ, возможна эмиграція профессій посредническихъ, а вмѣстѣ съ ростомъ производительныхъ силъ въ Польшѣ, новая иммиграція евреевъ занятыхъ въ промышленности. Именно эта иммиграція имѣетъ за собой всѣ шансы. Характерная черта еврейскихъ передвиженій—ихъ національный обликъ, т. е., массовое передвиженіе къ центрамъ наибольшаго скопленія. Америка привлекаетъ еврея-эмигранта не только, какъ страна свободы и колоссальный рынокъ для ремесленного и мануфактурнаго труда, но и какъ государство, въ которомъ онъ быстро ориентуется, легче пробьется, зная только свой родной языкъ, и гдѣ онъ можетъ продолжать свою прежнюю національно-культурную жизнь. Съ этой стороны, Польша всегда будетъ болѣе притягательнымъ центромъ для рабочаго-еврея, чѣмъ районъ промышленныхъ губерній, особенно, если принять во вниманіе возможное присоединеніе Галиціи.

Такимъ образомъ, вѣра въ разсѣянiе имѣетъ не больше оснований, чѣмъ въ ассимиляцію и отъ нея остается лишь фактическое стремленіе прогрессистовъ ослабить еврейскій элементъ въ Польшѣ, т. е. способствовать задачѣ всего польскаго націонализма: создать изъ свободной и единой Польши, «политическій монолитъ». Польская національная стихія находится пока въ рукахъ идеологовъ политическаго единства, стремящихся на основѣ средняго класса построить зданіе національнаго обособленія Польши.

Отрицательная сторона той же задачи есть уничтоженіе еврейства, *опаснаго* именно потому, что оно опредѣлило себя, какъ политическій организмъ, и что его жизнедѣятельность есть часть и продуктъ національной жизни всего русскаго еврейства. Если бы тѣ или иныя группы Польши нынѣ и пожелали обратить массы на иной путь—путь равноправія гражданскаго и національнаго, чтобы въ совмѣстномъ творествѣ двухъ націй организовывать формы новой Польши,—онѣ не могли бы. Онѣ натолкнулись бы на развитой общественный антисемитизмъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ польскаго на-

рода, за исключеніемъ сознательныхъ элементовъ пролетаріата. Но это отнюдь не значить, что въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ демократической общественности или что она менѣе этична, чѣмъ любая демократія другой націи, живущей подъ россійской кровлей. Это значить, что при существующемъ соотношеніи общественныхъ силъ демократическая часть польскаго общества еще *пока* безсильна очистить общественную атмосферу отъ власти великой злобы и мелкихъ идей. Но съ появленіемъ на сцену великой идеи—идеи осуществленія правъ польской національности на свободное развитіе, демократія получаетъ могучее орудіе борьбы за измѣненіе соотношенія силъ въ свою пользу. Постепенное преобразование во внутреннихъ отношеніяхъ, замѣна у власти однихъ элементовъ другими, демократизація 'этой власти—ознаменуютъ повороты отъ національной борьбы, отъ стремленія придавить и уничтожить «инородца» къ мирному и дѣятельному сотрудничеству. Польскіе и еврейскіе рабочіе дружно борются съ нуждой уже теперь. Организациія *всѣхъ* демократическихъ элементовъ Польши—и есть тотъ единственный путь, на которомъ можетъ быть найдено справедливое рѣшеніе вопроса въ духѣ права и правды, путь, на которомъ пересѣкнутся стремленія демократіи русской, польской и еврейской.

А. Золотаревъ.

Х А О С Ъ.

(Къ психологіи противоеврейскаго движенія въ Царствѣ Польскомъ).

Въ ряду современныхъ проблемъ культурно-общественнаго значенія нѣтъ сложнѣе и — нѣтъ проще еврейскаго вопроса.

Ни одна идея не перешла къ намъ въ такихъ грубыхъ архаическихъ искаженіяхъ, ни одна мысль не наслаивалась такъ мучительно долго мертвой паутиной вѣковъ. И—вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ, какъ на еврейскомъ вопросѣ, не провѣряется съ такой легкостью *условность общественнаго самовнушенія*.

Устанавливая фактъ, что еврейскій вопросъ не существуетъ во многихъ европейскихъ странахъ, мы прикрѣпляемъ его къ мѣстнымъ, политическимъ и общественнымъ условіямъ, какъ явленіе эндемическаго характера и указываемъ на возможность и необходимость разрѣшенія его путемъ оздоровленія той среды, въ которой ютится еще это живое преданіе средневѣковья.

Однако, достаточно ввести его въ заколдованный кругъ самыхъ распространенныхъ представленій объ «еврейскомъ засылыи» или «неспособности евреевъ къ гражданственности и истинной культурѣ», чтобы осложнить все до неразрѣшимости и—абсурда.

Но именно на такую мертвую точку поставленъ въ послѣдніе годы еврейскій вопросъ гонителями еврейства въ польской буржуазной прессѣ и обществѣ!

Обобщая эти «цвѣты зла», легко, конечно, прійти къ самымъ безотраднымъ и опрометчивымъ выводамъ; рассматривая же ихъ какъ индивидуальный феноменъ чудовищнаго роста, возможный только въ Царствѣ Польскомъ, мы повторили бы по отношенію къ Польшѣ грубую ошибку тѣхъ польскихъ писа-

телей, которые склонны приписать еврею особые, неиз-
вѣстные другимъ народамъ пороки и недостатки.

Исключительность такой постановки вопроса заставила даже польскаго «гуманиста» Андрея Нѣмоевскаго въ декадахъ его «Независимой Мысли» временно отказаться отъ Европы и исторіи специально на предметъ выдѣленія «дѣла объ евреяхъ» въ особое социологическое производство и—одновременно при-
бѣгать къ Европѣ, исторіи и научнымъ авторитетамъ тамъ, гдѣ, по удивительной логикѣ этого писателя, надо было рато-
вать за свободу человѣческой мысли и личности, конечно, съ изъятіями для евреевъ, предусмотрѣнными нѣкоторыми стра-
нами, законами и обычаями.

Очевидно, и эта необычайно яркая полоса либеральнаго недомыслия и лицемерія такъ же исторична, какъ все другое, свершившееся и совершающееся нынѣ на польской территоріи. Историчны драгонады и сыски, совершаемые варшавской рептильной прессой, безконечныя ревизіи паспортовъ и видовъ на жительство писателей, художниковъ, ученыхъ, политиковъ, заподозрѣнныхъ въ жидовствующей ереси, забавные—почти безпримѣрные по своей великолѣпной наивности—именные про-
скрипціонные списки евреевъ, интердикты и запрещенія, налагаемые на либеральныя профессіи, лишеніе евреевъ и лицъ еврейскаго происхожденія права именоваться поляками, отчу-
жденіе изъ «сферы еврейскаго вліянія» цѣлыхъ областей труда и энергіи, регламентація дѣятельности, жизни и убѣжденій не-
зависимыхъ людей во имя націонализаціи отечественной тор-
говли и промышленности, а въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ для ради тѣхъ непосредственныхъ матеріальныхъ вы-
годъ, которыя давала и поднесъ даетъ въ обезличенной средѣ систематическая травля евреевъ копѣчными газетами, копѣч-
ными людьми и характерами въ рѣдкій праздникъ торжеству-
ющей посредственности и дряхлости.

Не боги горшки обжигаютъ и не боги создали хаосъ злобы, ненависти, взаимнаго непониманія. А повинны въ немъ—и по-
ляки, и евреи.

Надо огромной выдержки, устойчивости, знанія своего общества, чтобы свободно отвергнуть все другія навязывае-
мая вамъ позиціи, кромѣ одной приемлеой: *польскаго гражда-*

нина, ведущаго борьбу не съ обществомъ и не внѣ общества, а съ противообщественнымъ характеромъ антисемитизма, съ искусственнымъ расколомъ общества на двѣ враждующія стили, съ недопустимымъ ни въ еврейскомъ, ни въ какомъ бы то ни было вопросѣ умаленіемъ человѣческаго достоинства, съ обезцѣненіемъ цѣнностей польской культуры, съ явленіями несомнѣнной реакціи и обскурантизма, а подчасъ и политической невмѣняемости тѣхъ классовыхъ группъ и слоевъ, которые возвели въ канонъ и императивъ польской жизни—*презрѣніе къ цѣлому народу*, какими бы высокими побужденіями оно ни прикрывалось и какими бы громкими именами ни скрѣплялись ихъ деклараціи и манифесты.

Варшавскіе журналисты, прибѣгающіе поминутно къ анаемствованію своихъ противниковъ, лично для меня не перестаютъ быть объектомъ искренняго удивленія.

Внутренняя поза современнаго человѣка (мыслителя!), изрекающаго надъ другимъ проклятіе и даже не въ горячемъ спорѣ, а въ ежедневныхъ холодныхъ расужденіяхъ о любви къ отечеству и народной гордости — поза шарлатана, обнаруживающая органическій дефектъ въ мышленіи.

До чего все это было убого и жалко! Въ силу простого закона взаимности, «право» отлучать другъ друга отъ общества количественно—такъ же безконечно, какъ отраженіе двухъ зеркалъ, а качественно—такъ же безумно и бессмысленно, какъ желаніе подчинить себѣ человѣка силой площадной брани.

Да и что такое, наконецъ, — родина, общество, край,—и существуетъ ли одно авторитетное лицо, одинъ органъ и одна собирательная единица, властные реально или идеально распространить свою волю на не всегда уловимую даже для личности сущность національнаго самоопредѣленія? Если бы такая воля существовала, то ее, конечно, слѣдовало бы парализовать, какъ поражаютъ волю людей, посягающихъ на свободу личности.

Кто говоритъ: «моя родина, мой край, мое общество», тотъ устанавливаетъ и освящаетъ внутренній фактъ, огромную исторію своихъ переживаній, перешедшую и въ реальную очевидность, и въ идею. «Родина» — польская или другая — это не приходъ, не городъ и даже не территорія и населеніе по однодневной переписи, а прежде всего — это память и устремленіе

человѣка къ *родинѣ будущаго*, т.-е. та область, гдѣ воля человека не нуждается даже во внѣшнемъ проявленіи, а истолковывается сама по себѣ — Божіей милостью.

Car tel est nôtre plaisir — и эта формула болѣе приличествуетъ каждому человеку, чѣмъ нѣкогда — королямъ Франціи, ибо она указываетъ на традицію идеи, имѣющей за собою великое царственное прошлое не въ механическомъ, а во внутреннемъ преемствѣ и развитіи человѣческой личности.

Поэтому вторженіе въ сферу, исключаящую, по самой природѣ вещей, возможность всякаго вмѣшательства и воздѣйствія, безрезультатно и лишено здраваго смысла. Легкомысліе на этомъ уровнѣ равнялось бы обману, какъ желаніе внушить человеку состояніе отверженности отъ міра или симуляція слѣпоты и невѣдѣнія, еслибы оно не объяснялось проще — сознательнымъ и исполнѣ послѣдовательнымъ макиавелизмомъ варшавскихъ демагоговъ, или, какъ ихъ тамъ принято называть, «практическихъ политиковъ», трактующихъ еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія партійнаго эгоизма, какъ орудіе агитаціи. Здѣсь, какъ и во всей политикѣ, практической философіи и морали господь промышленности и торговли, двуличіе, ложь, хитрость, предательство, подтасовка фактовъ, отождествленіе идеальныхъ и матеріальныхъ интересовъ народа съ интересами класса и вообще принципиальная неразборчивость въ средствахъ признаны планомѣрно къ одной задачѣ приращенія авторитетности и силы за счетъ другихъ классовъ и другихъ творческихъ силъ общества.

Все прочее, всѣ фразеологическія извилины и развѣтвленія, какъ легенды и сказанія о всенародномъ благѣ, о чистотѣ культуры, о завѣтахъ прошлаго — примыкають къ одной магистральной линіи, исходятъ изъ одного центра, имѣють значеніе оглушительной, патріотической рекламы, индустриально и коммерческаго пафоса, къ дѣланію котораго въ Царствѣ Польскомъ, какъ, впрочемъ, вездѣ — *urbi et orbi*, привлечены по призванію и найму литературныя силы, духовенство, наука и искусство.

Въ логовищахъ молодой польской буржуазіи, въ общемъ, все до тонкостей и деталей обстоитъ такъ же плоско и благо-

получно, какъ во всѣхъ ей родственныхъ или даже враждебныхъ буржуазіяхъ Европы.

Вся разница лишь въ томъ, что на долю буржуазіи Царства Польскаго, еще не оформившейся, не окрѣпшей и не окончательно вышедшей изъ феодально-шляхетскихъ пеленокъ, выпала особенная задача. Вовлеченная исторіей въ борьбу за политическую свободу края, она увѣровала въ свою миссію: обдѣлывая свои дѣлишки, попутно капиталистически печаловаться «за весь народъ», и надо сказать, что эти сверхъ-функции она исполняла самымъ превратнымъ образомъ, рабски малодушно и, конечно, гораздо плоше донъ-кихотствующей шляхты, отъ которой переняла всѣ недостатки и ни одной доблести. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, и противорѣчить понятіямъ о современной демократіи (т. е. лже-демократіи) третьяго сословія, можно, опираясь на исторію Польши послѣ ея раздѣловъ, утверждать, что отъ Конституціи 3 мая до возстанія 63 г. включительно и потомъ еще, въ первые, медовые годы позитивистской реакціи, польская шляхта ближе стояла къ обществу, шире и пѣльнѣе охватывала понятіе о народѣ и обществѣ, думала и дѣйствовала въ болѣе стильныхъ, общеевропейскихъ категоріяхъ мышленія и послѣ войны 30—31 гг., особенно въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія, была, по своему времени, въ своихъ исканіяхъ обновляющихъ началъ польской жизни (литература эмигрантовъ) гораздо смѣлѣе, демократичнѣе и умнѣе своихъ преемниковъ.

Среди польскихъ буржуазныхъ дѣятелей современной формациі — ни одного государственнаго ума *in potentia*, ни одного репрезентативнаго таланта и даже ни одного совѣстливаго политика, который, презрѣвъ мелочную, сварливую грызню двухъ адекватно-безнадежныхъ націонализмовъ — польскаго и еврейскаго — пріялъ бы смѣлость посмотреть на общество съ точки зрѣнія фактическаго соціального единства поляковъ и евреевъ. Ни одного смѣлаго, властнаго голоса въ защиту гражданскихъ правъ миллионнаго населенія, ни одного «мужа честна» среди миллионновъ, ни одного отступника отъ фабричныхъ шаблоновъ «общественнаго мнѣнія», — хуже: ни одного европейца, ни одной личности!

Поразительное малодушіе! Для людей, привыкшихъ измѣ-

рять глубину и справедливость человѣческихъ дѣйствій количествомъ послѣдователей — «единодушіе».

Отмалчиваться «міромъ» отъ совершающагося на вашихъ глазахъ уродованія исторіи! Если бы не было другихъ аргументовъ противъ возврата къ могильному прошлому человѣчества, то достаточно было бы того одного факта, что (противъ тезиса «ecrasez le juif!» въ средѣ польскаго не раздалось ни одного: veto!

Не въ счетъ прогрессивное худосочіе косноязычной «Новой Газеты», и не въ счетъ часто безтактная жаргонная пресса.

Ambo meliores. И здѣсь и тамъ не люди, уважающіе свою и чужую свободу, сознательно, вдумчиво относящіеся къ дѣйствительности, а рабы, торгаши, съ засученными рукавами, перебранивающіеся съ своими конкурентами на порогѣ своей священной коммерціи.

Въ польско-еврейской распрѣ нѣтъ «воздуха», нѣтъ перспективы. Къ исторически сложившемуся въ сто лѣтъ польскому провинціализму приноровлено и провинціальное міросозерцаніе людей, толкающихся въ безпросвѣтномъ туннелѣ, ушедшихъ съ головою въ микрокосмъ локальныхъ интересовъ. «Быть философомъ въ Польшѣ? — говоритъ Станиславъ Брюзовскій — но зачѣмъ? для кого?» Дѣйствительно, въ данное время — незачѣмъ и не для чего.

Политика безъ возможности реализаціи самыхъ скромныхъ политическихъ запросовъ, беспочвенная юбщественная дѣятельность, топчущаяся на одномъ мѣстѣ, атмосфера придирчивости или индифферентизма и той непереваемой «promiscuité» родныхъ человѣчковъ, въ которой какъ-то незамѣтно растворяется и гаснетъ все дѣйствительно важное и творческое и, наоборотъ, раздуваются до величія мизерные подвиги провинціальныхъ знаменитостей. Одна за другой, одна посредственнѣе другой, выдвигаются идеи «грандіознаго, историческаго» значенія, давно вошедшія въ обиходъ экономической жизни другихъ странъ, достойныя кивка головою, одобренія и не вызывающія въ васъ, въ дальнѣйшемъ, ничего, кромѣ великой скуки.

Кооперативы! Чего проще и лучше, нормальнѣе! Если вамъ нужны скотобойни или подъѣздыныя пути, сдѣлайте докладъ и постройте ихъ возможно скорѣе и, по возможности,

безъ ссылокъ на великую французскую революцію и на потрясеніе основъ мірозданія въ томъ случаѣ, если къ постройкѣ будетъ приступлено не сейчасъ.

Если вамъ нужно покрыть сѣтью кооперативовъ все Царство Польское или завести свою потребительную лавочку на свѣчномъ заводѣ, наберите штатъ приказчиковъ изъ коренныхъ, потомственныхъ шляхтичей — и спасенъ многотомный романъ. Это не только беспорное право, но функциональная, кухонная очевидность. Но знай сверчокъ свой шестокъ и ни шагу дальше въ гостиную европейской мысли!

Изъ кооперативнаго движенія въ Ц. П., изъ хозяйственныхъ заботъ суетливой Марѳы выпадаютъ тамъ совершенно неожиданные, неизвѣстные логикѣ экономіи, ни повседневному опыту сюрпризы.

Оказывается, напр., что Марксъ не ученый, а жидъ и социалистъ, что въ сущности, если его сравнить съ такимъ всемірнымъ, кооперативнымъ теніемъ, какъ г. Садзевичъ — онъ человекъ одноклѣй, что коварной Европѣ не удастся навязать Царству Польскому линію общечеловѣческаго поведенія («Независимая Мысль», «Правда» и др.), что всѣ художники-евреи кооперативно бездарны, а писатели-евреи изъемяются изъ словообращенія. Поэтому, т. е. въ силу необходимости оттягать у еврея потребительную лавочку, польскій ученый, математикъ «изъ евреевъ» отставляется отъ званія ученаго и предсѣдателя общественной библіотеки, а польскіе издатели отъ лицъ еврейскаго происхожденія, до десятаго поколѣнія включительно, не пріемлютъ рукописи.

Вотъ гдѣ можно захватить въ ихъ классической, трогательной простотѣ законы мѣщанской этики. Параллелизмъ кармана и т. н. «души». Міръ, народъ, Польша — какъ потребительная лавочка, Сезамъ неизсякаемыхъ возможностей выскочить въ первую очередь на рынокъ благоглупости!

Въ Ц. Польскомъ идетъ сейчасъ занятый торгъ съ переторжкой на поставку самаго низкопробнаго антисемитизма. Человекъ когда-то начинался отъ дворянина и священника. Въ Ц. П., въ кругу интеллектуальныхъ лавочниковъ и авгуровъ погоды, онъ начинается отъ ненавистника евреевъ.

Это своего рода философскій камень патріотизма, символъ

вѣры, испытаніе лойяльности, отреченіе отъ дьявола и путь къ вѣчному спасенію.

И вотъ мы наблюдаемъ крайне любопытное явленіе, общее націоналистическимъ реакціямъ, явленіе культурнаго паразитизма, конечно, за счетъ еврейскаго вопроса. Стоитъ обществу хотя бы на время ограничить бюджетъ своихъ идейныхъ потребностей, чтобы вызвать ихъ паденіе до нуля. Такъ было въ Россіи послѣ 1906 г. и такъ случилось въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ сразу поднялся спросъ на ура-патріотовъ и жиждовъ. Кто не гораздъ ни умомъ, ни талантомъ, можетъ быть профессиональнымъ и дѣятельнымъ антисемитомъ. Доступность такого ценза погнала въ лагерь воинствующихъ мѣщанъ стадо весьма лойяльныхъ и весьма ничтожныхъ людей.

Реабилитация бездарности явилась непосредственнымъ результатомъ прямолинейныхъ устремленій въ одну цѣль: выживать евреевъ изъ общества на всѣ лады ¹⁾).

Когда выставляютъ принципъ расовой народности и *только* народности, какъ догму отпущенія грѣховъ, все прочее, вся награнная культура—пустой, безсодержательный звукъ, придатокъ, ненужность, роскошь.

На сцену жизни появляется звѣроподобный духъ первобытнаго человѣка, рѣпающаго дѣла крикомъ, самосудомъ, угрозами. Стоитъ лишь кликнуть кличь, обезсилить сознательные

¹⁾ Очень характерны въ варшавской боевой прессѣ 1912, 1913 гг. постоянныя жалобы на то, что евреи загубили репутацію нѣкоторыхъ высокоталантливыхъ польскихъ писателей. Указанія эти относятся главнымъ образомъ къ патріарху польскаго антисемитизма—Яну Еленскому и романисту Теодору Йеске-Хоинскому, вокругъ имени котораго въ польской критикѣ давно уже создалась пустота. Впрочемъ, и польская критика признана неблагополучной по еврейской чумѣ, хотя самые выдающіеся польскіе критики и историки литературы—проф. Ст. Тарновскій, Хмѣлевскій, Хлѣбовскій, Хржановскій, Ст. Бржозовскій — такіе же поляки, какъ и упомянутый Теодоръ I.—X. Родословныя этихъ писателей мнѣ неизвѣстны. Изъ другихъ польскихъ критиковъ сомнительнаго происхожденія, кажется, одинъ лишь В. Фельдманъ не принималъ участія въ освобожденіи Вѣны Японъ Собѣскимъ. Но и въ «Польской литературѣ» Фельдмана, и въ библиографическомъ словарѣ Эстрейхера романистъ Теодоръ обезсмертенъ дважды: какъ Йеске и какъ Хоинскій. Наконецъ, самъ Хоинскій, уже примирившійся было со своей судьбой многорѣчиваго молчальника въ литературѣ,—

элементы общества. Опытъ въ этомъ отношеніи еще ни разу не измѣнилъ ни одному реакціонному правительству и ни одному Роману Дмовскому. Здѣсь можно дѣйствовать навѣрняка, вызывая по усмотрѣнію любые эффекты.

Разберите на время для отстройки плотину, которую воздвигали тысячелѣтія, которой вы гордитесь какъ «цивилизацией», и вы увидите, какъ черезъ всѣ щели и прорѣхи хлынетъ ютовая къ услугамъ стихія глупости. Вы увидите больше. Увидите воочію коллективный психозъ, лже-патріотическое кликушество, — формы жизни, переполненные до края и черезъ край одной болѣзненной, навязчивой идеей, исключавшей всѣ другія, безконечную цѣпь взаимозараженія, маньячское, убійственное однообразіе тоновъ, словъ, взглядовъ, дѣйствующихъ какъ невидимый ядъ, какъ повѣтріе.

Въ эти годы можно было подумать, что въ Варшавѣ перевелись вообще люди, неодолимые этимъ трагикомическимъ помѣшательствомъ, сохранившіе способность различать явленія по ихъ родамъ и видамъ, не приставивая евреевъ и еврейство къ лунѣ, полярнымъ странамъ, безконечности, находящимся, какъ извѣстно, внѣ черты осѣдлости израильтянъ, и, быть можетъ, и внѣ «еврейскаго засилья».

Стыдно, до гадливости стыдно было жить въ краѣ, гдѣ жизнь захватили въ свои руки знахари, мелкотравчатые обы-

лишь только вспыхнула великая борьба за кооперативную лавочку,—немедленно «возста на родъ» иудеевъ и вернулъ на сутки свою потерянную славу и любовь согражданъ.

Какое чудачество думать, что темныя, индифферентныя еврейскія массы могутъ «отравлять колодцы» вдохновенія!

Примѣру романиста Теодориха послѣдовали многіе другіе. Лодыри, не написавшіе ни одной книги, «художники», не сотворившіе ни одной картины, чернь газетъ, трактирщики безъ кліентелы, самые откровенные аферисты и искатели наживы, сбыта и популярности въ своемъ околдкѣ—предстали передъ публикой во всей перевозданной красѣ и ради Польши требовали себѣ триумфа.

Вошло въ обычай и манеру подчеркивать жирнымъ шрифтомъ блескъ своего существованія: **польскій** репортеръ, **польскій** рецензентъ, **польскій** адвокатъ (*bn prie de ne pas confondre*). На Западѣ эта разлившаяся муть давно водворена въ русло, и все возвышающій обманъ эксплуатируется партией «христіанскихъ социалистовъ» (*Chriſtlich-Sociale* въ Германіи и Австріи).

ватели, неподготовленные ни къ какой разумной дѣятельности, ни въ одномъ обществѣ неприванные къ водителству!

Но и знахари — «народъ»! Конечно, всеконечно. Неуязвимость бронированнаго націонализма заключается именно въ этой путаницѣ, неразберихѣ, самыхъ нелѣпыхъ и трубыхъ сочетаніяхъ идеи съ фактомъ, въ нежеланіи отдать себѣ отчетъ въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, допустить пересмотръ условныхъ понятій и представленій, и въ увѣренности, что есть священные слова, къ которымъ не посмѣетъ прикоснуться мысль человѣка. Это люди, которые передъ совершеніемъ какой-либо пакости — всегда заказываютъ обѣдни.

Польша и «Польша». Но какая? Имманентная—или движущаяся во времени и пространствѣ? Страна гражданской свободы или современная, скоропреходящая Варшава, претворившая ясную идею экономическаго возрожденія края — въ навозъ, въ очагъ безпредѣльной пошлости, безконтрольнаго и безнаказаннаго издѣвательства надъ народомъ и личностью?

Польша злобствующей мелкоты или Польша съ сильнымъ закономѣрнымъ общественнымъ строемъ, гдѣ *patriotу* будетъ противопоставленъ *гражданинъ*, посягательства на права котораго будутъ отражаться не только закономъ, но обычаемъ, устойчивой культурой, негодованіемъ сознательной, сплоченной среды? Польша «народово-демократичныхъ» ищетъ, роющихъ въ бумагахъ и могилахъ для установленія народности и принадлежности человѣка къ обществу, или страна смѣлыхъ, свѣтлыхъ людей, гдѣ тѣ, которые захотѣли бы производить такіе нелѣпые кадастры, — будутъ обречены на осмѣяніе и ничтожество?

Но допустимъ, что въ вопросѣ первой, реальной важности, который такъ волнуетъ населеніе цѣлаго края, нельзя ссылаться на будущія, неизвѣстныя перспективы, а надо согласовать свои «идеальныя хотѣнія» съ польской дѣйствительностью, съ существованіемъ на территоріи П. П. тѣхъ многочисленныхъ еврейскихъ массъ, способность которыхъ къ воспріятію гражданства подлежить сейчасъ сомнѣнію, и во всякомъ случаѣ можетъ быть предметомъ спора.

Учитываемъ здѣсь обычный упрекъ: вы идеальничаете за счетъ Польши, вы предъявляете слабой, разрозненной Польшѣ

несправедливыя и невыполнимыя требованія — отречься отъ народнаго эгоизма, отъ самой себя, отъ воли индивидуальнаго бытія, отъ естественныхъ стихійныхъ стремленій избѣжать такого пресыщенія еврейскимъ народомъ польскаго, при которомъ Польша потеряетъ свой историческій обликъ, свою душу, свою культуру, свою національную окраску («Полоно-Гудея»).

Но во имя чего же, какъ не во имя «идеальнаго» будущаго ведется та или другая борьба? Политическое и социальное будущее это не идеальная категория, не фантазія и не утопія, а это, какъ обмененіе полей, — органическое предусмотрѣніе, которое кроется во всякомъ реальномъ общественномъ явленіи, имѣющемъ всегда два облика: фактическое и зародышевое.

Когда, какъ въ аргументаціи польскихъ націоналистовъ, нацущивается мысль объ опасности быть задавленнымъ, затертымъ еврейской громадой, то всѣ благожелатели евреевъ и сами еврей-оппорционисты, приѣмлющіе такую точку зрѣнія, возбуждаютъ вопросъ: можетъ ли Польша при наличіи 14% отягченія ея евреями не затонуть, не затеряться «въ славянскомъ морѣ» или въ океанѣ всѣхъ другихъ народовъ міра? Между тѣмъ, въ этомъ вопросѣ уже а priori санкціонируется какое-то право одного народа на другой (евреевъ на поляковъ и обратно), которое отвергается нами самымъ рѣшительнымъ образомъ, а потому и отвергается самая постановка такого вопроса.

Лично—я абсолютно не вѣрю въ возможность для поляковъ ассимилировать, всосать и впитать въ себя такую огромную глыбу. Только почему же ее надо непременно «поглощать»? И почему же не допустить болѣе простой и болѣе исторической возможности, что только безразличная, небольшая часть евреевъ добровольно ассимилируется такъ, какъ это произошло въ другихъ странахъ, но что и остальные раздѣляютъ судьбу всѣхъ элементовъ, входящихъ въ современное общество, и будутъ въ Польшѣ и въ Россіи возведены на степень гражданства силой социально-экономическаго роста и той же силой припоровлены къ этимъ обществамъ на подобіе народностей, уживающихся подъ покровомъ государственности въ С. А. С. Штатахъ, видоизмѣнивъ или сохранивъ тѣ свои расовыя особенности, которыя только *могутъ*, а не *должны* устоять въ огромномъ, нивелирующемъ большія и малыя народности процессѣ объединенія

всѣхъ силъ къ созданію новой Земли, новаго мірового сознанія и новой сознательно-творческой исторіи, базирующихся на глубоко пониманіи общности интересовъ культурныхъ, экономическихъ, матеріальныхъ.

За осуществимость такой возможности говоритъ все, что мы знаемъ о современномъ сложномъ, территориальномъ обществѣ, допускающемъ сосуществованіе или—если угодно—симбіозъ двухъ и даже многихъ ярко очерченныхъ національныхъ группъ при условіи приноровленія ихъ къ переходнымъ формамъ отъ единой государственности (Россія) до единой государственности и общественности (С. А. С. Штаты, Швейцарія, Бельгія, отчасти Англія), съ сѣтью политическихъ или только національно автономныхъ ячеекъ.

И, наоборотъ, за доктрину польскихъ націоналистовъ, въ основѣ которой общество подмѣнено *единымъ народомъ* говорить только фактъ неприиспособленности къ новымъ сложнымъ задачамъ исторіи, къ которымъ польскій и еврейскій вопросы приобщаются ежечасно, независимо отъ безнадежной политики націоналистовъ, политики катастрофъ.

«Польша,—говорятъ намъ со всѣхъ польскихъ трибунъ,— не успѣла создать сильное польское мѣщанство, а на маленькой территоріи Конгрессоваго Королевства нѣтъ мѣста для другаго народа, къ тому—народа невѣжественнаго, отсталаго, замкнутаго въ своей отчужденности отъ Европы.

Мы думаемъ о польскомъ еврействѣ не менѣе рѣзко, и объ этомъ еще впереди.

Но найдите выходъ или дайте такую оцѣнку факта, которая, устанавливая ваше отрицательное къ нему отношеніе, привела бы такъ или иначе къ просвѣту.

Аргументъ слабого польскаго мѣщанства — аргументъ слабости, и тѣ, которые къ нему прибѣгаютъ, обнаруживаютъ удивительное политическое легкомысліе.

Никто не только не обязанъ, но и *не можетъ* ждать съ осуществленіемъ своихъ правъ, пока польское мѣщанство будетъ созрѣвать, крѣпнуть, укрѣплять свои позиціи.

Субъективная наивность такой локальной затѣи будетъ, очевидно, заброшена съ того момента, когда Польша почувствуетъ подъ собой твердую политическую почву. Этой страшной

сказкой о слабосильномъ мѣщанствѣ, о возможности задержать дыханіе людей на многіе годы, чтобы потомъ вздохнуть полной грудью, можно было одурачить только разрозненное, разбитое, мятущееся общество. Если же этимъ хотять только сказать, что вопросъ переносится на почву безошадной борьбы, то въдѣ и эта борьба будетъ протекать не внѣ общества, и, стало быть, она будетъ не борьбой народовъ, а борьбой классовъ и приведетъ только къ ихъ перегрушировке, а, во-вторыхъ, въ этой борьбѣ заинтересовано далеко не все польское населеніе края и недостаточно сильному польскому мѣщанству придется считаться не только съ организованнымъ польскимъ и еврейскимъ пролетаріатомъ, но и съ крупнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ капиталомъ, которые будутъ всячески учитывать въ свою пользу за-поздалыя шутки польской мелкой буржуазіи.

Во всякомъ случаѣ объ исходѣ евреевъ изъ Царства Польскаго нѣтъ рѣчи, а такъ какъ пока нѣтъ рѣчи и о массовомъ изнаніи евреевъ изъ края своими или чужими средствами, и даже о разгрузеніи еврейскаго баласта предоставленіемъ имъ повсемѣстнаго права жительства въ Имперіи («Улита ѣдетъ»...), то теоретически вопросъ направлень польскими національ-демократами на тушки, а практически на такіе же пути «ненависти и презрѣнія», и принялъ характеръ хронической острой болотной лихорадки. Она въ словѣ и въ дѣлѣ, и болѣе еще въ глухой враждѣ.

Отъ психологіи черни не далеко ушли и просвѣщенные варшавскіе писатели буржуазнаго типа (Нѣмюевскій, Дмовскій, Горскій, Садзевичъ и др.) Сохраняя приличіе тона и держась на извѣстной культурной высотѣ въ вопросахъ литературы, театра, критики и науки, — въ вопросѣ еврейскомъ они какъ бы считаютъ себя обязанными всемѣрно пособничать пошлости, снисходить до паѳоса и демагогіи.

«Кочующими крысами» назвалъ Александръ Свѣнтоховскій евреевъ. Что человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь служенію свободѣ, на закатѣ дней своихъ началъ говорить заплетаящимся языкомъ провинціала, — въ этомъ еще нѣтъ бѣды. Это — личная партикулярная трагедія колосса, вынесшаго на своихъ плечахъ почти тридцатилѣтіе польскаго позитивизма. Но что такой же стиль и манера усвоены многими дру-

тими талантливими писателями, точно письмовникъ или руководство для сношеній съ внѣшнимъ міромъ по еврейскимъ дѣламъ, — въ этомъ сказывается глубокой упадокъ вкуса и критическаго чутья.

Искусство писать есть прежде всего искусство думать, и нежеланіе даже теоретически, даже формально признавать за народомъ всю сумму отвоєванныхъ челоувѣчествомъ правъ — равносильно недомыслию ¹⁾).

Въ концѣ-концовъ, весь смыслъ существованія такой литературы сводится въ лучшемъ случаѣ къ лирикѣ мимолетныхъ непродуманныхъ ощущеній.

Мой Богъ! Съ одной частицей самоувѣренности всѣхъ этихъ Нѣмоевскихъ, Жымовскихъ, Лыпацевичей, Жицкихъ e tutti quanti можно было пересоздать весь міръ!

Кто такъ по-наполеоновски твердъ, непроницаемъ и увѣренъ въ своемъ правѣ презирать миллионы людей, тому ничего

¹⁾ Откровенія нѣкоторыхъ варшавскихъ «прогрессивистовъ» вызываютъ чувство недоумѣнія и жалости. Неизвѣстно, на что, собственно, рассчитываютъ эти господа: на излишекъ ли деликатности московской аудиторіи, или на ея полную неосвѣдомленность въ польскихъ дѣлахъ. Въ Москвѣ подвизался одинъ изъ варшавскихъ кооперативистовъ, г. Курнатовскій. Въ «Обществѣ Славянской Культуры», говоря объ этнографической Польшѣ, г. Курнатовскій апектируетъ бѣлорусовъ-католиковъ и отдаетъ Россіи бѣлорусовъ-православныхъ. Въ историческомъ кружкѣ говоритъ о какой-то, якобы существующей въ Польшѣ, «**партіи поэтовъ-нео-романтиковъ**», къ которымъ причисляетъ Марию Конопницкую (!!) и позитивистовъ. На вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ отвѣчаетъ, что, въ сущности, все обстоитъ благополучно и что по этому вопросу «онъ будетъ препираться въ польскомъ сеймѣ съ Романомъ Дмовскимъ». Но васъ не выберутъ, г. Курнатовскій! «Настъ (т.-е. Польшу),—говоритъ г. Курнатовскій,—спасутъ англійская и французская демократіи. Быть можетъ и дай Богъ. Но польскаго дѣятеля, который проспалъ пятидесятилѣтніе польской жизни (отъ 63 г.), не спасутъ всѣ демократіи міра.

Въ недавнемъ прошломъ Польши усмотрѣны г. Курнатовскимъ лишь двѣ свѣтлыя точки: крестьянская реформа и Крестьянскій банкъ!

Огромная кипучая работа позитивистовъ въ народномъ хозяйствѣ, финансахъ, наукѣ, искусствѣ, прессѣ—точка отправленія для новѣйшей польской исторіи, цѣлый переворотъ во внутреннемъ строѣ и укладѣ польской жизни, творчество такого размаха и захвата, что

не стоит передать силу своего внутреннего энтузиазма по всем направленіямъ и путямъ.

Посмотримъ теперь, какъ люди того же упадочнаго типа поддерживаютъ польскія дѣла передъ лицомъ русскаго общества.

Въ Варшавѣ принято думать, что эта сторона ихъ дѣятельности, какъ самый интимный и щекотливый моментъ польско-русскихъ отношеній, ускользаетъ отъ контроля, гласности и свободной критики.

«Подрывать престижъ» безкорыстныхъ дѣятелей, что бы они ни творили, нелюдяно и некрасиво. Дѣло домашнее: свои люди — сочтемся.

Но мы именно не «свои люди». Запреты и кривлянья нашихъ противниковъ для насъ — мертвая буква. Мѣщанскій кодексъ варшавскихъ условностей — одинъ изъ самыхъ истеричныхъ, жеманныхъ и нетерпимыхъ.

не упомянуть о немъ, говоря о началахъ современной, капиталистической Польши, значитъ, не понимать ни себя, ни живучести и энергіи народа послѣ упадка возстанія 63 г.—третьей катастрофы въ теченіе полувѣка,—вѣдь эти «мелочи», если онѣ г. Курнатовскому извѣстны — въ чемъ мы имѣемъ основаніе сомнѣваться—прибережены имъ, вѣроятно, для романческаго діалога съ Романомъ Дмовскимъ въ варшавской городской думѣ.

Г. Курнатовскій не разбирается въ самыхъ простыхъ вопросахъ и фактахъ, и его смѣхотворные выпады въ Москвѣ—одно сплошное недоразумѣніе.

Въ изданной имъ русской брошюрѣ «Евреи въ Польшѣ» онъ укоряетъ варшавскихъ евреевъ въ томъ, что они въ избирательную кампанію 1912 г. не избрали въ Государственную Думу г. Кухажевского—противника еврейскаго равноправія! Этого обстоятельства—т.е. того, что самъ Кухажевскій стоялъ за лишеніе евреевъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, не отрицаетъ и г. Курнатовскій. Несмотря на очевидную нелѣпность требованія, чтобы избиратели вѣряли защиту своихъ интересовъ лицу, не желающему ихъ защищать, г. Курнатовскій ссылается на свое письмо, помѣщенное въ газетѣ «Гонецъ», гдѣ онъ умолялъ евреевъ образумиться и подавать голоса за Кухажевского.

Къ сожалѣнію, евреи не послушались г. Курнатовскаго, и еще вѣроятнѣе, что письмо это, за неизвѣстностью автора, оставлено было безъ послѣдствій.

Любить шутки шутить г. Курнатовскій.

Эти «проволочныя загражденія» сотканы изъ очень старой, ржавой лжи, построены на пустомъ мѣстѣ и давно разрѣзаны нами вширь и вгось.

Внѣ парадныхъ обѣдовъ, съѣздовъ, засѣданій, застольныхъ здравицъ и рѣчей — какая безумная шляхетская спѣсь, какое высокомеріе и какое безцеремонное отношеніе къ своей Польшѣ и ея людямъ! Какъ вся эта шумиха, сердечныя благодарности и лобзанія претятъ демократическому духу! И какъ эти мирные герои адресной книги г. Варшавы, варшавскіе Добчинскіе, Лыпацевичи и Маниловы все́мъ давнымъ давно очертѣли!

Дѣло, конечно, не въ полномочіяхъ и мандатахъ. Ихъ нынче никто не можетъ дать, ни провѣрять. *Формальная* свобода говорить *за свой народъ* принадлежитъ всякому человѣку, какъ бы онъ ошибочно ни истолковывалъ волю народа.

Но мы говоримъ не объ оборотахъ рѣчи и не о ссылкахъ на авторитетъ народа, имѣющихъ значеніе торжественной клятвы.

Надо думать за весь народъ, какъ думалъ Адамъ Мицкевичъ.

Если намъ говорятъ: «Въ варшавскомъ обывательскомъ комитетѣ засѣдаютъ представители всѣхъ партій, и интересы еврейскаго населенія тамъ представлены», то нельзя эту все́мъ извѣстную ложь приписать *народу*, ибо ни одинъ народъ-море нельзя загрязнить ложью.

Если вы думаете, что въ политикѣ все позволено вплоть до лицемѣрія, если вы теперь же, когда нѣтъ еще Польши, прокладываете себѣ межъ могилъ красную дорожку къ курульнымъ кресламъ, рассчитывая на молчаніе въ прахъ поверженныхъ людей, то не народъ стоитъ за вами, а смѣхъ народа, ваша тѣнь, ваша карикатура.

«Итакъ,—скажутъ варшавскіе Кандиды,—въ этомъ лучшемъ мірѣ прекрасно все, изъ чего можно извлечь политическія выгоды».

Повѣрьте, что «долой евреевъ!» значить только «да здравствуетъ» какой-нибудь Жицкій! Либеральная дешевка — путь къ почестямъ. Медовые мѣсяцы ласки и участія — тоже. Тоже — сборъ пожертвованій и помпезное врученіе Лыпацеви-

чемъ народу русской лепты. Избиратели! Помните, кто въ минуту трудную ѣздилъ въ Москву, и проведите Лыпацевича въ гласныя думы!

Посланцы неба, провиденціальныя мужи! Народъ они третируютъ свысока, снисходительно, какъ богатые евреи своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

Се люди, се человекѣщи, которые и въ аду, и въ чистилищѣ ухитрились бы выхлопотать для себя почетныя мѣстечки.

Посудите же: надо ли создавать какое-то новое сильное мѣщанство, когда оно уже есть и, судя по его приемамъ, обладаетъ достаточной силой.

Я помню нѣкоторыя варшавскія бесѣды съ третьимъ элементомъ:

«Свобода Польши насъ ни къ чему не обязываетъ. Свободу добываютъ для себя, какъ особнякъ, комфортъ, рысаковъ. Политика? Да неужели вы не понимаете, что чѣмъ она изменнѣе, тѣмъ дѣйствительнѣе. Культура? Это неопредѣленное уравненіе со многими неизвѣстными. Слово это потеряло кредитъ, объявлено несостоятельнымъ. Культура все и ничто. Хорошая ванная, нормальная тюрьма, изящная женщина, кафе, въ которомъ мы съ вами сидимъ, — все, что дѣлаетъ жизнь удобной, безопасной и пріятной. А евреи? Ну стоитъ ли объ этомъ говорить! Когда-то они разорили моего дѣда. Теперь я продаю ихъ по пяти копѣекъ за строчку. А впрочемъ люблю и даже очень цѣню. Дойная корова — на годъ, на два хватить, а тамъ — посмотримъ. А теперь къ чорту еврейскихъ и польскихъ торгашей — давайте выпьемъ»...

А вѣдь, какъ бы то ни было, это — творцы жизни, даже — исторіи!

Бѣдный Станиславъ Бржозовскій! Въ его золотой ума палатѣ передъ смертью зарождалась монументальная философія религіи — строгаго премственно-культурнаго сознанія! И онъ восходилъ къ Богу...

А вотъ эти временныя люди одной червивой мысленкой сумѣли увлечь за собой край!

И все-таки заслуги ихъ въ дѣлѣ отрезвленія польскаго общества безспорны. Прямой политическій цинизмъ хорошъ ужъ тѣмъ, что онъ сберегаетъ энергію оппозиціи. Разоблачившихся

незачѣмъ разоблачать. Передъ нами люди съ большимъ трагическимъ прошлымъ. Ихъ стоитъ послушать. Это калачи тертые да перетертые, умѣющіе использовать каждый моментъ, дѣйствующіе по велѣніямъ непосредственного купецкаго опыта, извѣрившіеся во всемъ, кромѣ осязаемой эмпириі. Они еще не написали своей философіи и политики. Не потому, что среди нихъ нѣтъ талантливыхъ людей, а потому, что діалектически эта философія такъ же подвижна, какъ цѣны на мясо или на дрова.

Неподвижнымъ остается лишь ихъ механическое представление о народѣ, какъ однородной толпѣ, и, человѣкѣ, какъ сосудѣ низости и глупости. Но обнаруженіе такой философіи было бы скандаломъ, хотя она сквозитъ въ каждомъ ихъ словѣ.

Одного лишь не понимаютъ эти хищные люди. Непогрѣшимость ихъ тактики, успѣхи противоеврейской пропаганды, превзошедшіе всѣ ожиданія — это Пирровы «побѣды».

Онѣ одержаны съ великой затратой силъ, и не надъ евреями, а надъ собственной арміей.

Польша до войны не въ первый разъ являла примѣръ народнаго безволія, упадка, слабости.

Отъ возвратныхъ порывовъ къ романтизму до тупой, безпросвѣтной мѣщанской реакціи, отъ пережевыванія стараго хлама обанкротившихся идей — до абсолютнаго нигилизма и шутовства — одинъ хаосъ, одна жижа, растерянность и бѣснованіе.

Только въ отвратительныхъ условіяхъ существованія и могли народиться такія уродства, какъ амальгама социализма, шляхетства, мѣщанства и антисемитизма въ лицѣ знаменитой фракціи польской социалистической партіи, и только на истощенной почвѣ могли пышно расцвѣсти всѣ сорныя травы, все, что не дерзаетъ уже показываться на глаза тамъ, гдѣ кромѣ культуры пріятнаго, существуетъ еще мужественная культура суровыхъ обязанностей, культура элементарныхъ и непоколебимыхъ устоевъ, вокругъ, а не внѣ которыхъ нарастаетъ творчество народа.

Поэтому показатель силы варшавскихъ реакціонеровъ есть одновременно показатель слабости, распатанности, раздвоенія общества. Такая побѣда хуже пораженія.

Но попробуйте прійти съ вашими грубыми ухватками и

презрительнымъ тономъ въ уже сложившееся, организованное общество, попробуйте помѣряться силами съ аристократами англійской свободы, и, если васъ тамъ не заставятъ замолчать, то навѣрно заставятъ *слушать*.

(Польшу отъ самой себя, отъ ея внутренняго неустройства и анархіи общественной мысли спасти можетъ только своя сильная демократія ¹⁾).

До нея варшавскимъ про-регрессистамъ еще далеко, но, пожалуй, ближе, чѣмъ еврейскимъ массамъ до сознанія своего положенія въ Польшѣ.

Въ воскресный іюньскій день варшавская публика осматривала въ пригородномъ Виляновѣ паркъ и дворецъ короля Яна Собѣскаго, нынѣ собственность графовъ Браницкихъ. Во дворецъ пускали партіями человекъ въ пятьдесятъ. Толпа была пестрая. Много сѣраго люда: рабочіе, солдаты, мастеровые съ семьями. Нѣсколько отставныхъ военныхъ съ мальчиками-

¹⁾ Недавно вышелъ первый номеръ варшавскаго журнала «Польская Мысль». Новая времена—новые пѣсни. До сихъ поръ мы ихъ не слышали. Все ново, порывисто и необычно для потребителя варшавской періодической печати.

То, что предлагалось еженедѣльниками и газетами—могло печататься въ тылу каждой эпохи. До того оно было анемично и не отвѣчало—не могло отвѣчать настроеніямъ народа, на землѣ котораго ведется великая война.

Впервые заговорили не случайные люди, а призванные талантомъ, знаніями и глубокой искренностью. Встрѣчаемъ фамиліи Люд. Казьвинскаго, Сиг. Геринга, Иг. Матушевскаго; изъ младшихъ—Налковскую, Абрамовича, Малиновскаго, Маковского и др. Дружина по времени стильная: ополченцы, запасные и новобранцы, дѣйствующая армія польской демократіи. **«Интеллигенція,—читаемъ въ програмной статьѣ,—всплыла на поверхность жизни, какъ игристая, пустая пѣна... Это погибающій міръ... Тѣ, которые не войдутъ въ обѣтованную землю... Нельзя допустить, чтобы народъ питался отравленнымъ хлѣбомъ... Постѣвы должны быть чисты, какъ пламень... Надо держать общество въ духѣ правды... Изъ всѣхъ путей это путь самый прямой и короткій, ведущій общество къ единству»** и т. д.

Появленіе журнала вызвало переполохъ въ націоналистской прессѣ. «Арендари-предатели—объевреившіеся поляки» (Андрей Пѣмевскій). Все тѣ же старья, подбитыя орудія.

кадетами, школьная молодежь и «общество» нарядных горожанъ. Безшумно и чинно, понизивъ толось на нѣсколько тоновъ, съ обычнымъ шѣтетомъ къ прошлому, въ предшествіи лакеевъ, дававшихъ заученныя объясненія, передвигались мы изъ одной свѣтлицы въ другую.

Меня заинтересовали «простые» люди. Ихъ никто не училъ, какъ держаться въ музеяхъ и дворцахъ, чего нельзя трогать и гдѣ нельзя смѣяться и не внушали имъ родители уваженія къ исторіи, которой они не знали. Все это они усвоили нутромъ, инстинктомъ, *психическимъ* тактомъ.

Но среди посѣтителей было трое—мужчина и двѣ женщины, которые не умѣли слиться съ толпой: русскіе евреи, элегантно одѣтые и обутые. Они говорили на очень скверномъ русскомъ языкѣ, поминуту переходя на жаргонъ, — и отъ ихъ громкаго, рѣзкаго хохота и беспорядочной болтовни о Лодзи, Бѣлостокѣ, общихъ знакомыхъ и варшавскихъ кафе-шантанахъ получилось впечатлѣніе чего-то тупого, дикого. Очевидно, это были пріѣзжіе. Все здѣсь было для нихъ чуждо, все охранялось не полиціей, а самимъ обществомъ. И такъ какъ общество не располагало той силой, передъ которой они трепетали, то съ этимъ обществомъ они не считались.

Для меня этотъ случай не примѣръ, не шарадоксъ. Примѣромъ, безразличія еврейскаго мѣщанства, его какой-то роковой способности наживать себѣ враговъ своей ни для кого неприемлемой внутренней повадкой—столько же, сколько примѣровъ фатальной увѣренности въ томъ, что на всемъ протяженіи исторіи еврейскій вопросъ создавался лишь его злѣйшими врагами и завистниками, или что всѣ формы общезитія величины безконечно малыя, въ сравненіи съ его страданіями и бездомностью.

Эта аморфность внутренняго уклада, полное пренебреженіе къ моральнымъ факторамъ чужой жизни, поскольку они непосредственно не вліяютъ на ихъ политическое и матеріальное положеніе — къ сожалѣнію — провѣряются на каждомъ шагу. Быть можетъ, эта черта важнѣе всѣхъ другихъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ причинъ, которымъ приписывается, обыкновенно, исключительное, рѣшающее значеніе.

Гетто психическое, психическая замкнутость, потеря всѣхъ

другихъ точекъ зрѣнія, кромѣ тѣхъ несостоятельныхъ, которыя были имъ когда-то даны на задворкахъ исторіи, какъ прицѣль для примитивныхъ разсудочныхъ спекуляцій — хуже всѣхъ «чертъ осѣдлости» и накопленія евреевъ въ грязныхъ, вонючихъ кварталахъ Варшавы!

На томъ, чего нѣтъ—на отсутствіи общественнаго инстинкта — нельзя ничего строить, и если еврейскіе шовинисты думаютъ, что ревниво юберегая еврейство отъ окружающей среды, они стоятъ за свободу народа, то съ такой «свободой» надо бороться всѣми силами, ибо она понимается ими, какъ право на сохраненіе всѣхъ специфическихъ пережитковъ рабства, т.-е. тѣхъ сторонъ изъ національнаго быта, которыя навязаны еврейству, какъ позоръ, какъ клочокъ, какъ бубновый тузъ на спинѣ отверженныхъ.

Евреи, думающіе, что еврейскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ сводится только къ надѣленію ихъ политическими правами, или что въ немъ заинтересованы только евреи, а все прочее—это ужъ ихъ домашнее дѣло внутренняго обзаведенія и устройства, напоминаютъ себялюбивыхъ заводчиковъ, уклоняющихся отъ требованій санитарно-гигіеническаго характера. Заводъ связанъ цѣлой сѣтью невидимыхъ проволокъ съ остальнымъ міромъ: то, что безразлично для заводчика, безразлично для города, для цѣлаго края.

Я, французъ—англичанинъ—полякъ, заинтересованъ въ томъ, чтобы въ обществѣ не было гражданъ, демонстрирующихъ свою полную отчужденность отъ исторіи, вошедшей въ обычную культуру общества. Они могутъ говорить на какихъ угодно языкахъ, исповѣдывать какіе угодно религіозные культы, но отнюдь не стоятъ внѣ круга общества, какъ внѣшній самостоятельный кругъ, какъ «хата съ краю», и не разсматривать себя какъ клинъ, какъ занозу, какъ народъ въ народѣ.

Еврейская жизнеспособная культура, въ современномъ смыслѣ этого слова — дѣло будущаго творчества трудовыхъ массъ, вышедшихъ на путь современныхъ общественныхъ движеній. То, что было дано девятнадцать вѣковъ тому назадъ, давно впитано, переработано, и стало такимъ же достояніемъ исторіи, какъ египетская и античная культура. А окружающія творческія силы евреевъ—особымъ нимбомъ, имѣя передъ гла-

зами могущественное творчество другихъ народовъ — не приходится.

Культура страданій! Но вѣдь это, именно, и есть отрицательный коэффициентъ исторіи, разложившій содержаніе еврейской жизни, закрывавшій передъ нимъ двери въ края гражданской общественности. Трагедія—какъ положительная цѣнность! Можетъ ли что-нибудь быть губительнѣе, превратнѣе такой мысли!

Трагично и все неудавшееся, слабое, неприспособленное къ исторіи, творчеству, потерявшее на цѣлыя тысячелѣтія возможность перешагнуть камень трагического преткновенія, всѣ проклятія ненужной жестокости, всѣ незарубцованныя раны, хилость, уродство! Чѣмъ же тутъ гордиться!

Отъ конца XVIII вѣка до нашихъ дней польскіе писатели съ безпощадной суровостью учителей и реформаторовъ старались каленымъ желѣзомъ вытравлять изъ памяти народной это клеймо рабей самовлюбленности. Они поступали какъ справедливые мужи, не сваливающіе на весь міръ своихъ личныхъ несчастій. Сознаніемъ народныхъ немощей, грѣховъ, ошибокъ, преступнаго эгоизма и косности полна польская наука, искусство, публицистика, литература отъ XVI вѣка! Если бы собрать все, что Польша думала о причинахъ своего упадка и что она преподала себѣ, какъ урокъ исторіи, то можно только удивляться ея гражданскому мужеству. Современнымъ евреямъ чужда глубина такого сознанія. Это надо сказать смѣло, открыто, кричать имъ въ уши. Не знаю людей, болѣе нетерпимыхъ къ своимъ обличителямъ. Попробуйте сказать ортодоксальнымъ еврейскимъ массамъ, что онѣ, несмотря на свою грамотность и начитанность въ своихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, трезвость, трудолюбіе и семейныя добродѣтели, стоятъ ниже уровня культурной приспособленности другихъ народовъ, — и вы услышите вѣчную ложь объ интеллектуальномъ превосходствѣ евреевъ.

Оно покоится на заблужденіи, что то, чѣмъ они отбивались отъ грозы вѣковъ, неся неисчислимыя потери, сохранило и въ новыхъ условіяхъ ту же чудодѣйственную силу, что сила не въ томъ, чтобы порвать цѣпи, а въ томъ, чтобы оградить себя этими цѣпями отъ опасности, впредь до лучшихъ дней.

Скажите ортодоксальнымъ евреямъ, что законъ, вводящій общую обязательную элементарную школу былъ бы для нихъ дѣлесообразнѣе всѣхъ сокровищъ племенной мудрости, всѣхъ глоссъ и комментаріевъ къ ихъ ритуальному и обычному праву! Закройте всѣ хедеры и академіи самозванныхъ еврейскихъ учителей. Подверните строгой регламентаціи дѣятельность духовныхъ лицъ. Дайте имъ широкое, дисциплинированное, общественное воспитаніе. Научите ихъ свободно думать и свободно общаться съ другими національностями.

Европѣ не надо «избранныхъ народовъ», а надо здоровыхъ, толковыхъ, свободолюбивыхъ людей, для которыхъ исторія не прошла безслѣдно. Они должны проникнуться уваженіемъ къ грандіозности историческаго спектакля, продолжать его, играть въ немъ дѣятельную роль. Надо, чтобы еврейское мѣщанство ужаснулось своей косности, чтобы оно поняло, что оно почти ничего еще не внесло въ братство народовъ, что та культурная дешевка, которую оно, какъ всѣ, можетъ купить за деньги, создана безъ его участія, чужими нервами, чужой спиной.

Но для этого надо быть не рабомъ, задержаннымъ въ своемъ развитіи на безконечность и выжидающимъ, какъ манна небесной, всякихъ льготъ, послабленій и удачной жеребьевки!

Въ настоящемъ польскаго еврейства нѣтъ основаній для такихъ, далеко идущихъ ожиданій. Наоборотъ, начавшемуся было, особенно послѣ 1863 г., процессу духовнаго оближенія національностей въ послѣдніе десять лѣтъ положенъ предѣлъ дружными усиліями польской и еврейской националистическихъ агитацій.

Кромѣ того, наплывъ выселенныхъ изъ Россіи русскихъ и литовскихъ евреевъ внесъ путаницу и въ безъ того сложный комплексъ польско-еврейскихъ дѣлъ.

Новые пришельцы, очень дѣловые, экономически продуктивные люди, обнаруживали часто безцеремонное отношеніе къ польскому обществу, къ польскому языку, польской исторіи, занявъ невольню позиціи, давно оставленные самимъ правительствомъ.

Все та же логика рабства! Привычка оплачивать каждый

день своего существованія, вѣра во всевластіе посуловъ и взятокъ, самоуниженіе и отсутствіе политическаго и общественнаго такта.

А польско-еврейская—болѣе культурная буржуазія? Тѣ, которые успѣли насидѣть свои мѣста въ Полышѣ и выработать для себя болѣе или менѣе сносный *modus vivendi*—въ чемъ же они въ эти дни проявили свои силы, поняли ли навязанную имъ роль посредниковъ между еврейскимъ и польскимъ обществами и свое двусмысленное положеніе?

Веселящаяся, фланирующая и фрондирующая Варшава «Моисеева закона» попрыгала по угламъ и все, происходящее на ихъ глазахъ, перемалывала на городскія новости и сплетни. Перебѣганіе отъ непримиримаго еврейства до непримиримаго полячества, туда и обратно въ теченіе одного дня и часа, а въ большинствѣ случаевъ — беззаботный оппортунизмъ...

Ихъ изгоняли изъ «Общества польской культуры», изъ ученыхъ обществъ, изъ коллегіальныхъ корпорацій и союзовъ, бойкотировали въ общественныхъ кругахъ и товарищескихъ собраніяхъ, и—апогей великолѣпнаго презрѣнія—создали кафе, куда просили не вводить евреевъ и... собакъ. Образовалось—кромѣ только-еврейскаго и только-польскаго—еще третье, особенное общество второго разряда,—полячества котораго не признавали поляки, а еврейства—не признавали евреи.

Но среди этихъ избалованныхъ, истеричныхъ, тщеславныхъ вольноотпущенниковъ гетто, никто, ни одинъ *свободный человекъ*, не подверженный гипнозу толпы, не поднялся во весь ростъ и не сказалъ своего слова. Это было не ихъ ума дѣло. Потерять друзей польскихъ и еврейскихъ — остракизмъ, котораго не перенесли бы нервы полуполяковъ — полуевреевъ. И они онѣмѣли, нестолько отъ избытка чувствъ, сколько отъ ихъ недостатка, *въ силу готовности принять всякій міръ*, даже клоаку, при условіи матеріальной обезпеченности.

Впрочемъ, они раздѣляли съ польской буржуазіей презрѣніе къ еврейской бѣднотѣ и пролетариату, а общались съ «истинными» поляками, не какъ равные съ равными, а какъ люди, виновные въ своемъ низкомъ происхожденіи, случайно входяіе въ польскій барскій домъ, предупреждавшіе всѣ желанія и капризы своихъ покровителей.

Смотря по модѣ и времени, они были сверхъ-материалистами, сверхъ-романтиками, сверхъ-декадентами и сверхъ-антисемитами.

И когда ихъ начали гнать въ хвостъ и въ гриву изъ этихъ салоновъ воображаемой, химерной пышности и невыносимой слѣси, гдѣ все было фальшиво, надуто, условно до омерзения и гдѣ лучшихъ, самоотверженнѣйшихъ людей называли за глаза «жидками», они ступевались съ улыбочкой и умывали руки, продолжая плотать издѣвательства и оскорбления.

И это—какъ вездѣ—кара за оставленіе народа въ грязи, невѣжествѣ, нищетѣ духовной.

Двѣ трагедіи—польская и еврейская, дали въ общей сложности небывалый, невообразимый хаосъ. Тамъ всѣ правы и всѣ виноваты. Вселите въ Москву или Петроградъ полмилліона мелкихъ еврейскихъ торговцевъ—и тогда посмотримъ, какъ все логически простое станетъ фактически сложнымъ. Простыми останутся ваши убѣжденія, сложнымъ будетъ все неуправляемое, неподдающееся учету и выступающее наружу во всѣхъ столкновенияхъ идей, обычаяхъ, нравахъ, языкахъ, характеровъ, вкусовъ, ощущеній.

Но въ Царствѣ Польскомъ есть еще особенные раздражители.

Тамъ пресыщеніе одного элемента другимъ ощущается и съ одной, и съ другой стороны, какъ гнеть стихійной несправедливости. Политическое равнодушіе равняется тамъ открытой враждебности, попытка примиренія интересовъ — тяжелой обидѣ, оскорбленію національнаго чувства, протестъ—измѣнѣ. Люди говорятъ уже на различныхъ языкахъ чувства — и договариваться съ тѣми и другими можетъ только будущее—«счастіе» Польши.

Бередить ихъ раны теперь, когда занимается для Царства Польскаго заря свободы—жутко. Молчать нельзя. Значеніе польско-еврейскаго конфликта выходитъ за предѣлы периферіи, на которой онъ разыгрывается, идетъ въ глубь вѣковъ, и онъ

можетъ быть регулированъ только серьезными и послѣдовательными мѣропріятіями.

(Пока—край этотъ омраченъ извнѣ и внутри и пытаться перекричать эти двѣ бури... бесполезно.

Григорій Гляссъ (Аванти).

НАЦІОНАЛЬНІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

I.

Національный подъемъ, охватившій русскую Польшу въ связи съ войной, не могъ не повести къ организаціи и консолидаціи ея общественныхъ силъ. По условіямъ, вполне понятнымъ для даннаго времени, въ этомъ отношеніи наиболѣе проявили себя средніе круги населенія (буржуазія).

Этой организаціи не только не помѣшало, но даже помогло то, что Польша оказалась въ самомъ неклѣ артиллерійскихъ боевъ и шѣхотныхъ атакъ. Необходимость прійти на помощь прямо или косвенно пострадавшимъ отъ войны: семьямъ запасныхъ, тысячамъ безработныхъ и голодныхъ, многочисленнымъ бѣженцамъ изъ занятыхъ непріателемъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, толкала польское общество къ организаціи, и его стремленія въ этомъ направленіи по той же причинѣ встрѣчали меньшее противодѣйствіе, чѣмъ подобныя стремленія въ коренной Россіи.

По всей Польшѣ раскинулись густой сѣтью губернскіе и уѣздные обывательскіе комитеты, объединенные въ центральномъ Варшавскомъ обывательскомъ комитетѣ. Комитеты эти, ставящіе себѣ цѣлью помощь населенію, пострадавшему отъ войны, развили энергичную дѣятельность и сдѣлались почти официальными органами власти. Будучи по своему назначенію чисто хозяйственными организаціями, обывательскіе комитеты фактически превратились въ центры польской общественной самодѣятельности, въ которыхъ стали концентрироваться польскія національныя стремленія.

Двѣ основныя черты характеризуютъ дѣятельность обывательскихъ комитетовъ. Первая черта—это проникающій ихъ національный, даже *націоналистическій* характеръ.

Обывательскіе комитеты—это прежде всего *польскія* организаціи. Хотя они дѣйствуютъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ имѣется значительное еврейское, литовское и иное меньшинство, одинаково и даже больше, чѣмъ польское населеніе, пострадавшее отъ войны, однако, въ большинствѣ комитетовъ всѣ члены принадлежать къ польской національности; тамъ же, гдѣ въ меньшинствѣ присутствуютъ евреи, послѣдніе допускаются не въ качествѣ выборныхъ еврейскимъ населеніемъ, а по приглашенію со стороны поляковъ и притомъ по большей частью изъ числа такъ называемыхъ «поляковъ моисеева закона», которые не связаны съ еврейскими массами, неприязненно относятся къ національнымъ стремленіямъ евреевъ, представляя собой евреевъ, ассимилированныхъ польской культурой и сохранившихъ съ еврействомъ только религіозную связь.

Представители польскихъ организаціи, правда, утверждаютъ, что въ обывательскихъ комитетахъ *случайно* не оказалось евреевъ, но всѣ мало-мальски знакомые съ картиной польско-еврейскихъ отношеній въ русской Польшѣ прекрасно понимаютъ, что эта мнимая «случайность» представляетъ собой вполне послѣдовательный и законмѣрный выводъ изъ общей антисемитской политики польскихъ націоналистовъ. Но дѣло не столько въ составѣ обывательскихъ организаціи, сколько въ общемъ характерѣ ихъ дѣятельности. Последняя явно пропитана антисемитскимъ духомъ. Если бы не засвидѣтельствованная заслуживающей довѣрія *русской* печатью факты, можно было бы думать, что обвиненія обывательскихъ комитетовъ въ одностороннемъ характерѣ ихъ дѣятельности есть плодъ порожденной атмосферой національной борьбы въ Польшѣ фантазіи со стороны еврейскихъ націоналистовъ. Но эти факты остаются неопровергнутыми. Корреспондентъ газеты «День» г. Кобецкій въ № 306 писалъ изъ Варшавы со словъ еврейскихъ бѣженцевъ:

«Когда въ лавкахъ соль стоила полторы копѣйки фунтъ, мы должны были платить за нее для этой самой кухни по семи

копѣекъ, такъ какъ обывательскій комитетъ намъ соли не отпускалъ . . . то же съ хлѣбомъ . . . то же съ утлёмъ . . . то же со всѣмъ».

Г-жа Кускова утверждала въ своемъ докладѣ, что «Центральный Обывательскій Комитетъ и остальные польскія организации бойкотируютъ евреевъ. При такомъ отношеніи о справедливомъ распредѣленіи ими помощи между поляками и евреями говорить не приходится. Еврейскія благотворительныя организации до сихъ поръ были предоставлены самимъ себѣ и всецѣло на своихъ плечахъ вынесли всю помощь евреямъ—бѣженцамъ».

Въ инструкціи центрального обывательскаго комитета провинціальнымъ отъ 13-го января, подъ несомнѣннымъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія и жертвователей изъ Россіи, рекомендуется распредѣлять получаемыя извнѣ суммы «между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ, въ зависимости отъ степени нужды и размѣровъ специальныхъ средствъ, которыми располагаетъ данная вѣроисповѣдная группа». При оказаніи этой помощи евреямъ слѣдуетъ привлекать «спеціально приглашенныхъ лицъ Моисеева вѣроисповѣданія, если въ комитетѣ нѣтъ членовъ-евреевъ; *обращаться же къ еврейскимъ общинамъ лишь въ случаѣ полной невозможности обойтись безъ ихъ содѣйствія*» (курс. нашъ).

Далѣе, при оказаніи помощи евреямъ рекомендуется принимать въ расчетъ всѣ пожертвованія, которыя евреи получаютъ изъ другихъ источниковъ, чтобы «христіанское населеніе не было обижено, а евреи не получили бы двойную помощь».

Итакъ, считаясь съ неоднократно выраженными желаніями жертвователей изъ Россіи, руководители Центрального Обывательскаго комитета соглашаются на помощь евреямъ, тщательно оговаривая различныя ограниченія въ оказаніи этой помощи (вычеты въ размѣрѣ суммъ, выдаваемыхъ еврейскими организациями, раздача пособій евреямъ только изъ суммъ, получаемыхъ *извнѣ*), и въ организаціонномъ отношеніи только въ *крайнихъ случаяхъ* прибѣгая къ содѣйствію еврейскихъ благотворительныхъ организацій.

Лучшую характеристику отношеній польскихъ антисемитовъ къ участию евреевъ въ общемъ дѣлѣ помощи жертвамъ войны даетъ краткая, но поучительная исторія такъ называемой «секціи для потребностей еврейскаго населенія», образованной при центральномъ обывательскомъ комитетѣ. Когда въ русской печати въ связи съ массовыми сборами во многихъ городахъ Россіи въ пользу разоренной Польши было поднято вопросъ о необходимости распредѣлять собираемыя средства между всѣми пострадавшими жителями Польши, *безъ различія вѣроисповѣданія и національности*, и выражено удивленіе по поводу того, что заправили польскихъ обывательскихъ комитетовъ отстраняють отъ дѣла помощи населенію евреевъ, центральный обывательскій комитетъ, въ видѣ уступки общественному мнѣнію русскихъ прогрессивныхъ круговъ, постановилъ образовать при себѣ еврейскую секцію, которая должна была служить для русскихъ жертвователей гарантіей въ томъ, что доставляемые ими средства доходятъ и до евреевъ. Но эта еврейская секція въ дѣйствительности оказалась чистой фикціей. Начать съ того, что въ составѣ этой секціи изъ 10 членовъ оказалось всего 4 еврея, да и то изъ числа такъ называемыхъ «поляковъ моисеева закона», остальные шестеро—поляки. Но не это самое главное. Когда секція единогласно выработала для Центрального Обывательскаго Комитета проектъ организаціи помощи еврейскому населенію при провинціальныхъ обывательскихъ комитетахъ, путемъ образованія еврейскихъ секцій при нихъ, центральный комитетъ безъ всякой мотивировки отклонилъ этотъ проектъ. Послѣ переговоровъ, длившихся цѣлый мѣсяць и ни къ чему не приведшихъ, четверо еврейскихъ членовъ секціи вышли изъ нея, считая невозможнымъ дальнѣйшую работу при условіи отстраненія отъ дѣла помощи населенію еврейскихъ общественныхъ элементовъ. Надо помнить, что эти четыре еврея принадлежать къ числу той группы польскихъ евреевъ, которые склонны идти на всякіе компромиссы съ польскими націоналистами. Но и имъ стало не въ могоду работать на такихъ унижительныхъ условіяхъ. Послѣ выхода этихъ четырехъ лицъ еврейская секція прекратила свое существованіе, будучи распущена Центральнымъ Обывательскимъ Комитетомъ.

Приведенныхъ фактовъ достаточно—а ихъ можно было бы привести въ гораздо большемъ количествѣ,—чтобы убѣдиться въ націоналистически-антисемитскомъ направленіи обывательскихъ комитетовъ ¹⁾).

Другая отличительная черта польскихъ обывательскихъ комитетовъ, до извѣстной степени опредѣляющая ихъ націонализмъ,—это ихъ узкій въ социальномъ отношеніи составъ и проникающія ихъ антидемократическія тенденціи. Послѣднія особенно ярко сказались въ ихъ отношеніи къ демократическимъ организаціямъ, возникшимъ параллельно съ обывательскими комитетами для оказанія помощи пострадавшимъ отъ войны. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, въ связи съ военными дѣйствіями, экономическая жизнь пришла въ разстройство въ гораздо большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи.

И однако обывательскіе комитеты не пришли сразу на помощь потерявшимъ вслѣдствіе войны работу безработнымъ. По крайней мѣрѣ, какъ сообщалъ въ свое время корреспондентъ газеты «Рѣчь», рабочіе строительнаго производства г. Варшавы, члены проф. союза (см. отд. «По Россіи и за границей») приняли резолюцію, въ которой говорилось между прочимъ:

«Принимая во вниманіе, что существующія учрежденія по оказанію помощи безработнымъ, равно какъ и «обывательскіе комитеты», въ виду ихъ оторванности отъ рабочихъ и филантропическаго характера, не въ состояніи бороться съ растущей нуждой среди безработныхъ, собраніе приходитъ къ выводу, что только учрежденіе, созданное самими рабочими, могло бы хотя бы частично помочь растущей нуждѣ».

Мы не знаемъ, удалось ли варшавскимъ строительнымъ рабочимъ добиться разрѣшенія рабочаго комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ войны и, въ частности, безработнымъ. Но газеты сообщали объ энергичной работѣ другихъ варшавскихъ профессиональныхъ союзовъ, организовавшихъ рядъ

¹⁾ Какъ распространенъ антисемитизмъ въ польскомъ обществѣ, видно изъ того, что когда въ Варшавѣ образовался еврейскій санитарный комитетъ, т. е. польскій санитарный комитетъ отказался принимать еврейскихъ санитаровъ. Сотни евр. молодежи обоего пола, предложившихъ свои услуги польск. санитар. комитету, получили отказъ.

«кухонь»—столовыхъ, въ которыхъ безработные—и поляки, и евреи—бесплатно или за дешевую плату получаютъ обѣды. Въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, представители этихъ самоуправляющихся кухонь вступили въ переговоры съ варшавскимъ обывательскимъ комитетомъ объ оказаніи матеріальной помощи кухнямъ. Комитетъ согласился на матеріальную помощь, но отказался принять условія, предложенныя кухнями, т.-е. представительство послѣднихъ въ организаціяхъ обывательскаго комитета. Какъ сообщали варшавскія газеты, «соглашеніе не достигнуто. Переговоры прекращены». Между буржуазнымъ обывательскимъ комитетомъ и самоуправляющимися рабочими кухнями возникъ на этой почвѣ рѣзкій конфликтъ. Въ отвѣтъ на обвиненія народооубойной антисемитской газеты «Газета Поранняя» («Два гроша»), делегаты рабочихъ кухонь въ газетѣ «Гонецъ» писали, что они во время переговоровъ стремились не къ «установленію связи съ обывательскимъ комитетомъ, а къ полученію отъ него средствъ для рабочихъ»¹⁾. Въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія, варшавскій обывательскій комитетъ «дискредитированъ съ самаго начала». Обвиненія организаторовъ рабочихъ кухонь въ прислуживаніи еврейскимъ націоналистамъ есть «продолженіе постоянныхъ и напрасныхъ усилій опозорить въ глазахъ зараженнаго антисемитизмомъ общества работу рабочихъ». (См. газ. «Рѣчь»).

Окрыленные мечтой о возсозданіи единой Польши, польскіе реалисты и народоубойцы своимъ узкимъ націонализмомъ и политической исключительностью, направленными противъ евреевъ и противъ польской демократіи, изолируютъ себя отъ болѣе широкихъ народныхъ массъ Польши и ея болѣе про-

¹⁾ Послѣ девятимѣсячной борьбы, продовольственная секція при Варшавскомъ Обывательскомъ комитетѣ, видя, что кухни непрерывно развиваются, что недовольство рабочихъ обывательскимъ комитетомъ растетъ, рѣшила въ апрѣлѣ выдавать ежемѣсячное пособие для 7—8 существующихъ кухонь въ размѣрѣ 5.000 р. Деньги поступаютъ въ общее пользованіе кухонь, какъ и постоянное пособие отъ Петроградскаго Еврейскаго комитета помощи жертвамъ войны для еврейской кухни (въ послѣднее время 900 р. въ мѣсяцъ), а также и пособия отъ Вольно-экономическаго и Пироговскаго обществъ. Рабочія кухни распределяютъ эти средства между собой. Въ Обывательскій комитетъ и его комиссіи представители кухонь не входятъ.

грессивныхъ элементовъ, подрубая тотъ сукъ, на которомъ они, благодаря благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, такъ горделиво усѣлись.

Ниже мы увидимъ, что ихъ политика и тактика въ вопросѣ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ въ такой же степени изолируетъ ихъ отъ лучшихъ элементовъ русскаго общества.

II.

Однимъ изъ самыхъ злыхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ современная Польша, является національная вражда и развивающаяся на ея почвѣ борьба между ея польскимъ и еврейскимъ населеніемъ.

Вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ имѣетъ свою длинную исторію. Война не впервые поставила его; она лишь обострила эти отношенія и обратила на нихъ всеобщее вниманіе.

Въ настоящей статьѣ мы не можемъ касаться историческихъ корней происходящей въ современной русской Польшѣ національной борьбы между евреями и поляками; укажемъ только на то, что эта *національная* борьба, какъ и всякая національная борьба, находитъ себѣ объясненіе въ социально-экономическихъ противорѣчіяхъ различныхъ группъ обожхъ народовъ, только обостряемыхъ, но не порождаемыхъ принадлежностью ихъ къ двумъ различнымъ національностямъ или даже расамъ. *Не* національные корни этой національной борьбы со стороны поляковъ, видны какъ изъ того, что, напр., антисемитизмъ, какъ идеологическое вырожденіе этой борьбы, охватилъ далеко не всѣ слои польскаго общества, оставивъ почти внѣ своего вліянія часть городскихъ массъ, такъ и изъ того, что характерной формой борьбы поляковъ съ евреями сталъ въ послѣдніе годы экономической бойкотъ, преслѣдующій чисто экономическія цѣли — парализованіе еврейской торговли.

Антисемитскія настроенія преобладаютъ послѣ 1905 года въ средѣ польскаго «общества» и польской интеллигенціи. Но особенно ярко они сказались во время выборовъ въ IV Госуд. Думу и послѣ нихъ. Польскія политическія партіи, не считая невліятельныхъ на выборахъ социалистовъ, дѣлали все отъ

нихъ зависящее, чтобы не пропустить въ Думу отъ губерній Царства Польскаго евреевъ. Это имъ, однако, не вездѣ удалось. Въ Лодзи, гдѣ большинство выборщиковъ оказалось евреями, въ Думу былъ избранъ еврей Бомашъ. Въ Варшавѣ въ коллегіи выборщиковъ евреи тоже оказались въ небольшомъ большинствѣ. Но выбрать отъ столицы Польши еврея еврейскія партіи не рѣшались, боясь этимъ оскорбить польское національное чувство и обострить и безъ того враждебныя чувства поляковъ къ евреямъ. Тщетно искали они въ средѣ польскихъ выборщиковъ Варшавы хоть одного поляка — не антисемита. Ни въ одной изъ польскихъ партій, даже изъ числа «прогрессивныхъ», они не нашли ни одного кандидата, который согласился бы взять на себя обязательство отстаивать въ Думѣ равноправіе евреевъ. Такого выборщика они нашли лишь въ лицѣ кандидата рабочихъ — польскаго социалиста Яелло, который, послѣ значительныхъ колебаній еврейскихъ выборщиковъ, и былъ избранъ депутатомъ отъ Варшавы.

Избраніе отъ Лодзи еврея, а отъ Варшавы рабочаго-соціалиста вызвало ярость среди польскихъ націоналистовъ и антисемитовъ. Съ этихъ поръ въ Польшѣ начинается вакханалія антисемитизма, какой раньше она не знала. Открыто провозглашается лозунгъ экономическаго бойкота евреевъ. Экономическій бойкотъ сталъ широко примѣняться въ Польшѣ, и антисемитская агитация среди темныхъ крестьянскихъ и городскихъ массъ кое-гдѣ привела къ погромамъ еврейскаго населенія.

Въ этотъ именно періодъ популярный прогрессивный польскій беллетристъ и публицистъ А. Свентоховскій бросаетъ крылатое выраженіе «евреи, это — бродячія крысы, которыхъ нужно уничтожать».

Узко націоналистическая политика проводилась польскимъ коломъ и въ IV Гос. Думѣ, гдѣ они рѣшительно отстаивали ограниченіе правъ евреевъ въ городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ и на этой почвѣ устами депутата Гарусевича открыто разрываютъ съ представителями оппозиціонныхъ русскихъ партій ¹⁾.

1) Его слова по адресу русской оппозиціи— „безъ радости была любовь, разлука будетъ безъ печали“.

Такое настроеніе среди поляковъ наблюдается до самой бойны, вызывая, въ видѣ реакціи, усиленіе націоналистическихъ теченій среди польскаго еврейства.

Война, породивъ взрывъ національныхъ чувствъ среди поляковъ, не могла не обострить ихъ національной вражды къ евреямъ. Почувствовавъ себя до нѣкоторой степени господами положенія въ краѣ, имянинники сегодняшняго дня, польскіе націоналисты съ еще большею энергіей, чѣмъ до сихъ поръ, повели антисемитскую кампанію.

Экономическій бойкотъ во время почти полной пріостановки экономической жизни въ краѣ показался недостаточнымъ. Противъ евреевъ польско-русской реакціей было выдвинуто обвиненіе въ нелойяльности. Понятно, какую благодарную почву могли найти эти ядовитыя сѣмена вражды въ той обстановкѣ и условіяхъ, какія имѣются на-лицо въ Польшѣ, часть которой находится въ рукахъ непріятеля, многіе города которыхъ послѣ ужасныхъ боевъ по нѣсколько разъ переходили отъ русскихъ къ нѣмцамъ и обратно, а другіе превратились въ груды развалинъ, въ «мертвые» города.

Тщетно еврейское населеніе и его официальные организаціи обнаруживали свою полную лояльность и патриотизмъ.

Это не задѣвало сознания охваченныхъ антисемитизмомъ широкихъ круговъ польскаго населенія, вѣрившихъ каждому вздорному слухи, пущенному какой-нибудь демагогической «Двухгрошевкой» или подобнымъ уличнымъ листкомъ.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

А вотъ фактъ изъ другой области, показывающій, какъ использовали въ своихъ интересахъ польскіе антисемиты преслѣдованіе евреевъ.

Послѣ «исхода» евреевъ изъ Гродзиска народовская погромная газета «Два гроша» писала:

«Тѣ мѣста, которыя оставлены теперь евреями, должны немедленно занять христіанскіе купцы и, ведя честную торговлю, добиться того, что всѣ покупатели перейдутъ къ нимъ. Когда же облыцы вернуться въ тѣ мѣста, гдѣ раньше вели торговлю, тогда имъ ничего не останется дѣлать».

Комментаріи излишни.

III.

Обостреніе національной борьбы въ Польшѣ и націоналистическая политика руководителей польскаго общественнаго мнѣнія вызвали, въ видѣ реакціи, усиленіе націоналистическихъ теченій и въ средѣ еврейства. Оживили дѣятельность сіонисты, возлагающіе свои надежды на нашихъ союзниковъ по войнѣ—англичанъ, которые-де путемъ предоставленія евреямъ Палестины, Уганды или какой-нибудь другой колоніи, дадутъ гонимымъ евреямъ надежное прибѣжище.

Націоналистическо - сіонистскія настроенія нашли себѣ, между прочимъ, выраженіе въ опубликованномъ недавно въ сіонистскомъ органѣ «Разсвѣтъ» (отъ 21 декабря 1914 г.) воззваніи «группы еврейской молодежи» къ русской интеллигенціи. Въ этомъ воззваніи, послѣ описанія травли евреевъ въ Польшѣ, говорится, что если русская интеллигенція молчитъ при видѣ этихъ страданій евреевъ, то «исключительно по одной причинѣ: русской интеллигенціи еврейскій народъ, его боли и страданія *безразличны*». Заканчивается воззваніе слѣд. словами:

«Мы до сихъ поръ молчали. Мы ждали вашего слова. Вы до сихъ поръ не сказали нужнаго слова и—ясно—не собираетесь его сказать. Мы это настоящимъ и хотимъ запечатлѣть. Мы хотимъ запечатлѣть передъ исторіей, съ одной стороны, и передъ лицомъ нашего народа, съ другой, что въ самый крайній и тяжелый моментъ нашей жизни мы разсчитывать даже на васъ, лучшихъ русскихъ людей, не можемъ и не имѣемъ основанія».

Это воззваніе характерно, какъ показатель тѣхъ настроеній, которыя создаются антисемитской политикой поляковъ. Націонализмъ націи подавляющей неизбѣжно вызываетъ націонализмъ въ части націи подавляемой. Этотъ націонализмъ готовъ заподозрѣть русскую интеллигенцію въ несочувствіи евреямъ, склоненъ обвинять ее въ пособничествѣ польскому націонализму. Къ счастью, это настроеніе пока охватило лишь немногочисленные круги еврейскаго общества и наиболѣе серьезная еврейская пресса и общественные еврейскіе дѣятели бо-

лѣе, чѣмъ когда-нибудь, понимаютъ связь еврейскаго вопроса съ общерусскими вопросами, и это свое пониманіе могутъ подкрѣпить многочисленными фактами выступленій и заявленій передовыхъ русскихъ общественныхъ круговъ.

Антисемитская политика воинствующаго польскаго націонализма вызвала, какъ мы уже сказали, рядъ выступленій русскихъ общественныхъ дѣятелей въ защиту еврейскаго населенія. Вмѣстѣ съ польскимъ вопросомъ съ новой силой выдвинулся и еврейскій вопросъ.

Въ ходѣ польско-еврейскихъ дискуссій, на страницахъ польской и русской печати и въ рядѣ собраній русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей, польскіе націоналисты, отъ самыхъ правыхъ, до самыхъ «прогрессивныхъ», раскрыли свою точку зрѣнія на еврейскій вопросъ. Эта точка зрѣнія, грубо говоря, сводится къ тому, что вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ есть вопросъ внутренне-польскій; вмѣшательство русскаго общества въ него есть посягательство на свободу самоопредѣленія польскаго народа, отрицаніе права за поляками опредѣлять свое національное бытіе. Поляки-де сами стоятъ за отмѣну черты еврейской осѣдлости, заинтересованные въ томъ, чтобы освободить Польшу отъ еврейскаго «засилья» (выражаясь терминомъ русскихъ антисемитовъ).

Одинъ изъ видныхъ прогрессивныхъ польскихъ общественныхъ дѣятелей, к.-д., г. Ледницкій, въ своемъ докладѣ въ Москвѣ прямо заявилъ, что «со стороны русскаго общества требуется много осторожности при вмѣшательствѣ въ страстную распрю двухъ національностей», и далѣе выдвигалъ обычныя обвиненія польскихъ націоналистовъ противъ евреевъ «литваковъ», которые проводятъ де въ Польшѣ политику руссифицированія и являются врагами польской культуры и національности».

Другой польскій «прогрессистъ», г. Г. Курнатовскій, тоже винить въ обостреніи польско-еврейскихъ отношеній евреевъ-литваковъ-руссификаторовъ. Онъ, впрочемъ, готовъ въ свободной Польшѣ предоставить имъ «всю полноту личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ».

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ (свободная Польша) наложить на нихъ всѣ гражданскія обязанности, среди которыхъ посѣщеніе

общихъ, одинаковыхъ для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій начальныхъ училищъ будетъ первою». Ибо «жаргонъ не можетъ быть орудіемъ серьезнаго образованія и европейской цивилизаціи»¹⁾.

Иначе говоря, польскій прогрессивный публицистъ обѣщаетъ евреямъ «равноправіе» безъ признанія права языка и національной школы. Совершивъ операцію такого уравниенія евреевъ съ поляками, г-нъ Курнатовскій предрекаетъ:

«Находя точку опоры въ правительствѣ свободной Польши, ассимиляція будетъ развиваться какъ въ умственномъ, такъ и въ трудовомъ отношеніи, а польская мягкая и гуманная натура, не раздражаемая разными теоріями «компенсаціи національныхъ эгоизмовъ (развиваемыхъ, по словамъ г. Курнатовскаго, еврейскими націоналистами), опять станетъ сама собою и перестанетъ избѣгать торговыхъ и другихъ сношеній съ поляками Моисеева вѣроисповѣданія».

Расшифровывая смыслъ туманныхъ словъ г. Курнатовскаго, мы получимъ слѣдующее обѣщаніе — перестаньте быть евреями, станьте поляками, и тогда вы получите равноправіе, и «мягкая и гуманная» польская натура прекратитъ бойкотъ. Такого національное равноправіе, которое поляки предоставятъ евреямъ безъ лишняго вмѣшательства русскаго общества.

Но если польскій прогрессистъ обѣщаетъ все же евреямъ кое-какія права, то польскіе антисемиты изъ «Газеты Поранней» заранѣе отказываютъ имъ въ этомъ. «Ошибочно», писала газета по поводу отзывовъ еврейской печати о воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, «евреи единогласно рѣшили, будто слова воззванія объ уваженіи поляками правъ народностей, съ которыми ихъ связала исторія, относятся къ евреямъ». Ибо евреи не народность, а «инородцы». Притомъ странной, по меньшей мѣрѣ была бы забота объ интересахъ евреевъ, когда выяснилась ихъ «цѣнность, какъ боевого матеріала, а вступленіе непріятельскихъ отрядовъ въ территорію Польши открыло полностью ихъ пресловутую лояльность».

Въ свою очередь, органъ лидера народовцевъ Р. Дмовскаго, «Газета Варшавская», ставитъ евреямъ въ упоръ вопросъ, при-

1) Рус. Мысль, 1914 г., № 12, стр. 32.

знаеть ли еврейское общество за поляками право на самостоятельность ¹⁾).

Лучшій отвѣтъ на всѣ указанія польскихъ націоналистовъ о посягательствѣ на польскую автономію въ вопросѣ о судьбахъ будущей Польши, далъ извѣстный народникъ на собраніи русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей:

«Я привыкъ, — сказалъ онъ, — слѣдовать своему учителю Михайловскому и не дѣлать себѣ никакихъ идоловъ... какъ бы громки и почтенны ни были объекты этихъ идоловъ. Не хочу я творить себѣ идола и изъ вашего лозунга независимости. Выше всего для меня права и интересы живого человѣка, и если права этого живого человѣка этимъ идоломъ будутъ нарушаться, то никакіе принципы независимости не удержатъ меня, насколько это въ моихъ силахъ, отъ вмѣшательства, отъ властнаго заступничества за права угнетенныхъ».

«Видя передъ собой только русскую власть», и не вѣря въ прогрессивное русское общественное мнѣніе, выражаясь словами польскихъ дѣятелей, бесѣдовавшихъ съ г-жей Кусковой, иначе говоря, «ориентируясь» на Россію официальную, и только на нее, а не на Россію общественную, руководители польскаго недемократическаго общественнаго мнѣнія предпочли бы, чтобы еврейскій вопросъ былъ снятъ съ порядка дня, и чтобы русское общество не вмѣшивалось во внутреннія отношенія въ Польшѣ.

Въ своемъ узкомъ націонализмѣ польскіе общественные дѣятели не видятъ, что, изолируя себя отъ русскаго общества на почвѣ еврейскаго вопроса, они уменьшаютъ собственные шансы на осуществленіе тѣхъ національныхъ задачъ, которыя они передъ собой въ настоящее время ставятъ. Своимъ національнымъ задачамъ они придаютъ узко *націоналистическій*, исключительный характеръ, возбуждая этимъ къ себѣ недовѣріе и еврейскаго, и русскаго общества, которое въ разрѣшеніи *сеоихъ* національныхъ задачъ при другихъ условіяхъ могло бы

1) Необходимо отмѣтить, что въ спорѣ о польско—еврейскихъ отношеніяхъ не приняла участія наиболѣе демократическая часть польскаго общества, не имѣющая своей прессы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, еслибы ея голосъ раздался въ настоящую минуту, онъ была-бы не въ пользу польскихъ націоналистовъ, но звучалъ-бы въ согласіи съ голосомъ русскаго демократическаго общественнаго мнѣнія.

ити рука объ руку съ польскимъ національнымъ движеніемъ. По отношенію къ польскимъ націоналистамъ оправдывается старая пословица: кого Богъ хочетъ погубить, онъ ослѣпляетъ.

Разумѣется, представители русской интеллигенціи, претендующіе на «вмѣшательство» въ польско-еврейскія отношенія, ничего не имѣютъ противъ подобнаго же «вмѣшательства» польскихъ общественныхъ дѣятелей въ русскія дѣла. Ибо по существу правильно понятые интересы русскаго и польскаго прогрессивнаго общества не только не противорѣчатъ другъ другу, но вполне совпадаютъ.

Такъ, какъ большинство польскаго общества, не можетъ и не хочетъ смотрѣть то самое «прогрессивное русское общество», въ которое не вѣрятъ и котораго не признаютъ гг. Дмовскіе и Ржимовскіе.

Оно не можетъ такъ смотрѣть уже потому, что разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ томъ или иномъ направленіи въ Польшѣ тѣсно связано съ разрѣшеніемъ его въ Россіи. А здѣсь онъ тѣсно связанъ съ общерусскими вопросами.

Въ своемъ интервью съ сотрудникомъ польской газеты «Глосъ Польскій» лидеръ кадетской партіи П. Н. Милюковъ по еврейскому вопросу высказался слѣд. образомъ:

«Самымъ сложнымъ является въ Польшѣ еврейскій вопросъ.—Этотъ вопросъ не разрѣшается одной только отрицательной чертой осѣдлости. Суть вопроса въ томъ, могутъ ли надѣ

Вислой существовать два народа». П. Милюковъ «считаетъ евреевъ самостоятельной національной особью, и потому онъ считаетъ необходимымъ защищать права евреевъ такъ же, какъ и права армянъ, латышей и др. Въ законодательный актъ, относящійся къ Польшѣ, долженъ быть включенъ пунктъ о гарантіи правъ еврейскаго меньшинства. Ссылку поляковъ на то, что еврейскій вопросъ — это внутренній вопросъ Польши, П. Милюковъ считаетъ неправильной: пока неизвѣстны формы будущей Польши, невозможно провести границу между внутренними и общими вопросами» (См. газ. «День»).

Надо ли еще цитировать М. Горькаго, Андреева, Солмогуба, ст. Ѡ Кокошкина. К. Арсеньева, А. Петрицева, А. Пыпехова, В. Мякотина Д. Мережковскаго и друг. извѣстныхъ русскихъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей, разумѣется. высказывающихся за отмѣну черты еврейской осѣдлости, за равноправіе евреевъ и предоставленіе имъ правъ меньшинства въ будущей объединенной Польшѣ.

Еврейскій вопросъ становится однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ. Естественно поэтому, что не одни только публицисты и отдѣльные общественные дѣятели, но и цѣлыя общественныя организаціи выступили съ заявленіями по еврейскому вопросу.

Видный польскій прогрессистъ лѣваго толка, редакторъ «Pravd»'ы, В. Ржимовскій въ статьѣ «Варшава — Россіи» пишетъ: «До тѣхъ поръ мы не повѣримъ въ то, что русская демократія серьезно стремится къ искорененію антисемитизма, пока будетъ стричь лишь верушки этой зловредной сорной травы, не уничтоживъ прежде всего ея корня. Если бы она серьезно думала о борьбѣ съ юдофобствомъ, то съ нимъ боролась бы прежде всего у себя». «Почему въ такъ называемомъ сѣверо-и юго-западномъ краяхъ она (русская демократія) упорно... ни однимъ словомъ не обмолвится... объ еврейской національности? (Стр. 17, 26). Достойный отвѣтъ на свой «убійственно-ироническій» выпадъ В. Ржимовскій найдетъ въ приводимыхъ фактахъ.

Еще въ самомъ началѣ войны виленская городская дума возбудила ходатайство объ отмѣнѣ черты осѣдлости. Елисавет-

градскій биржевой комитетъ возбудилъ вопросъ объ отмѣнѣ регистраціонныхъ книжекъ для евреевъ-купцовъ. Омскій биржевой комитетъ указываетъ на необходимость отмѣны ограниченій евреевъ въ занятіяхъ торговлей и промышленностью. Русскіе фабриканты подняли вопросъ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ лодзинскаго района и необходимостью открыть приостановленныя фабрики внѣ черты осѣдлости, объ отмѣнѣ запрещенія евреямъ-фабрикантамъ пріобрѣтать землю. Совѣтъ съѣздовъ торговли и промышленности сдѣлалъ докладъ предсѣдателю сов. министровъ о пріемѣ внѣ процентной нормы студентовъ, учившихся за границей, въ русскіе университеты. Резолюцію объ уравниеніи евреевъ въ правахъ съ другими гражданами приняло Имп. Вольно-Экон. Общ. и т. д.

Происходившій въ Петроградѣ въ началѣ января 1915 г. съѣздъ по улучшенію русскихъ курортовъ вынесъ въ робкой формѣ резолюцію о томъ, что «необходимо стремиться къ тому, чтобы наши лѣчебныя мѣстности были доступны широкимъ слоямъ населенія безъ различія національности и вѣроисповѣданія». На съѣздѣ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства было выражено пожеланіе объ отмѣнѣ ограниченій въ акціонерномъ законодательствѣ, принята резолюція въ смыслѣ отмѣны ограниченій для дѣятелей русской торговли и, наконецъ, резолюція объ отмѣнѣ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій при доступленіи въ профессиональную школу.

Въ одномъ изъ засѣданій Саратовской Городской Думы послѣ доклада гласнаго В. И. Алмазова о съѣздѣ представителей союза городовъ въ Москвѣ, гласный Сиротининъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Мы только что выслушали обширный докладъ В. И. Алмазова о съѣздѣ, организованномъ союзомъ городовъ.

Одно изъ его постановленій *касается уравниенія правъ евреевъ*; съѣздъ внесъ свое постановленіе по этому вопросу въ предѣлахъ своей компетенціи, т.е. только относительно раненыхъ, семей запасныхъ и бѣженцевъ. *Но мы не связаны этими рамками и можемъ и должны поставить вопросъ шире.*

Мы—свидѣтели того, что всѣ граждане русскаго государства, какую бы вѣру они ни исповѣдывали, на какомъ бы языкѣ ни говорили, къ какой бы національности ни принадлежали, слились въ одномъ порывѣ, въ дѣлѣ защиты родины, одинаково беззавѣтно жертвуютъ своимъ имуществомъ и своею кровью, и потому должны имѣть и одинаковыя права,—всѣ безусловно, не исключая евреевъ. Я прошу Васъ,—говорить гласный Сиротининъ, обращаясь къ предсѣдателю,—*поставить на баллотировку эти два мои предложенія.*

Предложенія гл. Сиротинина принимаются единогласно.

Болѣе рѣшительно выступила смоленская городская дума. Въ своемъ засѣданіи отъ 19 дек. 1914 г. большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ приняла слѣд. постановленіе:

«Смоленская городская дума признаетъ неотложно необходимымъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ всѣхъ мѣропріятій, ограничивающихъ права русскихъ подданныхъ еврейскаго вѣроисповѣданія и, въ частности, объ отмѣнѣ черты осѣдлости».

При обсужденіи этихъ резолюцій одинъ изъ гласныхъ, нѣкій Я. К. Курнатовскій, выразился слѣд. обр.:

«Теперь констатируемъ то, что еще недавно казалось недостижимымъ; теперь рушится то, къ чему раньше боялись прикоснуться. Была объявлена война, и съ воззваніемъ Великаго князя рухнула та стѣна, которая десятилѣтіями раздѣлила Польшу и насъ. Объявлена война—пала винная монополія, казавшаяся твердыней нашего финансоваго благополучія. Въ настоящій моментъ передъ нами сталъ вопросъ о безправіи еврейскаго народа. И пора, наконецъ, разорвать тотъ «волчій билетъ», который выданъ цѣлому народу».

Вопросъ о «волчьемъ билетѣ» цѣлому народу всталъ, наконецъ, во всемъ своемъ объемѣ передъ русскимъ обществомъ, какъ вопросъ объ общихъ условіяхъ развитія Россіи. Пока еще его выдвигаютъ только наиболѣе передовые и прогрессивные элементы русскаго общества. Не такъ далеко уже то время, когда о немъ будутъ кричать со всѣхъ крышъ и когда никакимъ польскимъ и русскимъ антисемитамъ не удастся закричать его никакими навѣтами.

Какъ бы и на кого бы ни «ориентировались» польскіе націоналисты, какъ бы ни протестовали противъ вмѣшательства русскаго общества во «внутреннія польскія» дѣла—для русскаго общества и русской демократіи разрѣшеніе польскаго вопроса должно нести съ собой разрѣшеніе и еврейскаго вопроса, а разрѣшеніе еврейскаго вопроса—быть въ то же время и разрѣшеніемъ общерусской «національной» задачи.

Г. Ракитинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БОЙКОТЪ.

Устройте анкету во Франціи, Англіи, Италиі:

На вопросъ: «Кто былъ Спиноза?» — изъ ста европейцевъ девяносто девять отвѣтятъ: философъ—и, быть можетъ, одинъ человѣкъ отвѣтитъ: еврей!

Устройте такую же анкету въ Царствѣ Польскомъ.—Отвѣтъ будетъ одинъ: еврей!

Но допустимъ, что въ тѣхъ градахъ и весяхъ, гдѣ они впервые читали его «Этику», не было руководствъ по исторіи философіи, ни другихъ книгъ, въ которыхъ упоминается имя Спинозы, и все, что было о немъ извѣстно, поглотила война. Осталась лишь одна «Этика» и начертанное на ней красивое имя: Бенедиктъ (а не Борухъ)—Спиноза.

Тогда всѣ сто человѣкъ должны отвѣтить: «Это былъ мыслитель» или «философъ», а нѣкоторые еще добавятъ: «и онъ училъ насъ познавать и любить Бога».

Итакъ, случайно, благодаря катастрофѣ, люди научились правильно думать. У нихъ отняли возможность дѣлать произвольныя умозаключенія объ *еврейскомъ* умѣ Спинозы, *еврейской* философіи Спинозы, *еврейской* латыни и т. п., такъ какъ въ ихъ сознаниі не было «еврея» Спинозы.

Какой пробѣлъ въ мышленіи! Глядя на прекрасную картину, не зная, что ее создалъ не художникъ, а еврей! Въ такихъ случаяхъ, не зная, съ кѣмъ имѣешь дѣло, легко попасть въ просакъ. И приходится потомъ опровергать самого же себя, брать назадъ всѣ свои восторги, похвалы и лестные отзывы, данные въ а ргіогі полномъ невѣдѣніи зла.

Варшавскіе критики и рецензенты опредѣленнаго типа поступаютъ благоразумиѣе. Приступая къ оцѣнкѣ книгъ, они

прежде навести точныя справки о происхожденіи писателя (три-четыре поколѣнія), а затѣмъ, опираясь на эти данныя, пользуются двоякимъ методомъ: либо «смертоноснаго» умалчания объ *еврейскихъ* талантахъ, либо опорочиванія и вышучиванія польскихъ писателей-евреевъ, конечно, кромѣ тѣхъ, съ которыми они связаны кумовствомъ, родствомъ и ожиданіемъ выгодъ, да еще кромѣ тѣхъ «своихъ евреевъ», за которыми они изволятъ сохранить званіе польскихъ писателей, при условіи невмѣшательства въ польскія дѣла и воздѣлыванія нейтральныхъ пустырей литературы.

Я не утверждаю, что сія варшавская привычка держать всегда чужую душу на кухнѣ изобличаетъ пошлыхъ, смѣшныхъ людей. Когда наши ближніе получаютъ возможность хотя бы мысленно устраивать нашу судьбу, они начинаютъ думать, какъ ихъ прислуга о плохо одѣтыхъ господахъ, и предлагаютъ вамъ самыя грубыя, примитивныя формулы перехода къ жизни. Для своей родной чумички—поль-міра, для чужой царевны—хлѣбная клѣтъ. Дѣло вкуса, благородства, развитія, ума—не спору.

Я говорю только, что варшавскіе Терситы творятъ завѣдную ложь, вселяя въ читателя убѣжденіе, будто евреи ничего не внесли въ сокровищницу польской культуры или—что они навязали и продолжаютъ навязывать Польшѣ лишь свои племенные особенности, чуждыя польскому духу и исторіи.

Дѣятельное, живое, творческое участіе польскихъ евреевъ въ польской наукѣ, живописи, скульптурѣ, поэзіи, публицистикѣ, политикѣ, народномъ хозяйствѣ, образованіи и во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ должно быть, конечно, предметомъ капитальнаго историческаго труда. Такая монографія могла бы нѣсколько отрезвить Варшаву и возстановить ея слабую память.

Но надо ли въ угоду времени расшить культуру по ея «еврейскимъ» страницамъ и строкамъ?

Пусть эта нераздѣльность отрицается тѣми или другими людьми. Пройдутъ же когда-нибудь эти люди! Я не вижу компетентнаго суда. Народъ «безмолвствуетъ», а то, что за него говорятъ подставныя куклы варшавской журналистики—не имѣть всецѣло на ихъ отвѣтственности.

... «На пути (къ гражданской свободѣ евреевъ) — слова польскаго историка и политика Іоахима Лелевеля — стоятъ самозванные руководители общества, злобные лицемѣры, бросающіе съ своихъ недосыгаемыхъ высотъ вызовъ человѣчеству... («Sprawa zydowska w r. 1859», стр. 19).

Передъ такимъ ареопагомъ заранѣе проиграны всѣ дѣла свободы, какъ онѣ были проиграны передъ шляхетской олигархіей въ сеймахъ своеволія и безначалія.

Я не вижу компетентнаго суда... Кто можетъ измѣнить природу человѣка, законы его дыханія, ритма, мысли, рѣчи — оспариваемое право участія евреевъ въ польской жизни по ихъ свободному выбору, влеченію, призванію?

Отклоняемъ девяти-вѣковую давность осѣдлости евреевъ въ Польшѣ — аргументъ, которому Лелевель придаетъ серьезное значеніе, думая разбить этой ссылкой вѣчную легенду объ евреяхъ-пришельцахъ. Она имъ не подѣ стать, какъ архаическая броня. Къ черту всѣхъ предковъ, когда устанавливаются права живыхъ людей!

Съ отвращеніемъ объ этомъ приходится говорить. Цѣлые годы вы слышите въ Польшѣ одну и ту же пѣсню: «не польскіе писатели, а евреи, пишущіе на польскомъ языкѣ, крещеные и некрещеные, настоящіе и не настоящіе поляки».

«Мы не большевики и не меньшевики — это господское дѣло. Мы — рабочіе».

Такъ говорятъ простые, разумные люди, не творящіе несуществующихъ преградъ, вымученныхъ, искусственныхъ категорій, которымъ философская и житейская цѣна — грошъ, цѣна — полушка.

Для польскаго народа безразлично, сколько вѣковъ надо взгромоздить на вѣка для того, чтобы человѣкъ, выросшій въ Польшѣ, съ первыхъ дней не знавшій другого языка, чѣмъ родной — польскій, воспринявшій прошлое своего края, отдавшій ему лучшіе годы и силы, имѣлъ право думать вслухъ, писать по-польски, какъ всякій гражданинъ. И если бы онъ зналъ, что осуществленію такого простаго акта человѣческой воли предшествовала такая нелѣпая, мучительная исторія борьбы и что это жалкое право можетъ быть отнято у свободнаго человѣка нѣсколькими десятками людей, то на народномъ вѣчѣ крестья-

янь и рабочихъ, обладающихъ здравымъ смысломъ—«господскому дѣлу» былъ бы вынесенъ безошадный приговоръ.

Ибо это польское посподское дѣло есть насиліе и дикость. И объ этомъ надо заявлять громогласно, такъ, какъ это дѣлаетъ датчанинъ Георгъ Брандесъ, съ которымъ въ Варшавѣ ведутся игрушечныя войны.

Трудно понять, кою и въ чемъ тамъ хотять убѣдить. Непонятнымъ является простодушіе варшавскихъ Тартюфовъ, вельможное нежеланіе допустить, что политика затоптыванія въ грязь еврейскаго народа вызоветъ, должна вызвать далекое и зычное эхо.

Уважать и любить свою свободу, разсыпаться за нее мелкимъ бѣсомъ и презирать чужую свободу—это было всегда привилегія и норовъ шляхты. И не Георгъ Брандесъ, а варшавскіе реакціонеры, развернувшіе свое знамя въ самое неурочное время, сами, какъ черви въ сказкѣ Мицкевича, подтачиваютъ корни дуба и сами же жалуются на его худосочіе.

«Salomniez, salomniez toujours...»—что-либо отъ клеветы да останется. Интересно, что эта пословица поставлена г. Андреемъ Нѣмоевскимъ въ краю угла, подъ заголовкомъ одного изъ номеровъ его журнала, въ которомъ онъ клеветой изводитъ своихъ недруговъ, профессионально, хронически, съ незаламятныхъ временъ. Salomniez! Это для него не иронія, а подбадривающій напитокъ.

Все, что думали и творили евреи въ Польшѣ — богопротивно, низменно, не стоитъ вниманія. Появился новый демократическій журналъ «Польская Мысль». «Хороша — польская мысль,—восклицаетъ Нѣмоевскій,—въ которой участвуютъ евреи Станиславъ Познеръ, Сигизмундъ Герингъ», хотя и наряду съ фамиліями на «скій» и «вичъ».

Примѣра ради—кто же они: Станиславъ Познеръ и Сигмундъ Герингъ? Быть можетъ, они во зло употребили свои знанія или преслѣдуютъ цѣли, «клонящіяся во вредъ» завѣтамъ польскаго прощлага?

Станиславъ Познеръ, извѣстный польскій юристъ-теоретикъ, тотъ, которому самъ г. Нѣмоевскій на страницахъ своего журнала лично вручилъ дипломъ и значекъ на полячество, не въ примѣръ другимъ, за ревностную службу и отличное пове-

деніе. Это, какъ въ XIV или XV вѣкѣ: «моего еврея прошу не трогать. Другихъ—можете, а этотъ жидъ порядочный».

У старика Нѣмоевскаго склерозная память. Нынѣ Станиславъ Познеръ изгоняется изъ предѣловъ польской мысли. А въ тѣ поры Станиславъ Познеръ читаетъ въ парижской «Политической школь» лекціи «О борьбѣ Польши за свободу» и о политическомъ положеніи поляковъ въ трехъ Польшахъ. Въ Варшавѣ въ тѣ годы, когда еще не было юридическаго общества и журнала «Польская Тамида», онъ своими рефератами вноситъ въ среду адвокатуры интересъ къ наукѣ права, къ польскимъ законовѣдамъ и государственнымъ людямъ, пишетъ книгу изъ извѣстномъ польск. соціологѣ проф. Людвикѣ Гумплевичѣ, которому благодарные соотечественники отказали въ профессурѣ въ Галиціи. Въ лже-весенніе годы начала сего столѣтія Станиславъ Познеръ собираетъ польскую демократію, издаетъ журналъ «Звено» («Ogniwo»), печатаетъ рядъ статей изъ области исторіи и философіи права, сравнительнаго права, политики, восстанавливаетъ кровообращеніе Царства Польскаго съ европейской наукой путемъ научныхъ, критическихъ и библиографическихъ изысканій.

Недалеко отъ родового имѣнія Познеровъ — Кухары въ Плоцкой губ., есть одно неизвѣстное Нѣмоевскому мѣсто, гдѣ, отбиваясь съ своей партіей повстанцевъ отъ численно превосходящей силы противника, зарубленный сабельными ударами, погибъ Давидъ Познеръ, родной дядя Станислава—пламенная необузданная голова, красавецъ духомъ и тѣломъ, странствующій рыцарь свободы народовъ.

Семья Познеровъ—одна изъ многихъ аристократическихъ еврейскихъ семей, въ которыхъ наука, трудъ, любовь къ родинѣ хранятся, какъ священное преданіе и какъ императивъ.

Почему же такъ безсовѣстно, безчеловѣчно *urbi et orbi* лгутъ гг. Пеньковскій, Дмовскій, Нѣмоевскій? Почему не «польскія» мысль, талантъ и трудъ Станислава Познера? Почему не угодна богамъ сія жертва? Или думать по-польски—значить лгать, отрицать очевидность, отравлять свой народъ злобой, ненавистью, пасквилями на всѣ другіе народы? И почему они удивляются, когда Георгъ Брандесъ съ барской небрежной

улыбкой европейца снисходить къ ихъ политическому лепету и скоморошеству?

Зигмундъ Герингъ—авторъ «Логики экономіи», человѣкъ, отдавшій Польшѣ молодые и старыя годы—въ изгнаніи, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, цѣльныхъ натуръ, для которыхъ слово и дѣло слились въ поэму жизни.

Почему же вы лжете, что люди, которыми бы гордилось всякое общество — не подходятъ къ польскому обществу? Вѣдь, вамъ не повѣритъ читающая Россія, хотя бы знакомая съ произведеніями Конопницкой, Шиманскаго, Оржешко, Бол. Пруса, гдѣ даже безграмотные, заскоруждые и загнанные евреи очеловѣчены элементарной любовью къ родному мѣсту, къ польской природѣ, польскимъ людямъ и польской рѣчи.

Васъ спросятъ, почему вы не называете передовыхъ людей, павшихъ въ бою, умершихъ на чужбинѣ отъ голода, стужи, невзгодъ, разбившихъ свою жизнь для жизни грядущей и теперь оплеванныхъ, охаянныхъ въ Польшѣ. Вамъ въ Россіи не повѣрятъ даже люди неосвѣдомленные, не знающіе польской жизни, не побывавшіе въ Царствѣ Польскомъ. Не повѣрятъ въ силу простого закона малой вѣроятности огульныхъ, гуртовыхъ обвиненій, поклеповъ, взводимыхъ на цѣлый народъ, который, точно одинъ черствый человѣкъ, былъ только празднымъ потребителемъ, дармоѣдомъ, паразитомъ культуры! И не повѣрятъ еще потому, что въ Россіи на небольшомъ, даже не полувѣковомъ пространствѣ времени евреи были приведены въ общеніе и связь съ русской средой черезъ капиталъ, школу, науку, литературу.

Не могло быть иначе и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ сближеніе евреевъ съ обществомъ произошло гораздо раньше и было тѣснѣе вслѣдствіе общности политическихъ, краевыхъ интересовъ и гдѣ формально евреи могли считать себя гражданами еще со временъ Герцогства Варшавскаго.

Но именно противъ ополяченныхъ евреевъ и направлена политика злой совѣсти. Въ чемъ можно упрекнуть умныхъ, даровитыхъ людей, какъ не въ томъ, что обладатели талантовъ—не аборигены?

Нѣкоторые факты давятъ своей величиной и если къ нимъ нельзя придрагаться какъ къ объекту, то всегда можно подо-

браться къ нимъ черезъ прорѣху на самой личности ихъ творца.

Блестящій польскій историкъ — проф. П. Аскеназы, создавшій львовскую школу молодыхъ историковъ, чьи монументальныя монографіи—«Лукасинскій» и «Понятовскій», какъ статуи русскаго скульптора еврея Антокольскаго, перешли уже въ исторію всемірной культуры — быть можетъ бронированъ своими заслугами, но безусловно уязвимъ, какъ еврей...

«Мнѣ не нравится, — писалъ одинъ варшавскій одіозный критикъ,—что онъ, Аскеназы, такъ переполяченъ».

Воздайте же человѣку по его заслугамъ, и, говоря о томъ, что научное и литературное производство евреевъ незначительно и безцвѣтно, не забудьте обронить словечко о томъ, что Аскеназы чрезвычайно ярокъ и значителенъ и что среди современныхъ польскихъ историковъ ему принадлежитъ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто.

Мы не позволимъ вамъ расчленять евреевъ на своихъ и не своихъ. Берите всѣхъ — или никого. Вѣдь кромѣ Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Богд. Валѣсскаго, Уейскаго, Мальчевскаго и многихъ, многихъ созвѣздій второй и третьей величины есть еще поэты совершенно другой плоскости и скромнаго обихода, какъ Андрей Нѣмцевскій, заслугъ котораго на поприщѣ антисемитизма мы однако не отрицаемъ.

Наоборотъ, намъ кажется, что онъ съ своими феодальными замашками, человѣкъ исторіи, стильный эпизодъ, возвратная горячка шляхетчины..

Позвольте же милостиво и евреямъ проявлять свои скромныя дарованія. Какая свѣтобоязнь — страхъ быть на каждомъ шагу затираемымъ!

Почему, напр., не сказать ясно и громко, что къ талантливейшимъ актерамъ польской сцены въ стилѣ Давыдова и Варламова принадлежатъ Мечиславъ Френкель (Варшава) и Фельдманъ (Львовъ). Они, конечно, вправѣ считать себя только и безвозвратно поляками, но если ужъ считаться, то позвольте и ихъ потревожить. Я думаю, евреямъ очень лестно, что отъ нихъ требуютъ больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было. Со всѣхъ достаточно аттестата зрѣлости, еврею надо быть медалистомъ,

медалистомъ въ музыкѣ, медалистомъ въ литературѣ — другіе не пріемлются.

Гдѣ же вообще *геніальные* люди современной литературы? Ихъ какъ-то не видно въ вѣкъ массовыхъ усилій. Но дарованіями, талантами хоть прудъ пруди.

Евреи могли за полвѣка дать стократъ больше! Что и говорить! Но если Польша была до сихъ поръ классической страной разбитыхъ, исковерканныхъ людей, то для польскаго литератора-еврея жизнь была хожденіемъ по мукамъ, силошнымъ страстотерпствомъ. Его выживало свое же общество. Его только «терпѣли» въ литературѣ. И эти ненавистныя нѣмецкія фамиліи евреевъ! Вы не имѣли ни одного прямого противника, съ которымъ можно было скрестить шпаги. Ни одного лойяльнаго бойца! Къ вамъ подходили изъ-за угла, давали вамъ позорныя клички. Рѣдко владѣя словомъ, эти господа въ совершенствѣ владѣли руганью, и всякая газетная ищейка явно или межъ строкъ ссылалась на свою шляхетскую родословную, превосходство расы—чаще всего обнаруживающееся почему-то въ тупоуміи. То, что продѣлали надъ В. Фельдманомъ, имѣвшимъ смѣлость написать «Польскую литературу» и быть восторженнымъ глашатаемъ модернизма—заслуживаетъ вниманія. Трудъ его выдержалъ пять или шесть изданій и въ свое время брался на расхватъ. Но нѣкоторые писатели, какъ Тетмаеръ и Жулавскій, сочли себя въ его литературѣ обезцѣненными. Въ бойнѣ, происшедшей по этому поводу, человѣка способнаго, знающаго и много поработавшаго на своемъ вѣку поэты третировали, какъ «паршиваго жида» и «шишкаря», а «литература» его признана подлежащей выемкѣ изъ каждаго «порядочнаго польскаго дома». *Risum teneatis...* О чемъ бы ни заходила рѣчь — полемика переносилась всегда на почву еврейства. Это была одна отравя и вѣчное горѣніе.

Въ такихъ прекрасныхъ, высоко-культурныхъ условіяхъ существованія, вкладъ евреевъ въ польскую литературу нельзя не признать значительнымъ. Конечно, не для маниаковъ, т. е., «чистоты» польскаго духа. Говорить объ этомъ безцѣльно. Всякая литература совмѣщаетъ въ себѣ сто стилей и духовъ. Она — единственная страна свободы и внѣ этого она — забава или мука. Всѣ предположенія и догадки объ еврействѣ человѣ-

ческой мысли построены на пескѣ, произвольны, условны и ошибочны. Обратимся къ примѣрамъ.

Чистая, нѣсколько отвлеченная поэзія Антона Лянге могла быть навѣяна и польской, и еврейской дѣйствительностью, каждой порознь и обѣими вмѣстѣ. Но ея великолѣпный стихъ, богатство и мастерство формы — безусловно польскія, основанныя на большой начитанности въ польской классической и романтической литературѣ, и безусловно *польское* въ немъ сращеніе съ тономъ и тактомъ польской поэзіи. Быть можетъ, далѣе, еврейская особенность у Лянге — его филологическія страсти, какое-то тяготѣніе къ Востоку и исканіе первообразовъ въ санскритской и библейской поэзіи, но онѣ могутъ быть также случайны, какъ его превосходные переводы съ французскаго Парнаса. Полиглотъ и Янъ Каспровичъ, родомъ землепашецъ изъ Кн. Познанскаго, а экзотизмъ, какъ интерлюдія, отдохновеніе отъ непосредственнаго творчества, свойственъ поэтамъ всѣхъ странъ и народовъ.

Мы не беремся даже утверждать, что созерцательность этого поэта, опшельничество мысли во вредъ пластикѣ — черта всѣхъ еврейскихъ мечтателей. Если это недостатокъ, то въ немъ повиненъ и польскій писатель Людвигъ Стаффъ—не еврей, и ихъ великій учитель—Зигмунтъ Красинскій, болѣе философъ, чѣмъ поэтъ.

Наконецъ, еврейской чертой можно было считать рефлексивность, вдумчивость на днѣ каждаго восторга, но идеалліи Антона Лянге, его трогательная, дѣская вѣра въ друзей и красоту окружающаго жизни, отсутствіе характерной складки «еврейскаго» ума — сарказма возвращаютъ насъ къ исходной точкѣ. Антонъ Лянге и въ жизни по своей безпечности, скромности — поэтъ каждаго времени, и съ такимъ еврейскимъ «засильемъ» легко справиться кооперативнымъ молодцамъ, ибо оно есть крупица безпомощной красоты.

Какъ однако скользко, двусмысленно, растяжимо и глубоко комично, при всей его важности, это балансированіе между понятіями о чемъ-то воображаемомъ, страшно, истинно польскомъ и страшно, истинно еврейскимъ. Я готовъ взять обратно свои слова объ Антонѣ Лянге. Онъ мнѣ не представлялъ документовъ и мнѣ доподлинно неизвѣстно ни его вѣроисповѣданіе,

ни происхождение. Не говоря уже о томъ, что г. Лянте имѣетъ право бросить всѣ свои документы въ печь огненную и, при новомъ паспортномъ уставѣ, жить припѣваючи и какъ еврей, и какъ полякъ, и какъ пѣтъ.

Какъ отъ обезумѣвшихъ насильниковъ спасались когда-то люди въ скиты и кельи, такъ теперь надо бѣжать отъ міра, гдѣ выворачиваютъ вамъ душу, роются въ вашихъ бумагахъ, въ истлѣвшихъ портретахъ вашего архива. Но и этого мало. Чемъ не дѣлаютъ нигдѣ, вопреки литературнымъ обычаямъ — расшифрованы псевдонимы польскихъ, — т. е. еврейскихъ — т. е. опять-таки польскихъ писателей. Это обнаженіе происходило публично и было извѣстно подъ названіемъ «еврейскаго маскарада».

Борцы за свободу!

Съ доносами въ судъ являлись предатели съ раздобытыми гдѣ-то доказательствами, что такому-то псевдониму соответствуетъ такая-то фамилія.

Борцы за свободу!

Наряду съ разоблаченіемъ анонимныхъ еврейскихъ фирмъ, печатались фамиліи литераторовъ-евреевъ по разверсткѣ на каждый номеръ съ дополненіями и объясненіями въ текстѣ.

Но Георгъ Брандесъ — клеветникъ, всего этого не было и по отношенію къ евреямъ все позволено, ибо, какъ говорятъ справедливые мужи «Газеты Варшавской»: мы не должны слушать, что о насъ говоритъ Европа, а должны руководиться законами нашей исторіи.

А все-таки надъ герметически закупоренной глупостью, руководящейся какими-то своими особенными, никому невѣдомыми законами исторіи, вчужѣ жалко и грѣхъ смѣяться. Вѣдь это — борцы за свободу, и у нихъ миллионъ божковъ, какъ у шамановъ, и всѣ эти костяшки на ожереліи трясутся при каждомъ движеніи головой.

Вотъ почему я извиняюсь передъ А. Лянте и другими дѣятелями Ц. П. Мнѣ приходилось пользоваться матеріалами, обнародованными въ рептильной литературѣ. Безошибочность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ни къ чему другому они не способны и потому имъ надо вѣрить.

Мнѣ жалъ нѣкоторыхъ таинственныхъ псевдонимовъ. Писателя Януша *Корчака* я, какъ многіе другіе, одно время считалъ чистокровнымъ ляхомъ, хотя Лелевель думаетъ, что и ляхи не коренное населеніе Польши, а пришельцы изъ Саксоніи, Швеціи или Кавказа, Гипотезы Лелевеля и Пѣкосинскаго о пришлой шляхтѣ очень интересны, но моя гипотеза о Янушѣ Корчакѣ имѣла болѣе шансовъ вѣроятія, такъ какъ Корчакъ — названіе одного родового герба, а имя Янушъ носили Радзивиллы, п мнѣ никогда не приходило въ голову, что авторъ повѣсти «Дѣти салона» обѣврейилъ польскую литературу.

Это писатель особенный и такого другого нѣтъ и въ русской литературѣ. Алеша Карамазовъ, который сталъ писателемъ недопѣтаго дѣтства, несущественной любви. Это герон — дѣти, польская и еврейская дѣтвора, которую онъ разбиваетъ на двѣ колонны и ведетъ куда-то въ будущее — безъ ихъ отцовъ и матерей, набивающихъ голову ребенка всякой затасканной дрянью. Они льнутъ къ нему, какъ къ молодому, старшему брату, увлекательному рассказчику, товарищу, учителю и защитнику ихъ маленькихъ, но очень важныхъ, очень серьезныхъ дѣлъ.

Поэзія педагогики. Но какой! Лучистой, полной ироническихъ улыбокъ, мужественной, наружно суровой, безъ приторности и снисходительности взрослыхъ къ будущимъ владѣльцамъ земли.

Учитель, дѣтскій врачъ и художникъ по какому-то рѣдкому исключительному призванію, — не призванію, а подвижничеству. Нѣкоторые его діалоги съ дѣтьми, которыхъ онъ долго изучалъ, лѣтомъ, на свободѣ, въ дѣтскихъ колоніяхъ и въ больницѣ можно было бы возвести въ методъ.

Дѣтскій Сократъ, извлекающій на ходу изъ своихъ маленькихъ слушателей то, чего никогда не извлечъ родителямъ и случайнымъ наставникамъ, дающій ребенку радость инициативы, открытія, творчества!

Первая повѣсть Корчака — негативъ изуродованной жизни, лѣтопись души, изнемогающей подъ тяжестью чужихъ мыслей, вкусовъ, идей, за которую говорятъ вѣка, литература, родители, всякъ встрѣчный — только не она сама. Этой сборной

душѣ горожанина Корчакъ пропѣлъ отходную и обратился къ новымъ всходамъ.

Но мы не думаемъ здѣсь писать литературные очерки. Намъ интересуется фигура все того же вопроса: чѣмъ польскій Амичисъ отступилъ отъ какой-то мистической программы польскаго духа на тысячу лѣтъ впередъ, чѣмъ нарушилъ благородство всѣхъ этихъ... украшающихъ эпитетовъ?

Тѣмъ, что этихъ «Юзей и Франковъ» долженъ былъ живописать какой-то другой «настоящій» Корчакъ? Но онъ не написалъ, такъ берите же эту картину обѣими руками и не забудьте сдѣлать опять третью, десятую оговорку, что нельзя выкинуть изъ польской культуры и Корчака.

Но нельзя выкинуть и всѣхъ остальныхъ. Списки евреевъ или тѣхъ, которыхъ вы насильно пнали въ еврейство неполны. Гдѣ полугеніальный Юліанъ Клячко, въ юности долгополный еврей изъ Вильны, потомъ перъ палаты господъ, «Флорентинскими Вечерами» котораго и его политическими памфлетами вы восторгались вмѣстѣ съ гр. Тарновскимъ? Вѣдь не ради его перства! Онъ давно умеръ, но его мѣсто въ спискѣ. Мы хотимъ имѣть полный списокъ! А профессора-медики галиційскихъ университетовъ, химики, физики, юристы, филологи, и цѣлая фаланга ученыхъ безъ кафедръ, парламентаристы, учителя, адвокаты, художники, музыканты, скульпторы — всѣ, которые, начиная съ семидесятыхъ годовъ, шли рука объ руку съ обществомъ, расчищая вамъ дорожки—даже богачи, даже капиталисты, которые основывали польскія школы, давали стипендіи, отказывали въ завѣщаніяхъ коллекціи и библіотека музеямъ и ученымъ обществамъ. Мы захватимъ всѣхъ до одинаго. Не забудьте упомянуть о женщинахъ. Этого требуетъ рыцарство и галантность. Напр., о польскихъ писательницахъ Маріи Забоецкой, Чеславѣ Галичъ, Савитри, или Маріонъ, которыя писали очень изящной польской прозой — и польскихъ курсисткахъ-еврейкахъ, поддерживавшихъ заграницей польскій духъ,—конечно, не вашъ духъ, а духъ братства польской молодежи, готовыхъ бѣгать въ десятую улицу за польской книгой и за помощью для коллеги, и о тѣхъ, которыя дѣлили судьбу узниковъ и изгнанниковъ и которымъ вы въ молодости говорили сентиментально: «товарищъ».

Мы опрокинемъ вашу ложь и если объ этомъ г. Дмовскій не разрѣшаетъ говорить въ Варшавѣ, то мы будемъ говорить въ Москвѣ, въ Петроградѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ на всѣхъ языкахъ и — *s'il vous plait* — на нашемъ родномъ — польскомъ.

Для насъ важна не выемка людей и цѣлахъ народовъ и уничтоженіе ихъ энергій, и вѣчныя сизифовы начинанія *ab ovo*, а преемство, собираніе, накопленіе разрозненныхъ силъ.

Что даетъ намъ искусство? Что дала Польша? другія страны? На десятки милліоновъ людей сто — двѣсти именъ? Гдѣ же, въ какой непроходимой чащѣ лѣсовъ дремлютъ творческія силы народовъ?

«Они не пили, не кутили, не развратничали»,—говорить Лелевель о евреяхъ.

А по мнѣ, такъ лучше бы ужъ разъ прошли свой скарбъ, если они душу сохранили только для рабства.

Аванти.

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКО - ПОЛЬСКО - ЕВРЕЙСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

(Къ вопросу о вмѣшательствѣ).

I.

Въ наши дни нерѣдко приходится слышать серьезныя возраженія противъ вмѣшательства русскаго общества во внутреннія дѣла Польши. Сторонники подобнаго «невмѣшательства» предлагаютъ русскому обществу ограничиться признаніемъ права Польши на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы и отказаться отъ непрощенныхъ совѣтовъ относительно того или иного разрѣшенія въ Польшѣ соціального и національнаго вопроса.

Намъ думается, что подобная точка зрѣнія глубоко ошибочна. Это «невмѣшательство» во внутреннія дѣла Польши не только не отвѣчаетъ интересамъ общероссійскаго прогресса, одинаково важнаго, какъ для поляковъ, такъ и для русскихъ; оно совершенно противорѣчитъ прошлому польско-русскихъ отношеній, основанныхъ какъ разъ на этомъ постоянномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла другъ друга.

Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія польскіе патріоты «вмѣшиваются» во внутреннія дѣла Россіи и ищутъ себѣ союзниковъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ среди конституціоннаго движенія передоваго русскаго дворянскаго общества. Это первое «вмѣшательство» было началомъ русско-польскихъ взаимоотношеній.

Въ свою очередь русскіе конституціоналисты въ 20-хъ г.г., идя навстрѣчу польскому освобожденію, проявляютъ интересъ къ границамъ будущей свободной Польши и тѣмъ соціальнымъ началамъ, на которыхъ должна возродиться Польша. Поляки

отстаивали границы Польши до первого раздѣла, т.-е. включали въ составъ Польши Литву, Украину и Бѣлоруссію. Русскіе, предъявлявшіе права Россіи на эти земли, несомнѣнно, вмѣшивались, съ точки зрѣнія поляковъ, во внутреннія дѣла исконныхъ владѣній польскаго королевства. Но тѣмъ не менѣе представители польскаго національнаго движенія черезъ 40 лѣтъ пришли къ заключенію, что нельзя отказать русскимъ въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла исторической Польши, и что необходимымъ условіемъ нормальныхъ отношеній съ русскими сторонниками польскаго освобожденія должно быть признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми народами, входившими въ составъ бывшаго польскаго королевства.

Не безразличенъ былъ для русскіхъ конституціоналистовъ будущій соціальный и политическій строй Польши. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей движенія декабристовъ и сторонникъ полной самостоятельности Польши — Пестель очень интересуется внутреннимъ устройствомъ будущей независимой Польши. Однимъ изъ основныхъ условій самостоятельности Польши должна быть, по его мнѣнію, демократизація ея общественнаго строя, соответствующая тому общественному строю, который устанавливался для Россіи. Пестель считалъ весьма опаснымъ для общественнаго строя Россіи сохраненіе аристократической Польши.

Также весьма интересуются будущимъ соціальнымъ строемъ возрождающейся Польши Герценъ и Бакунинъ. Пламенные друзья польской свободы желаютъ не только національнаго возрожденія Польши. Они хотятъ ея полнаго соціальнаго переустройства. Между редакторами «Колокола» и «Центральнымъ» органомъ польскаго движенія происходятъ соглашенія, основанныя на признаніи права польскихъ крестьянъ на обрабатываемую ими землю и права на національное самоопредѣленіе за всѣми народами исторической Польши.

Несомнѣнно, что эти условія соглашенія были вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Польши, но они были *неизбѣжны и необходимы для демократа Герцена*. «Колоколь» не хотѣлъ бороться за возрожденіе шляхетской и клерикальной Польши, предъявлявшей свои историческія права на украинцевъ и литовцевъ. Это прекрасно понимали польскіе друзья Герцена и

они не требовали отъ него отказа отъ вмѣшательства во внутреннiя дѣла Польши.

Также не вызывало протестовъ со стороны польскихъ демократовъ вмѣшательство «Колокола» въ польско-еврейскiя отношенiя. Съ исторiей этого вмѣшательства мы хотимъ познакомиться читателей.

Въ № 34 «Колокола» за 1859 г. появилась большая корреспонденция изъ Царства Польскаго, рисующая въ очень мрачныхъ краскахъ положенiе евреевъ въ Польшѣ. Авторъ корреспонденции мечтаетъ о томъ, чтобы положенiе польскихъ евреевъ было уравнено съ положенiемъ русскихъ евреевъ, ибо, говорить авторъ корреспонденции, «если и тамъ положенiе евреевъ далеко не завидно, то по крайней мѣрѣ нѣтъ надъ ними ужаснаго матеріальнаго гнета...» (какъ въ Польшѣ).

«Въ Царствѣ Польскомъ, по сообщенiю корреспондента «Колокола», существуетъ касательно евреевъ неимовѣрное число узаконенiй, на счетъ которыхъ покойный министръ Туркуль, выражался... что они есть ничто иное, какъ сборъ старыхъ средневѣковыхъ предразсудковъ и фискальныхъ постановленiй Австрiи и Пруссiи 1798 г.»¹⁾

Каковы же эти узаконенiя, мы узнаемъ изъ этой же корреспонденции, перечисляющей наиболѣе бросающiяся въ глаза ограниченiя: «еврей долженъ жить въ опредѣленныхъ улицахъ и мѣстностяхъ, не имѣетъ права быть архитекторомъ, химикомъ, аптекаремъ, винокуромъ или цѣловальникомъ, мясникомъ или продавцомъ мяса; онъ не можетъ держать у себя кормилицъ изъ христіанокъ, быть свидѣтелемъ противъ христіанъ, онъ лишентъ права прiобрѣтать недвижимость и ему не дозволено присутствовать на собранiяхъ ремесленныхъ и цеховыхъ обществъ».

Авторъ корреспонденции перечисляетъ спеціальныя еврейскiя повинности, кромѣ общихъ, платимыхъ наравнѣ съ христіанами: 1) «35 тыс. рублей за право имѣть свои бойни (Kosher-fleisch), изъ каковой суммы—страшно вымолвить—

¹⁾ Всѣ эти узаконенiя, какъ извѣстно, санкціонировались шляхетско-клерикальнымъ режимомъ Варшавскаго Герцогства и автономнаго Царства Польскаго.

отдѣляется только 9 тысячъ въ пользу Варшавской больницы для евреевъ. 2) 100 тысячъ рублей за поденные билеты, штемпеля и штемпельные штрафы при испрошеніи разрѣшенія проживать въ Варшавѣ; изъ нихъ отдѣляется примѣрно 7000 въ пользу раввинскаго училища. 3) 60 тысячъ рублей за спеціальныя права на арендаторство и арендные деньги (*special consense und Pachtgelder*), сумма безъ исключенія поступающая въ общій бюджетъ. 4) Особая повинности для поддержанія синагогъ, школь и для покрытія прочихъ общинныхъ расходовъ. 5) Огромныя суммы чиновникамъ для подкупа правосудія, ибо для еврея прямой законъ ведетъ къ проволочкамъ, къ издержкамъ, чуждымъ безпристрастія и заставляетъ предпочитать кривой путь, какъ кратчайшій».

(Положеніе евреевъ въ Польшѣ, по общему заключенію автора корреспонденціи, ужасно.

Безправіе ведетъ къ «искусственной порчѣ» однихъ, нищетѣ и голоду другихъ: «На нѣсколько богатыхъ евреевъ насчитываются сотни тысячъ бѣдняковъ».

(Еврейская интеллигенція въ Польшѣ не можетъ мириться съ такимъ положеніемъ вещей.

Корреспондентъ «Колокола» сообщаетъ представителямъ передовой русской общественной мысли тѣ *требованія*, съ которыми выступаетъ еврейскій интеллигентъ въ Польшѣ: «онъ громко проситъ просвѣщенія за огромныя вымученныя суммы, идущія въ общій бюджетъ ради школь; онъ проситъ, чтобы дѣти бѣдныхъ евреевъ обучались родному языку; онъ желаетъ, чтобы этимъ послѣднимъ были даны средства сдѣлаться искусными ремесленниками. при чемъ они, по крайней мѣрѣ, завели бы между собою цехи для выбора подмастерьевъ и мастеровъ, чтобы получившіе образованіе могли на своей землѣ употребить его въ дѣло; онъ желаетъ, чтобы ему (еврею) дозволено было приобрѣтать земли хотя бы на основаніи экзамена въ агрономіи; онъ требуетъ, чтобы разорительныя дозволенія снимать аренды, падающія на однихъ евреевъ, были вовсе отменены, онъ проситъ быстро правосудія и защиты противъ преслѣдованія»...

Эта корреспонденція рисуется, какъ мы видимъ, административно-правовой режимъ въ Польшѣ по отношенію къ

евреямъ, въ которомъ современное польское общество было не-ловинно и который достался ему отъ господствовавшихъ раньше въ автономномъ Царствѣ Польскомъ шляхетско-клерикальныхъ тенденцій.

Корреспонденція весьма интересна для насъ, какъ первая апелляция польскаго еврея, по поводу своего правового положенія, къ русскому передовому общественному мнѣнію. Апеллируя къ русскому общественному мнѣнію, авторъ корреспонденціи остается польскимъ патріотомъ. Для него прошлое Польши (независимой) является «образцомъ вѣротерпимости и гостепрѣмства».

Эта апелляция показываетъ, что еврейская интеллигенція въ Польшѣ, оставаясь глубоко лояльной по отношенію къ интересамъ польскаго освобожденія, учитывала тѣмъ не менѣе все огромное значеніе нарождающейся русской демократіи въ разрѣшеніи вопросовъ еврейской эмансипаціи.

Другая корреспонденція въ № 35 «Колокола» затрагиваетъ еврейскій вопросъ въ Польшѣ уже не въ сферѣ административно-правового положенія евреевъ, а въ сферѣ отношенія стдѣльныхъ круговъ польскаго общества къ евреямъ.

Эти польско-еврейскія отношенія напоминаютъ по своей формѣ современныя польско-еврейскія отношенія. Любопытно, что въ роли застрѣльницы похода противъ евреевъ фигурируетъ въ 1859 г. та же «Gazeta Warszawska», которая и сейчасъ является лейбъ-органомъ лидера польскаго антисемитизма Романа Дмовскаго.

Авторъ корреспонденціи апеллируетъ къ передовому русскому общественному мнѣнію противъ тѣхъ круговъ польскаго общества, которые захвачены антисемитизмомъ и занимаются травлей еврейства.

Вотъ что сообщаетъ намъ эта корреспонденція изъ Варшавы въ «Колоколѣ». Считаемоъ небезынтереснымъ привести ее цѣликомъ:

«Варшавская Газета», журналъ ежедневно здѣсь выходящій и многочитаемый, издавна систематически клеветаетъ на евреевъ. *Оскорбленные евреи со своей стороны не имѣютъ никакого органа, которымъ могли бы отражать обиды журналиста (курсивъ нашъ)*, почему принуждены были до сихъ поръ мол-

чать или ограничиваться напрасными совѣтами редакціи. Статья, исполненная обыкновенныхъ злобныхъ намековъ и ругательствъ въ одномъ изъ послѣднихъ №№ этого журнала, подала поводъ нѣкоторымъ извѣстнымъ евреямъ къ поступку, который всего лучше объясняетъ жалкое положеніе, на которое до сихъ поръ осуждены евреи въ Польшѣ. Люди изъ самыхъ лучшихъ фамилій, отличные образованіемъ и общественнымъ положеніемъ, ученые, доктора, заводчики, экононы и проч., письменно объявили редактору «Варшавской Газеты», что систематическое распространеніе юбидь и безпрестанное раздраженіе фанатизма противъ евреевъ, въ газетѣ имъ издаваемой, почитаютъ они безнравственнымъ дѣломъ, и готовы противъ такого певеденія прибѣгнуть къ средствамъ, которыми образованные люди пользуются противъ обидъ и клеветы. Редакторъ, у котораго не было недостатка отваги, чтобы оскорблять беззащитныхъ людей въ святѣйшихъ ихъ чувствованіяхъ, не нашелъ ея противъ мужественнаго и открытаго вызова. Полиція была увѣдомлена объ этомъ происшествіи; ждуть слѣдствія; тогда будетъ случай евреямъ завести рѣчь о беззащитномъ ихъ положеніи противъ такихъ нападокъ».

Герценъ очень живо реагировалъ на эти польско-еврейскія отношенія. Въ томъ же № 37, въ которомъ была помѣщена первая корреспонденція изъ Царства Польскаго, Герценъ обрушивается на польскій антисемитизмъ. Считааясь, повидимому, съ тѣмъ, что въ Польшѣ не нашлось ни одного органа, въ которомъ могли бы выступить евреи, Герценъ бросаетъ польскому обществу обвиненіе въ «католической ненависти къ евреямъ». Этому распространенному въ Польшѣ антисемитизму, не находящему должнаго отпора, онъ противопоставляетъ поведеніе русской печати, «безъ различія партій, протягнувшей дружескую руку евреямъ» и «возставшей противъ плоской выходки» одного русскаго журналиста, аналогичной выходкѣ «Варшавской Газеты».

II.

Въ чемъ же заключалось выступленіе русскаго общества по еврейскому вопросу, которое Герценъ противопоставляетъ польскому антисемитизму?

Въ одномъ русскомъ еженедѣльномъ изданіи «Иллюстрація», появились статьи по еврейскому вопросу. Одна статья была направлена противъ разбогатѣвшаго еврейскаго откупщика Г., рекламировавшаго себя въ парижскихъ газетахъ. Другая статья, посвященная «западно-русскимъ жидамъ и ихъ современному положенію», полемизировала съ «Русскимъ Инвалидомъ», высказавшимся за эмансипацію евреевъ. Авторъ второй статьи, въ качествѣ «знатока» еврейской жизни, рѣзко высказывается противъ эмансипаціи евреевъ, ссылаясь на ихъ пороки.

Эти антисемитскія статьи вызвали возраженія двухъ еврейскихъ публицистовъ И. Чацкого и Горвица на страницахъ русскихъ журналовъ «Русскій Вѣстникъ» и «Атеней». Авторы статей, не возражая противъ выступленія «Иллюстраціи» противъ еврейскаго богача Г., протестовали противъ обобщеній антисемитской газеты и ея огульнаго обвиненія евреевъ. Оба автора видѣли въ статьяхъ антисемитской газеты религиозный фанатизмъ и національную нетерпимость. Авторъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Чацкий считаетъ необходимымъ протестовать на страницахъ русской печати, дабы «никто не принялъ за блескъ современнаго просвѣщенія жалкое отраженіе того злобѣщаго огня, которымъ нѣкогда зажигались костры въ Мадридѣ»¹⁾.

«Иллюстрація» не нашла ничего другого отвѣтить еврейскимъ публицистамъ, какъ назвать ихъ агентами еврейскаго богача Г., подкупленными его золотомъ.

Въ отвѣтъ на обвиненія «Иллюстраціи»! Чацкий потребовалъ отъ редакціи объясненій. Въ письмѣ къ редактору онъ требуетъ шемедленно: 1) представить доказательства подкупа; 2) назвать имя Г.; 3) указать, гдѣ Чацкий говорилъ въ защиту Г.; 4) или объявить, что обвиненіе Чацкого клевета и притомъ самая «наглая». Въ противномъ случаѣ Чацкий угрожаетъ редактору привлечь его къ суду.

«Иллюстрація» отказалась удовлетворить Чацкого. Тогда выступила съ протестомъ противъ «Иллюстраціи» русская пе-

1) «Русскій Вѣстникъ» за 1858 г. сентябрьская книга, II. Чацкий, «Иллюстрація и вопросъ о расширеніи гражданскихъ правъ евреевъ.»

чать. На этотъ протестъ и ссылался Герценъ, выступая противъ польскаго антисемитизма.

Протестъ появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ русскихъ изданіяхъ. Начинался онъ слѣдующими словами: «Русская читающая публика въ недавнее время была свидѣтельницей факта, еще неслыханнаго въ нашей литературѣ и возбуждавшаго общее недоуваніе всѣхъ, кому дорога честь печатнаго слова, и кто не хотѣлъ бы видѣть его обращеннымъ въ орудіе неразборчивой на средства личной мести... Въ числѣ вопросовъ, бывшихъ за послѣднее время предметомъ обсужденія нашей періодической печати, поднять былъ у насъ вопросъ о положеніи евреевъ...». Далѣе идетъ изложеніе полемики «Иллюстраціи» съ еврейскими публицистами и клеветы анти-семитской газеты. Въ заключеніе протестъ говоритъ: «Иллюстрація не просто искажила мнѣніе своихъ противниковъ, на что они могли бы отвѣтить либо литературнымъ изобличеніемъ, либо презрѣніемъ. «Иллюстрація» позволила себѣ коснуться нравственнаго характера г. Горвица и Чацкина и посягнуть на то, что для каждаго честнаго человѣка составляетъ лучшее благо. «Иллюстрація» позволила себѣ не просто бездоказательное обвиненіе, не просто недостойный намекъ, который могъ вырваться въ жару спора у человѣка, увлекшагося фанатизмомъ мнѣнія, или неполнѣ развитою въ нравственномъ отношеніи. «Иллюстрація» позволила себѣ клевету, тѣмъ болѣе возмутительную и наглую, что не представлялось ни малѣйшаго повода къ ней, даже въ глазахъ такихъ людей, которые не понимаютъ другихъ побужденій, кромѣ нечистой корысти и подкупа.

Въ лицъ г.г. Горвица и Чацкина оскорблено все общество, вся русская литература (курсивъ нашъ)... «такой общій протестъ будетъ самымъ лучшимъ удовлетвореніемъ чести оскорбленныхъ лицъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ здоровья той общественной среды, которая собственнымъ свободнымъ актомъ поражаетъ и отметаеъ всякое недостойное дѣло» 1)...

1) Протесту предшествуетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статья Н. Павлова, которая торжественно заявляетъ, что „нападать на евреевъ прошла пора и прошла на вѣки. Надо лучше оградить себя отъ справедливости ихъ нападеній“. Какой проніей звучатъ эти слова въ наши дни.

Протестъ собралъ массу подписей, среди которыхъ мы встрѣчаемъ извѣстныхъ русскихъ писателей и журналистовъ: П. Аксакова, К. Аксакова, С. Аксакова, П. Анненкова, М. Каткова, В. Корша (редактора «Петербургскихъ Вѣдомостей»), А. Краевского (будущаго редактора «Голоса»), И. Тургенева, Н. Чернышевскаго, А. Жемчужникова, А. Майкова, Н. Некрасова, П. Мельникова, извѣстныхъ историковъ и словесниковъ: А. Афанасьева, К. Бестужева, О. Буслаева, А. Галахова, О. Дмитриева (историка русскаго права), С. Ешевскаго, И. Забѣлина, К. Кавелина, С. Соловьева, Н. Тихонравова, Н. Барсова, И. Бѣляева, М. Погодина, С. Шевырева, П. Щебальскаго, профессоровъ астрономіи, механики, ботаники, физики, анатоміи, зоологіи, медиковъ А. Драшусова, А. Ершова, С. Рачинскаго, А. Бекетова, А. Богданова, Я. Борзенкова, О. Бредихина, Н. Вагнера, А. Давидова, Н. Лясковскаго, М. Спасскаго, П. Пиккулина, В. Пеликана, профессоровъ политич. экономіи и полицейскаго права И. Бабета, В. Безобразова, М. Вольскаго, В. Лешкова, финансистовъ О. Чижова, В. Кокорева, художниковъ А. Кошелева, А. Наумова, артиста М. Щепкина и даже цензора Н. Фонъ-Крузе. Изъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей подписались: будущій земець Д. Наумовъ, Я. Ростовцевъ, генераль С. Хрулевъ. Среди подписавшихся имѣются подписи двухъ польскихъ общественныхъ дѣятелей и писателей: В. Спасовича и Г. Огрызко.

Къ протесту присоединились представители украинскаго движенія. Въ особомъ письмѣ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» Н. Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Марко Вовчокъ, привѣтствуютъ русскихъ литераторовъ, сдѣлавшихъ свой органъ («Русскій Вѣстникъ») также и органомъ «просвѣщенныхъ представителей еврейскаго племени», «во имя независимости всякой сознающей себя народности».

Высказываясь за полное гражданское равенство евреевъ, украинцы заявляютъ, что хотягь присоединить къ «торжественной манифестаціи *русскихъ и польскихъ* писателей голоса представителей «того народа, который больше великороссіяны и поляковъ терпѣль отъ евреевъ и выразилъ свою ненависть къ евреямъ во времена оно многими тысячами кровавыхъ жертвъ». Современные литературные представители этого

народа, по мнѣнію авторовъ письма, сознають, что украинскій народъ «не входилъ въ причину зла, заключающагося не въ еврейхъ, а въ религиозно-гражданскомъ устройствѣ Польши. «Они» дышатъ инымъ духомъ, сочувствуютъ инымъ стремленіямъ».

Такимъ образомъ, то выступленіе русокихъ писателей, на которое ссылался Герценъ въ своемъ «вмѣшательствѣ» въ польско-еврейскія отношенія, раскрывается передъ нами въ довольно сложномъ сдѣлленіи русско-еврейско-польско-украинскихъ отношеній. Мы видѣли, что уже украинскіе писатели усмотрѣли въ литературномъ протестѣ не одно только выступленіе русокихъ писателей. Этотъ протестъ, на основаніи участія въ немъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей, они называютъ «*манифестаціей русокихъ и польскихъ писателей*». Они, такимъ образомъ, вносятъ поправку къ «вмѣшательству» Герцена, подчеркивая одновременное «вмѣшательство» польскихъ писателей въ русско-еврейскія отношенія. Они очень ярко записываютъ ту точку зрѣнія, что протестъ противъ антисемитизма въ Россіи, въ Польшѣ или въ Украинѣ долженъ быть общимъ дѣломъ русскаго, польскаго и украинскаго общества ¹⁾.

III.

Любопытно, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выступленія Герцена и «Колокола», по поводу положенія евреевъ въ Польшѣ и польскаго антисемитизма, официальные представители польскаго движенія, тѣ самые, которые заключали извѣстный договоръ съ Герценомъ, апеллируютъ противъ руссокой политики не только къ евреямъ Царства Польскаго, но и Литвы и Западнаго Края. Приглашая евреевъ Царства Польскаго, Литвы и «Руси» вступать въ польскіе ряды, они въ яркихъ краскахъ рисуютъ бѣдственное положеніе евреевъ въ Россіи.

¹⁾ Къ сожалѣнію, украинскіе писатели, протестовавшіе противъ русскаго антисемитизма, не смогли застраховать себя отъ украинскаго антисемитизма, который очень замѣтно проявляется въ редактировавшемся этими же писателями журналѣ „Основа“.

Очень скоро забыли свой протестъ противъ антисемитизма многіе русскіе писатели въ 1861 году и ученые.

У евреевъ, по словамъ Центральнаго Національнаго Комитета, одинъ общій врагъ съ поляками: онъ «въ своихъ петербургскихъ комитетахъ судить о евреяхъ, какъ о паряхъ индустриальныхъ, какъ зачумленнымъ запрещаетъ имъ осѣдлость въ Московскихъ областяхъ, а въ Литвѣ и на «Руси» (Западномъ Краѣ) путемъ правовыхъ ограниченій отлучаетъ евреевъ отъ общества. А здѣсь, въ Царствѣ Польскомъ, вопреки явной волѣ народа, не считаясь съ нею, врагъ нашъ издаетъ особые для васъ законы, исполненные разныхъ ограниченій для васъ; тогда какъ мы вольной волей и отъ искренняго сердца въ общемъ братскомъ объятіи уже давно разрѣшили этотъ, такъ называемый еврейскій вопросъ ¹⁾).

И кознями своими онъ вводитъ въ заблужденіе легковѣрныхъ изъ васъ, стараясь среди васъ приобрести сторонниковъ и лживо доказываетъ, что тѣми правами, которыми вы пользуетесь, вы ему обязаны ²⁾).

Другое воззваніе къ евреямъ Царства Польскаго, Литвы и «Руси» отъ Національнаго Правительства (Рѣшона Народоваго) апеллируетъ къ евреямъ на ихъ *родномъ языкѣ*. Это воззваніе также противопоставляетъ польской терпимости московскій фанатизмъ: «сравните, братья, обычаи Польши во времена благоденствія ея съ обычаями Москвы и вы сумѣете отличить дневной свѣтъ отъ мрака ночи. Съ тѣхъ поръ, какъ Польша приняла васъ въ лоно свое, она не выгнала васъ ни изъ одного мѣста;

¹⁾ Къ сожалѣнію благородные представители польскаго движенія, искренніе друзья евреевъ, не совсѣмъ точно представляли себѣ происхожденіе и развитіе польскаго законодательства о евреяхъ. Во всѣхъ ограниченіяхъ противъ евреевъ «московское» правительство было не причемъ. Это законодательство, напротивъ, укрѣпилось въ автономномъ Царствѣ Польскомъ, сеймъ котораго выступилъ противъ эмансипаціи евреевъ.

²⁾ Л. Козловскій. Изъ прошлаго польско-еврейскихъ отношеній. („Голосъ Минушаго“ за 1913 г., 9-я книга.)

Облегченіе положенія евреевъ въ Польшѣ, приближающее ихъ къ положенію русскихъ евреевъ, было достигнуто при маркизѣ Велепольскомъ, добившемся совсѣмъ наканунѣ возстанія изданія указа 24-го мая 1862 года о разрѣшеніи евреямъ пріобрѣтать недвижимость, селиться гдѣ угодно и быть свидѣтелями на судѣ. Этотъ же указъ запрещалъ евреямъ употреблять еврейскій и древне-еврейскій языкъ.

Москва лишь стала перебрасывать васъ изъ одного угла въ другой. Въ Польшѣ не было преслѣдованія и ложнаго обвиненія въ употребленіи человѣческой крови, изъ-за которой во многихъ мѣстахъ Европы отцы ваши изъ года въ годъ подвергались гоненіямъ, наоборотъ, короли польскіе сами выступали на вашу защиту и даже суровыя кары установили для тѣхъ, кто осмѣлился бы бросить на васъ это ложное подозрѣніе, а между тѣмъ, даже въ наше время воскресаетъ это обвиненіе въ Россіи... Проснитесь, братья израильяне, жители Царства Польскаго, Литвы и Руси, поднимитесь на гласъ, призывающей: «Вѣдь вы—народъ, отъ вѣка борющійся до послѣдней капли крови за свободу...» ¹⁾).

Эта апелляція польскихъ патріотовъ къ *литвакамъ* на *еврейскомъ языкѣ* не встрѣтила протестовъ въ польскомъ обществѣ. Также едва ли кто-либо изъ представителей польскаго общества считалъ предосудительнымъ подобное вмѣшательство поляковъ въ русско-еврейскія отношенія...

Мы видимъ, какъ неизбѣжно было для представителей русской и польской демократіи вмѣшательство во внутреннія дѣла другъ друга.

Союзъ русской и польской демократіи немислимъ безъ тѣхъ общедемократическихъ условій, которыя всегда приводили и будутъ приводить къ вмѣшательству во внутреннія дѣла другъ друга. Особенно же очевидной становится необходимость подобныхъ условій, когда союзъ демократіи приходится противоставлять союзу двухъ реакцій, который также несетъ «свое» вмѣшательство.

Это новое вмѣшательство заставляетъ польскую реакцію бросать палки въ колеса общероссійскаго прогресса, поддерживать всѣ реакціонныя мѣропріятія своего союзника и продавать интересы польскаго народа и его свободы за ничтожныя уступки ея классовымъ интересамъ.

Чтобы преодолѣть это вмѣшательство русской и польской

¹⁾ Козловскаго, тамъ же.

демократіи, необходимо *договориться* о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ возможна поддержка другъ друга.

Этими условіями должны быть общедемократическіе принципы, обязательные для обѣихъ сторонъ.

Однимъ изъ основныхъ этихъ принциповъ является право національно-культурнаго самоопредѣленія народовъ Россіи и Польши и гарантія правъ національнаго меньшинства.

Характерно, что въ той самой Москвѣ, гдѣ ведутся споры о правѣ вмѣшательства русскаго общества въ польско-еврейскія отношенія, польскими общественными дѣятелями, было уже санкціонировано это вмѣшательство ¹⁾).

На торжественномъ засѣданіи всѣхъ польскихъ обществъ въ Москвѣ, по поводу воззванія Верховнаго Главнокомандующаго, подъ предсѣдательствомъ А. Р. Ледницкаго было рѣшено, въ знакъ своего уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала Польшу исторія, послать привѣтствія польскимъ евреямъ и литовцамъ... ²⁾).

Допустивъ это официальное вмѣшательство и одобривъ его, представители польскаго общества не въ правѣ отказать во вмѣшательствѣ въ польско-еврейскія отношенія представителямъ русскаго общества, въ свою очередь допускающихъ и даже зовущихъ поляковъ къ вмѣшательству въ русскія дѣла.

Р. Выдринъ.

¹⁾ Одинъ изъ нихъ, А. С. Ледницкій — представитель Центральнаго Обывательскаго Комитета.

²⁾ См. журналъ „Народы и Области“. № 3, 4, 5

О ПРАВѢ ВМѢШАТЕЛЬСТВА ¹⁾.

Когда началась эта война, весь ужасъ еврейскаго безправія въ Россіи сталъ очевиднымъ даже для самаго равнодушнаго обывателя. И война же, выдвинувшая вопросъ о положеніи евреевъ въ Россіи съ особенной, небывалой остротой, казалось, подготовляла для его постановки и разрѣшенія наиболѣе благопріятныя условія, рожденныя въ тяжкихъ мукахъ войны. Въ самомъ дѣлѣ,—еврецъ, наравнѣ со всѣми другими національностями Россіи, горячо откликнулись словомъ и дѣломъ на призывъ къ единенію и подвигу для защиты родины. Безукоризненно прошла среди нихъ мобилизація. Свыше 350 тысячъ евреевъ вступили въ ряды дѣйствующей арміи—сражаются, награждаются за подвиги, получаютъ раны, умираютъ. Ужасами войны охвачено и все остальное еврейство Царства Польскаго, вмѣстѣ съ польскимъ населеніемъ—разорено, согнано съ насиженныхъ мѣстъ. И рядомъ съ этимъ, и несмотря на это, всѣ «еврейскіе» законы продолжаютъ не только существовать, но и дѣйствовать. Противорѣчіе слишкомъ очевидное, особенно очевидное—какъ никогда. Съ непреерекаемой убѣдительностью оно требовало своего разрѣшенія, отнимая всѣ аргументы даже у тѣхъ, кто признаніе за евреями элементарныхъ человѣческихъ правъ допускаетъ только какъ награду за добродѣтель. И вотъ въ этотъ моментъ какая-то грозная опасность для разрѣшенія большаго вопроса русской жизни—русскаго вопроса о евреяхъ—стала вырастать на театрѣ войны и въ ближайшемъ тылу арміи, на территории Царства Польскаго. Пошли слухи о томъ, что ожесточенная вражда поляковъ къ евреямъ, вылившаяся передъ войной въ форму бойкота, не смягчилась, оты-

*) Изъ доклада „Рускій вопросъ о евреяхъ“ читаннаго авторомъ 10 января 1915 г. въ Москвѣ, а затѣмъ въ Петроградѣ и Одессѣ.

скала новыя формы для своего проявленія, и на почвѣ этой вражды и въ связи съ нею возникаютъ и растутъ темныя слухи объ измѣнѣ и предательствѣ еврейскаго народа.

Такимъ образомъ, въ очередной вопросъ русской жизни война вдвинула польскій антисемитизмъ и обусловила этимъ непосредственный и тревожный интересъ къ нему со стороны русскаго общества, какъ къ неожиданной помѣхѣ своему дѣлу. Русское общество захотѣло познакомиться съ польскимъ антисемитизмомъ и опредѣлить его характеръ, чтобы установить размѣръ опасности и вступить съ нею въ борьбу.

Однако, по этому поводу польскіе общественные дѣятели всѣхъ оттѣнковъ политической мысли немедленно поставили вопросъ: имѣетъ ли право русское общественное мнѣніе вмѣшиваться въ польско-еврейскія отношенія. Вопросъ этотъ, казалось бы, содержитъ въ себѣ и свой отвѣтъ и совсѣмъ недавно считалось бы неумѣстнымъ его поставить. Но поляки отвѣчаютъ на него отрицательно и всегда упорно, иногда съ негодованіемъ, настаиваютъ на томъ, что вопросъ польско-еврейскихъ отношеній есть строго и исключительно польскій національный вопросъ, и абсолютно не допускаютъ посторонняго вмѣшательства. Самыя попытки этого вмѣшательства трактуются, какъ покушеніе на возникающую независимость Польши. Такое отношеніе поляковъ къ этому вопросу повелось не съ сегодняшняго дня. Въ Государственной Думѣ третьяго созыва членъ польскаго коло депутатъ Грабскій, въ засѣданіи 28-го ноября 1911 года, въ отвѣтъ на критику заявленія, сдѣланнаго въ засѣданіи 23-го ноября того же года, отъ имени коло депутатомъ Яронскимъ, что «вводить самоуправленіе» въ польскихъ городахъ «безъ ограниченій для евреевъ было бы совершенно немыслимо», сказалъ: «Мы рѣшительно не нуждаемся въ урокахъ съ чьей бы то ни было стороны» *). Въ Государственной Думѣ четвертаго созыва членъ польскаго коло депутатъ отъ Ломжинской губерніи Гарусевичъ при обсужденіи того же законопроекта о польскомъ городскомъ самоуправленіи, послѣ возвращенія его изъ Государственнаго Совѣта, въ отвѣтъ на рѣчь Родичева, подвергнувшаго подробной критикѣ позицію

*) Стеногр. отчетъ о засѣд. Госуд. Думы 3-го созыва, стр. 2855.

поляковъ, отстаивавшихъ ограниченія евреевъ, заявилъ тоже въ засѣданіи 12 іюня 1913 года: «мы не уполномочиваемъ... давать намъ какія бы то ни было уроки въ нашемъ политическомъ поведеніи... это—вовсе не вопросъ обиды, это—вопросъ самостоятельности...» *).

И такъ, уже въ общеимперскомъ парламентѣ, гдѣ всѣ депутаты безъ исключенія имѣютъ равныя права по обсужденію всѣхъ вопросовъ внутренней жизни имперіи и законодательства, поляки считали оцѣнку польско-еврейскихъ отношеній вторженіемъ въ сферу ихъ самостоятельности. При этомъ депутатъ Гарусевичъ не замѣтилъ, въ какомъ противорѣчій стояло его заявленіе съ заключительными словами его рѣчи въ засѣданіи Думы 5-го іюля 1913 года: «...мы надѣемся, что придетъ время, когда Государственная Дума, какъ представительница русскаго народа, которая должна быть не только разумомъ, но и *совѣстью* этого народа, что она намъ дастъ то, что слѣдуетъ...». Депутатъ Янушевичъ, поэтому, совершенно умѣстно указалъ въ томъ же засѣданіи, что поляковъ-депутатовъ не осуждаютъ за вмѣшательство въ законодательныя мѣропріятія, касающіяся внутреннихъ, чисто русскіхъ губерній и своевременно напомнилъ ему, чьими голосами былъ проведенъ законъ 9-го ноября, и «этимъ закономъ», какъ выразился депутатъ, «былъ приставленъ ножъ къ горлу русскаго крестьянина» *). Теперь, когда польско-еврейскія отношенія привлекли къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества, мы слышимъ то же отъ поляковъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ теченіямъ политической мысли. Кромѣ ссылки на то, что это—вопросъ внутренней польской жизни, что вмѣшательство въ него есть вторженіе въ сферу польской самостоятельности, приводится еще одинъ аргументъ. Тѣ изъ поляковъ, которые признаютъ наличность въ Польшѣ широко распространеннаго антисемитизма, утверждаютъ, ссылаясь на исторію польско-еврейскихъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ, что антисемитизмъ органически чуждъ Польшѣ, и что современный антисемитизмъ является сложнымъ производнымъ двухъ

*) Стеногр. отчетъ о засѣд. Госуд. Думы. 4-го созыва, стр. 2067.

***) Стеногр. отч. о засѣд. Госуд. Думы 4-го соз. стр. 2073.

основныхъ причинъ въ сочетаніи съ современными условіями польской экономической жизни, которая находится въ стадіи организациі своего польскаго третьяго сословія. Двѣ же основныхъ причины польскаго антисемитизма—чисто русскаго происхожденія и бытія: черта постоянной еврейской осѣдлости и наплывъ въ Польшу русскихъ и литовскихъ евреевъ; которыхъ называютъ общимъ именемъ «литваковъ». И вотъ, обращаясь,—какъ это ни странно,—къ русскому обществу, поляки говорятъ: существованіе черты еврейской осѣдлости въ Россіи лишаетъ васъ права говорить объ антисемитизмѣ въ Польшѣ, гдѣ евреи равноправны съ польскимъ населеніемъ; уничтожьте у себя черту еврейской осѣдлости, и исчезнетъ основная причина наплыва русскихъ евреевъ въ Польшу, а съ нею вмѣстѣ и польскій антисемитизмъ, если не исчезнетъ, то смягчится.

Итакъ: въ Россіи законодательнымъ порядкомъ закрѣплены ограниченія евреевъ въ правахъ, противъ нихъ русское прогрессивное общество протестуетъ, съ ними считаетъ себя обязаннымъ бороться и поэтому... оно лишено права протеста противъ антисемитизма польскаго. Какъ разъ наоборотъ: *поэтому*, оно и не лишено этого права, *поэтому* оно и принадлежитъ ему. Аргументъ—отповѣдь не по адресу. Онъ умѣстенъ по отношенію къ Марковымъ 2-мъ, Замысловскимъ и всѣмъ, иже съ ними. Смѣшивать же подполосковъ реакціи съ русскимъ прогрессивнымъ обществомъ, которое стоитъ къ нимъ въ оппозиціи, значитъ совершать элементарную политическую ошибку и не умѣть учитывать невѣсомыя цѣнности и ихъ значеніе для будущаго политическаго строительства. Это особенно недопустимо для поляковъ. Какъ разъ въ исторіи Польши эти невѣсомыя цѣнности имѣютъ особое значеніе: это горѣніе къ свободѣ, эти отчаянныя, часто завѣдомо безнадежныя, выступленія въ борьбѣ за нее, а не результаты, не реалныя цѣнности.

Такимъ образомъ, приведенныя соображенія поляковъ не обосновываютъ ихъ протеста противъ вмѣшательства въ польско-еврейскія отношенія. Въ противовѣсъ же имъ можно привести достаточно доводовъ для утвердительнаго отвѣта на вопросъ о правѣ вмѣшательства въ эти отношенія.

Умѣстно прежде всего отвѣтить на этотъ вопросъ словами

одного извѣстнаго публициста - народника, сказанными въ публичномъ собраніи въ Петроградѣ: «Я привыкъ не дѣлать себѣ никакихъ идиоловъ, какъ бы громки и почтенны они ни были. Не хочу я творить себѣ идола и изъ лозунга независимости. Выше всего для меня права и интересы живого человѣка, и если права этого живого человѣка этимъ идоломъ будутъ нарушаться, то никакіе принципы независимости не удержатъ меня, поскольку это въ моихъ силахъ, отъ вмѣшательства, отъ заступничества за права угнетенныхъ». По тѣмъ же соображеніямъ и изъ тѣхъ же побужденій весь цивилизованный міръ въ свое время въ доступныхъ ему формахъ протестовалъ и протестомъ своимъ вмѣшивался въ армяно-турецкія отношенія. Еврейскіе погромы въ Россіи вызывали протесты во всемъ цивилизованномъ мірѣ и переносились даже въ парламенты. Мы, русскіе люди, неповинные въ этихъ ужасахъ, протесты эти считали умѣстными; мы имъ радовались, по тону протестующихъ голосовъ опредѣляли степень близости намъ нашихъ друзей въ человѣчествѣ. Чѣмъ рѣзче былъ тонъ протеста, тѣмъ полнѣе звучалъ въ немъ голосъ человѣка и тѣмъ ближе и дороже былъ онъ намъ. Тѣмъ болѣе тѣ изъ насъ, которые опредѣляли для себя, какъ одну изъ ближайшихъ и самыхъ важныхъ *національныхъ* задачъ, борьбу противъ еврейскаго безправія, не могутъ пройти мимо явленія, аналогичнаго тому, съ которымъ они у себя на родинѣ обязаны вступить въ борьбу, введенную въ программу и тактику всѣхъ прогрессивныхъ политическихъ партій.

Такимъ образомъ, вмѣшательство русскаго общественнаго мнѣнія въ польско-еврейскія отношенія обусловливается обязанностями и задачами всякой прогрессивной и въ особенности демократической интеллигенціи любой страны. Этому вмѣшательству не могутъ помѣшать ни границы государствъ, ни самостоятельность ихъ существованія, ни даже сложный и острый моментъ борьбы за независимость.

Но по отношенію къ Польшѣ у насъ есть спеціальная причина для обнаруженія дѣятельнаго вниманія къ польско-еврейскимъ отношеніямъ. Обусловливается она общими интересами, общими задачами русской демократіи и спеціальными интере-

сами того русскаго вопроса, который надлежитъ назвать русскимъ вопросомъ о евреяхъ.

Русскія войска на театръ военныхъ дѣйствій проходятъ черезъ Польшу, ведутъ борьбу съ врагомъ на польской территоріи, ближайшій тылъ многомилліонныхъ армій расположенъ въ Польшѣ, въ Россію вернется армія по окончаніи войны также черезъ Польшу. Вернувшаяся съ войны армія въ своей постоянной части и въ той части, которая опять будетъ поглощена народомъ, станетъ серьезнымъ факторомъ народной жизни. Нужно и въ интересахъ Россіи, такъ же, какъ и въ интересахъ всѣхъ народностей Россіи и Польши, чтобы это войско не принесло съ собой противообщественныхъ привычекъ. Поэтому было бы плохо уже и тогда, если бы антисемитизмъ не встрѣтилъ противодѣйствія на территоріи военныхъ стоянокъ и боевыхъ дѣйствій. И невыразимо страшно, когда этотъ антисемитизмъ найдетъ для себя тамъ благопріятную почву и тѣмъ болѣе, если онъ встрѣтитъ новую пищу, новыя побуждающія начала, способныя взростить въ немъ жестокіе предрасудки и поселить безсознательную ненависть къ народу, котораго русскій солдатъ центральныхъ губерній даже не знаетъ. Такимъ образомъ, на пути къ освобожденію евреевъ въ Россіи возникаетъ новое громаднѣе препятствіе. Въ этой опасности содержится и третій аргументъ въ защиту нашего права вмѣшаться въ польско-еврейскія отношенія, аргументъ, вытекающій изъ тѣхъ заявленій, словесныхъ и печатныхъ, которыя постоянно приходится слышать изъ устъ поляковъ, и о которыхъ мы выше говорили. Совершенно очевидно: если Польша заинтересована въ уничтоженіи постоянной черты еврейской осѣдлости въ Россіи, въ сравненіи евреевъ въ правахъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, то въ интересахъ поляковъ бороться со всѣми тѣми условіями, которыя могутъ поддерживать русскій антисемитизмъ, т.-е. въ ихъ интересахъ бороться со своимъ собственнымъ антисемитизмомъ.

Вотъ тѣ основанія, которыя даютъ право русскому обществу вмѣшиваться въ польско-еврейскія отношенія. Другихъ основаній нѣтъ, и для русской демократіи важно, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, совершенно опредѣ-

ленно заявить, что среди этих оснований нѣтъ соображенія о томъ, что Польша—только провинція въ Россіи, ибо русская демократія хочетъ, дѣятельно хочетъ, чтобы надежды Польши на освобожденіе осуществились полностью. Это искреннее желаніе русской демократіи опредѣляетъ и форму вмѣшательства. По поводу антисемитизма въ Польшѣ русское общество обращается къ самимъ же полякамъ, но, конечно, къ тѣмъ изъ нихъ, кто имѣетъ желаніе и смѣлость констатировать явленіе, его характеръ и объемъ и съ нимъ бороться, т.-е. къ польской демократіи. То обстоятельство, что не она правитъ въ Польшѣ, не можетъ отразиться на поведеніи русскаго общества, которое вѣритъ въ побѣдоносную и организующую силу великихъ идей демократіи. Поэтому, вмѣшательство въ польско-еврейскія отношенія представляется русскому обществу прежде всего и главнымъ образомъ, какъ дружный и дѣятельный союзъ съ представителями польской демократіи, всякое искреннее заявленіе которой встрѣчается въ его средѣ съ большою радостью, исполненною надеждъ.

Такое вмѣшательство не содержитъ въ себѣ никакихъ признаковъ высокомерія праведника, увѣреннаго въ своемъ правѣ поучать и приказывать. Представители русской демократической интеллигенціи неповинны *морально* и—въ данный моментъ—*политически* ни въ современномъ положеніи Польши, ни въ безправіи евреевъ. Но въ составѣ русскаго государства, русская демократія причастна *исторически* и къ тому, и другому. Она это сознаетъ, отъ этого страдаетъ и ощущаетъ это, какъ свою *историческую вину* и передъ Польшей, и передъ еврейскимъ народомъ.

Такое ощущеніе далеко отъ сознанія своей праведности и исключаетъ всякое право поучать и приказывать. Но оно не только не исключаетъ, но обуславливаетъ дѣятельное стремленіе сбросить съ себя тяжесть вины и въ союзѣ съ польскими демократами бороться за общіе идеалы. Польская демократія находится въ томъ же положеніи. Изъ устъ ея представителей приходится слышать, что она не можетъ взять на себя моральную отвѣтственность за польскій антисемитизмъ, что идеалы ея противоположны дѣятельности народной демократіи, что

она стремится къ тому, «чтобы послѣ теперешней войны настала лучшая будущность для польскаго народа, чтобы польская демократія стала руководящей силой польской жизни и тогда еврейскій вопросъ разрѣшится въ духѣ руководящихъ лозунговъ лучшей польской традиціи» ¹⁾. И потому ни *морально*, ни—въ данный моментъ—*политически* польская демократія не повинна въ польскомъ антисемитизмѣ, но *исторически* она повинна и въ польскомъ антисемитизмѣ, и за свою правящую политическую партію и обязана сознать эту свою историческую вину. Осознать эту вину значитъ для польской демократіи исключить для себя всякую возможность протеста противъ такого вмѣшательства, которое обязываетъ только протянуть руку русской демократіи для борьбы съ общими врагами.

Очевидно, такимъ образомъ, что вмѣшательство русской демократической интеллигенціи въ польско-еврейскія отношенія во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого сходства «съ интервенціей хозяевъ», какъ его неправильно именуетъ, напр., Тадеушъ Голувко, говорящій отъ имени польской демократіи. «Въ этомъ правѣ мы вамъ отказываемъ» ²⁾, говоритъ онъ. Этого права и не добивалась та часть русскаго общества, которая, дѣйствительно, хочетъ равноправія для евреевъ и свободы для Польши. Голувко протестуетъ противъ угрозы: «Мы вамъ не дадимъ автономіи, если вы будете обижать евреевъ» ³⁾. Та же часть русскаго общества этой угрозы не произноситъ и не произносила, но она скажетъ: «Если вопросъ о судьбѣ Польши будетъ обсуждаться въ русскомъ парламентѣ, то она въ лицѣ своихъ представителей и — увѣрена — въ союзѣ съ польскими демократами будетъ настаивать на широкой автономіи Польши, но съ дѣйствительными гарантіями, правъ національнаго меньшинства,—такъ, чтобы въ свободной Польшѣ не было евреевъ, ограниченныхъ въ правахъ, такъ же точно, какъ и представителей другихъ національностей». Съ точки зрѣнія демократа, надѣмся, это не можетъ быть названо угрозой «интервенціей хозяевъ». Нельзя допустить, чтобы демократъ могъ думать

1) Widnokrqag, № 51, 8/21 дек. 1914 г., Tadeusz Holówko.

2) Ibidem.

3) Ibidem.

иначе. Тѣ же изъ русскихъ людей, которые при обсужденіи автономіи Польши будутъ стоять на иной точкѣ зрѣнія, конечно, будутъ голосовать и противъ автономіи Польши. Это положеніе не требуетъ ни доказательствъ, ни комментаріевъ.

Таковы основы и предѣлы нашего внимательства.

П. Н. Малянтовичъ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel: 26-68 63

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр
Н. Н. Полявскій: —Предисловіе	I—IV.
В. Стоклицкая-Терешковичъ: —Еврейскій вопросъ въ Польшѣ наканунѣ ея паденія	7.
С. Мстиславская: —Евреи въ польскихъ возстаніяхъ.	35.
Я. Букшпанъ: —Национально - экономическія отношенія въ Ц. П.	67.
Къ вопросу о национально - экономическ. отношеніяхъ въ Ц. П. (по поводу ст. Я. Букшпана).	91.
Д. Шейнисъ: —Къ введенію Городского самоуправленія въ Польшѣ	97.
Я. Г. Емельяновъ: —Права національностей и автономія Польши	108.
Т. Гейликманъ: —Территоріальная и культурно-націо- нальная автономія	131.
А. Золотаревъ: —Еврейскій вопросъ въ новѣйшей „поль- ской“ постановкѣ	151.
Г. Глясъ (Аванти): —Хаосъ. (Къ психологіи противо- еврейскаго движенія).	175.
Г. Ракитинъ: —Национальныя отношенія въ Польшѣ	201.
Г. Глясъ (Аванти): —Литературный бойкотъ	224.
Р. Выдринъ: —Изъ исторіи русско-польско-еврейскихъ отношеній (Къ вопросу о вмѣшательствѣ)	237.
П. Н. Малянтовичъ: —О правѣ вмѣшательства.	250.

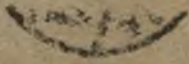
Ц. 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И КНИГОИЗДАТ. „НАУКА“

МОСКВА, БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ, ДОМЪ № 10.

<http://rcin.org.pl>

22.680